

ФОТО

№ 2 ЯНВАРЬ 1980

ЛЕННИН
И ТЕПЕРЬ
ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ.
НАШЕ ЗНАНИЕ,
СИЛА И ОРУЖИЕ.

B. Маяковский

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

«...СВАЛИТЬ НЕГРАМОТНОСТЬ В РОССИИ»

Слово о просвещении

В МЕТРЕ от кинокамеры—Ленин... Только что вышел из Дома союзов, там еще гудит тысячеустая аудитория: библиотекари, избачи, красноармейцы—просвещенцы, собравшиеся на I съезд по внешкольному образованию. Подожгло-таки их объяснение без условностей, деловая откровенность вместо велеречивых приветствий... Вышел из подъезда, а тут киношники; кто-то подбежал, принял объяснение—не вышла-де ответственная съемка, в зале темень, несколько лампочек вполнакала, трибуны не разглядышь, а тут, перед вечерним закатом... Пока выслушивал, оказался в метре от кинокамеры...

Да, Владимир Ильич обладал ярким просветительским даром, склонностями, устремлениями, однако ему нередко приходилось подчинять их, приносить в жертву неотложным делам организации борьбы. Может, и впрямь фигура великого революционного вождя несколько заслонила фигуру великого просветителя, но вот что совершенно очевидно—просвещение никогда не было для Владимира Ильича какой-то самоцелью, он понимал его как часть борьбы за упрочение социализма в России и во всем мире.

Именно Ленину принадлежит мысль, развитая в тезис партийной программы: «школа должна стать орудием диктатуры пролетариата, т. е. не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идеиного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс...». И на первом после Октября «августовском педсовете» и при других встречах с учительством Владимир Ильич неотступно убеждает: «школа вне жизни, вне политики—это ложь и лицемерие»; мы должны сделать школу «орудием воспитания человеческой личности»; «учительство должно стать главной армией на фронте социалистического просвещения».

Конечно, новая школа—действенное средство воспитания нового человека. Но, «чтобы школьное образование поставить более солидно, для этого нужен целый ряд материальных изменений: постройка школ, подбор учителей, внутренние реформы...» А жизнь не ждет, социалистическую стройку нельзя законсерви-

ровать. Надо искать иные пути, надо соединить навыки партийного воздействия на массы с методами культурно-просветительскими, пойти навстречу неустановленной потребности широкого населения в знаниях—для переустройства всей жизни надо использовать внешкольное образование.

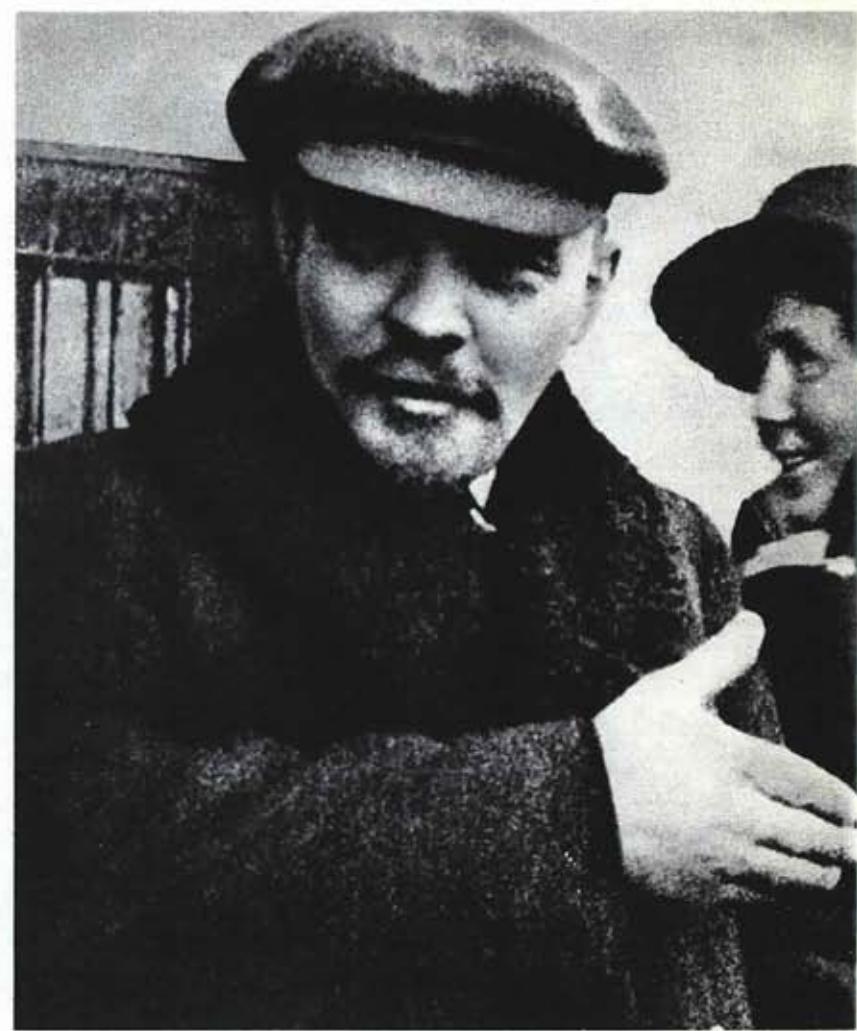
С первых шагов от Октябрьского рубежа на пути действительного народовластия—революционеры это видели—черной осью встало неграмотность масс. Остнее всех это ощущал Ленин. «Вам придется свалить неграмотность в России»—были его первые слова, искрящиеся юмором и энтузиазмом, которые услышал А. В. Луначарский—нарком просвещения, назначенный на другой день после победы революции. В принятом позже Декрете специально подчеркивалось: ликвидация безграмотности проводится «в целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны», к учению призывалось все население от восьми до пятидесяти лет, не умеющее читать или писать. «Обязанность ликвидировать безграмотность,—заметил как-то один из старых большевиков, близкий сотрудник Владимира Ильича на стезе просвещения М. Н. Покровский,—рисовалась Ленину в форме такой же повинности, как повинность идти на фронт драяться с Колчаком и Деникиным».

Наподобие знаменитой комиссии Ф. Э. Дзержинского была образована ВЧК по ликвидации безграмотности, в состав которой вошли люди, хорошо известные Владимиру Ильичу как боевой своей репутацией, революционной решительностью, так и трепетным отношением к знаниям, педагогическим опытом и авторитетом. Членами комиссии стали: старый партиец, публицист и военачальник, руководитель отрядов, штурмовавших Зимний, Н. И. Подвойский; профессиональная революционерка со времен первых марксистских кружков «Союза борьбы», преданная большевику, самоотверженный партийный организатор П. И. Кулебко; надежный конспиратор, женский проблемист, опытный просвещенец Л. Р. Менжинская; активный работник Наркомпроса, автор первого советского букваря для взрослых Д. Ю. Элькина.

ВЧК ликбеза могла работать эффективно и с размахом, а если у нее возникали трудности, она получала энергичную ленинскую поддержку, «ибо бороться с неграмотностью—задача в *ажнее других*». Вместе с тем с самого начала дело развивалось не так стремительно, как требовали обстоятельства, и вовсе не свободно было от всяческих изъянов.

В Доме союзов собрались замечательные энтузиасты, действительно народные просветители. Им

**В. И. ЛЕНИН У ДОМА СОЮЗОВ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ЗАСЕДАНИЯ
I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.
1919 г., 6 МАЯ. МОСКВА.**

бы—торжественные приветствия, поклон в благодарность. И вообще вроде бы не принято в таком собрании говорить о чем-то плохом. Но Ленину пришлось переступить через условности, всех попросил: «надеюсь, мол, вы от этих условностей будете свободны и не посуетуете на меня, если я своими несколько печальными наблюдениями поделюсь с вами».

Не забудьте, говорил Ильич, что мы прикованы еще к старому тысячам, миллионами нитей, канатов, цепей. И оно, это старое буржуазное чудище, живуче,—цепляется, мимикрирует... Мы строим свои социальные институты, образовательные учреждения рабочих и крестьян, развиваем широкое движение, закладываем основы новой культуры. А отпрыски чудища—выходцы из буржуазной интеллигенции пытаются приспособить новые формы духовного развития для своих личных упражнений, экспериментов, выдумок. И мы обнаруживаем—то в области философии, то в области культуры—самое нелепейшее кривляние, нечто сверхъестественное и несурзанное под видом «чисто пролетарского искусства» (взрыв аплодисментов: съезд целиком солидарен).—Значит, можно надеяться—вылезает и вылезем из этого болота «чистых искусств»!

Не упустите из виду, предупреждал Ленин, и другую опасность: мелкобуржуазное течение, устремившееся в прорванные нами плотины, легко смыает старое, но ничего созидающего, организующего, организованного внести не может, как бы нам не соскользнуть в это русло, не поплыть по течению. Стихии надо противопоставить программную созидающую работу.

Мы приняли хорошие декреты, провозгласили благородные принципы. Всякий грамотный человек должен обучить нескольких неграмотных, и не для филантропического умиления, а для того, чтобы способствовать политическому развитию всего населения. И вот, когда взвесишь, посмотришь—что же сделано?—сделанного очень мало. Организуем, переорганизуем и тонем в ведомственных спорах. Мы должны стать, наконец, на правильный путь, чтобы победить некультурность, темноту и дикость, от которых страдаем.

НАБРОСКИ плана своего принципиального выступления на I съезде просвещенцев Владимир Ильич подытожил символическим кличем: «Идти в народ». Теперь, двадцать месяцев спустя после Октября, это следует повторить с еще большей настойчивостью—надо решительно «пойти навстречу той гро-

мадной потребности в знании, в свободном образовании, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс...» Идти едином фронтом, всем без исключения.

Через несколько недель встанет под парами агитационный пароход «Красная звезда», оснащенный кино- и радиоаппаратурой, типографией, снабженный большим запасом книг. Ему предстоит пройти маршрутами Волги и Камы, развернуть широкую агитационную и просветительскую работу, исцеляющую слепоту неграмотности, закрепляющую ростки Советской власти. В дальний и опасный рейс на агитпароходе отправится и Надежда Константиновна Крупская.

— Перед отъездом,— будет вспоминать она потом,— мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить.

Всякий раз, когда Владимиру Ильичу приходится соприкасаться с вопросами агитации, просвещения, неизменно наблюдается одна и та же картина— все дружно жалуются на отсутствие необходимой литературы, книг вообще, жалуются до самозабвения, до безысходной тоски. «Конечно,— подтвердил он сегодня делегатам съезда,— у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало и книг мы получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно и то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял...»

И до сих пор— сколько жалоб приходится разбирать в Совнаркоме— идет это «стихийное перераспределение»— и гибнут, распыляются, пропадают втуне целые сокровища... И мужик тут не виноват— такая логика его поведения на этой стадии революции неизбежна; укрывая у себя книги втайне от других, «он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книга будет достаточно, чтобы грамотного наполнить и безграмотного научить». Но обидно, что этому энергично не содействуют люди просвещенные, поставленные Советской властью на ключевые позиции народного образования.

Конечно, революция сразу же в колossalной степени увеличила книжные богатства, но и спрос стал расти в геометрической прогрессии. Надо искать, искать выход. В первой же беседе в Смольном советовал Луначарскому:

— Вы должны над этим делом поработать сами. Созовите библиотековедов. В Америке делается очень много хорошего по этой части... Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почту, устроить своего рода формы передвижек. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение, то у нас будет книжный голод.

Библиотечный вопрос и раз, и два, и три обсуждался в правительстве, предписывалось «немедленно принять самые энергичные меры» для централизации библиотечного дела в России, соединения всех книгохранилищ— от крупнейших публичных библиотек до изб-читален; создавались «положения» и «комиссии», предписывались «директивы», даже ставилось «на вид» целому наркому, а дело двигалось по-утиточке медленно... Теперь Владимир Ильич призывает всех просвещенцев содействовать тому, чтобы проявить книгу к рабочему, предельно использовать каждую имеющуюся книжку.

Особо заботливое отношение должно быть проявлено к классике. Уже в октябре стоял вопрос о том, чтобы сразу приступить к переизданию классических произведений, несмотря на обострившийся бумажный голод. Как же еще переиздавать, подал реплику Бонч-Бруевич в одном из первых разговоров в Смольном, если царская цензура до такой степени извратила то, что писали наши классики, что отдельные произведения представляют лишь покалеченные остатки. Да, разумеется, мы соберем все подлинные рукописи и материалы, приведем их в порядок, издадим полные академические издания наших классиков. Мы покажем всему миру, что значит истинная культурная работа в той стране, где власть перешла к рабочему классу... Но все это впереди. Сейчас же надо переиздавать отдельные классические вещи как есть, чтобы скорее двинуть их к широким массам, снабдив эти книги хорошим пояснением, примечаниями. Куда лучше, чем популяризовать всякие пропагандистские кривляния.

Отрадно, что и Горький готов со всей своей энергией двигать издание «Всемирной литературы», разрабатывает специальный каталог, охватывающий самые ценные мировые сокровища, так необходимые для просвещения нашей страны.

Конечно же, помимо классики, нужна и добротная доходчивая литература, которая давала бы даже темному крестьянину ясное, популярное изложение жизненно важных вопросов.

Средства популяризации, доверительный тон в массовой литературе— штука не простая. Не раз вечерами Владимир Ильич приглашал к себе опытных партийных публицистов В. А. Карпинского, Б. М. Волина, Л. С. Сосновского, редактирующих такие популярные издания, как «Беднота», «Рабочая Москва», приглашал, чтобы коллективно, «без регламента», поразмышилят о том, что и как писать, по какому принципу составлять сборники, хрестоматии. Набросал даже инструкцию о составлении «книги для чтения рабочих и крестьян», которая вобрала в себя материал и для публичных выступлений, и для домашних бесед, и для перепечатки, и для перевода. Очертил круг тем:

- строительство Советской власти, ее политика извне и внутренняя;
- как управлять страной;
- закон о земле;
- совнархозы;
- национализация фабрик;
- трудовая дисциплина;
- империализм;
- империалистическая война;
- тайные договоры;
- как мы предлагали мир;
- за что мы теперь воюем;
- что такое коммунизм;
- отделение церкви от государства. И так далее.

От составления популярной хрестоматии можно переходить к серьезным популяризаторским трудам, отражающим новейшие течения общественной мысли, последнее слово науки и техники.

Так и сложилось вскоре, когда партия приступила к осуществлению второй своей программы— плана ГОЭЛРО... Крупному литератору-марксисту, автору многих экономических и исторических работ, переводчику «Капитала» Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову будет поручено написать книгу по электрификации. Владимир Ильич примет эту работу под личную опеку, будет постоянно интересоваться ходом дела, и когда увидит, что автора в конец съедает текучка, мешает творчеству, предложит товарищам «сослать его... в один из подмосковных совхозов, на молоко, чтобы он в 1—1½ месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятое им литературную работу».

Автор вскоре с благодарностью ощутит, сколь плодотворно это беспощадное «принуждение», будет восхищаться своим «умным эксплуататором», умеющим «превосходно повышать работоспособность». «Да здравствует такое принуждение!»— воскликнет он, одержав творческую победу. Владимир Ильич поздравит Скворцова-Степанова с «великолепным успехом» и в предисловии к книге с радостью отметит:

— Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян.

Именно таких пособий не хватает нам для настоящей учебы,— скажет Владимир Ильич и заметит не без укора:— Если бы все литераторы-марксисты вместо политической трескотни «засели за такие же пособия по всем без изъятия общественным вопросам...».

Не просто организовать ликбез, еще сложнее впервые поставить народное образование. Культурная революция диктует: учение, воспитание, образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми— слишком много неизлечимых пороков у царистской школы. Но было бы непростительным легкомыслием, огромной ошибкой отказаться вообще от усвоения накопленных богатств. Коммунизм мы можем строить только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались от старого общества. Значит, надо уметь различить, что было плохого в старой школе и что полезно нам выбрать для строительства новой школы. Неотступно и пристально следит Владимир Ильич за ее развитием, деятельно помогает в ее первых шагах, для чего использует и откровенные объяснения с учительством при неоднократных встречах, и страстные обращения к комсомолу, к молодежи.

В дни, когда будет утверждаться программа ГОЭЛРО, состоится партийное совещание по вопросам народного образования, на котором Надежда Константиновна предстоит выступать. Просмотрев подготовленные ею тезисы, Ильич сделает исключительно ценное замечание, предупредив, что это «чертёвник»: «Я еще раз и два обдумаю это». И действительно, вскоре он составит «Директивы ЦК коммунистам-работникам Наркомпроса», а затем обстоятельно прокомментирует их в правдинской статье «О

работе Наркомпроса», отстаивая и развивая положения партийной программы.

Он прежде всего подчеркнет принципиальное значение политехнического образования, поставит вопрос о немедленном переходе к его доступным формам и подскажет: обязательно надо ввести ряд практических работ, какие только возможны с электричеством. Но посоветует избегать ранней специализации, а всякие псевдоученные рассуждения о «монотехническом» образовании посчитает вредными, предложит и в профтехучилищах расширять общеобразовательные предметы.

Конечно, не нужно отрываться от теперешней действительности— развивать ремесленные навыки, но не в ущерб общему образованию. Владимир Ильич, как подчеркивал затем Н. К. Крупская, ратует за школу труда; школу, тесно связанную с жизнью; открывающую ребенку самые различные сферы приложения сил; за школу, которая учит коллективистской жизни, создает условия для развития человеческой личности.

С другой стороны, по мысли Владимира Ильича, распространение и качественное совершенствование образования, развитие личности прямо ведет к повышению общей культуры. А задачу подъема культуры жизнь уже ставит в число первоочередных. «Нам недостаточно ликвидировать безграмотность,— скажет он политпросветчикам на II съезде,— нужно еще строить советское хозяйство, и тут на одной грамотности далеко не уедешь... Надо осваивать современную культуру труда».

«Научиться работать,— будет он далее развивать свою мысль,— это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики. Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки;— это наша первая и главнейшая задача».

Сложной прогрессии видят Владимира Ильича пути образования в исторической перспективе. Не случайно свою крылатую формулу: «Коммунизм = Советская власть + электрификация» он подкрепляет в «Заметках об электрификации» следующими положениями:

- ...Общий и единый план: централизация внимания и сил народа.
- Подъем культуры (трудящихся).
- Не простая грамотность.

Встретит страна второй Октябрь, и третий, будет готовиться к встрече четвертого; вырвется из тисков блокады и гражданской войны, с великим усердием начнет мирное строительство, войдет в полосу нэпа. Вновь соберутся комиссары армий просвещения, и Ленин оценит все, сделанное подвижниками народного образования, политпросветчиками; всесторонне проанализирует и решительно обновит ту сложнейшую, исключительно острую ситуацию, гвоздем которой стала новая экономическая политика. Вспомнит тогда Владимир Ильич и ВЧК по ликвидации безграмотности; вспомнит, чтобы отдать дань признания и вынести приговор.

Мы много, скажет он, «наделали чудес и в военной области и в других»; чудом было и ВЧК ликбеза; но самым большим чудом стала бы ликвидация этой комиссии по ликвидации... ибо так бороться с безграмотностью можно только в условиях чрезвычайных, в обстановке полудикости... За ликвидацией безграмотности должна последовать ликвидация политической инертности. Надо добиваться, чтобы человек, научившийся читать и писать, «получил возможность применить это умение... к улучшению своего хозяйства и своего государства». Надо добиваться того, чтобы он умел пользоваться хорошими советскими законами и беспощадно искоренять такие явления, как борократизм, волокита, взяточничество. Отсюда складывается новая миссия поборников политического просвещения— научить народ, как достигать практических результатов в строительстве социализма, как применять в жизни справедливые законы и установления.

Четыре заповеди услышат политпросветчики от Владимира Ильича:

1. Не мудрствуя лукаво, не важничай коммунизмом, не прикрывай величии словами халатности, безделья, обломовщины, отсталости;
2. ликвидируй безграмотность;
3. борись с взяточниками;
4. проверяй всю свою работу, дабы слова не остались словами, практическими успехами хозяйственного строительства».

...Еще раз взглянем на историческую фотографию. Ленин в метре от кинокамеры. Он весь в мыслях, взвужденных съездом энтузиастов-просвещенцев. Даже этот его жест кажется не случайным. Он словно зовет дружески, ободряюще: идите с нами на поприще просвещения, если вы радеете за интересы народа; вам будет трудно, но мы вместе добьемся большого успеха.

СЕДОЕ СОЛНЦЕ

1 Памяти матери

Странный тот день. Безликий.

Не праведный и не грешный.

День словно призрак. День паузы.

Под знаком нуля.

Кто там стоит?

Я? Или кто-то нездешний?

Черная яма — что космос...

И с горошинку — наша Земля.

Лугом идут. Степью идут.

Вдоль рощ и прогалищ.

Яма их тянет, как сатанинский магнит.

Кто-то всплакнул. Кто-то вздохнул:

«Вчера лишь...»

Кто — говорит? Что — говорит?

Зачем — говорит?

Взорванный день. Пепел и боль.

Горя затяжка.

Был ты иль нет? О, лучше б — с гранаты кольцо!

Кто там стоит? Я иль не... я?

Грохнуло тяжко.

Креп на багряном.

Желтого воску чело.

Взяли лопаты. И в землю вонзили упрямо.

Мерзлые комья... Стук молотков... прямо в висок.

Крик ослепил. В крике — прозрел:

«Боже мой, мама!»

День промелькнул? Век пролетел?

...Стою, одинок.

Серая глушь. Серая тишина.

Черная яма.

Остановились часы. Окаменели. Вышел им срок.

Мальчик мелькнул. Мальчик вскричал радостно:

— Мама-а!

Птахой на зов — сердцем о холм.

...Стою, одинок.

Мир опустился на плечи

гранитной плитою.

Тяжесть двойная гнетет, мои силы дробя.

Только теперь осознал я —

под нашей двойной —

Как ты несла этот мир

за меня и себя!

Тяжко идти. Один, словно перст.

Крест мой — печальный.

Руку простер — думал: плачу... Холмик — и все!

Сам на себя брошен судьбой.

Вот я и крайний!

Холодом космоса дует мне жестко в лицо.

Негде укрыться. Промерзших степей panorama.

Снег словно марля. Белая пустошь. Зима.

Как же мне холодно...

Боже, как холодно, мама!

Холодно, мама... холодно, мама...

Холодно, ма-а!!!

2

Год пролетел? Иль век пролетел? Не знаю.

Вот и забвенье пустило свой первый побег.

Гуси летят. Гуси летят из-за Дуная.

Все пролетят.

Жизнь не исчезнет вовек.

Схлынут снега. Цвет опадёт. Доспевают ранеты.

Круг завершится.

По новому кругу пойдут виражи.

Только сюда, на зеленое лено планеты,

ты не вернешься, дорогая,

с последней межи.

Думы плывут, как самолеты.

Тяжко. На Киев.

Вот и еще день пролетел,

сам по себе...

Как я тебя понимаю,

Кайсын Кулиев,

Брат мой седой

по нелегкой сиротской судьбе!

Вот мы поникли, как скорбные стяги,

под небом.

Горы меж нами. Горы меж нами. Века.

Может, ни разу еще
ты мне близок так

не был:

Сердце у сердца.

В руке — дорогая рука.

Горько нам, брат. И легко:

не скопили мы зата.

Только богатство наших

хватит на все времена:

Есть у нас отческий кров.

И могилы, хранимые свято.

Наша судьба.

И святых матерей имена.

Клад наш — весь мир.

И весенние эти рассветы.

Не для себя я копил,

а для будущих дней.

...Вот мне и легче

под тяжкою нашей планеты:

Плечи расправил...

Коснулся ладони твоей.

3

В чарном поле желтый смерч...

Так — в извечной круговороти:

У дороги бродят смерть —

Только нет

дороги смерти.

Все уйдет когда-нибудь,

Унесем с собой печали...

Но бессмертен звездный путь

Нескончаемой спирали.

Лишь мгновенье нам дано...

Только, люди, не тужите!

Ведь хоронят и зерно,

Чтоб оно воскресло —

в жите.

Если цвет не упадет

В золотые руки лета,

Не возникнет в мире плод —

новый кладезь первоцвета.

Кони ржут в рассветный час,

Быть кольыта у порога.

Мы бессмертны, коль у нас

Есть движенье, есть дорога!

Так по коням!

Путь далек.

Голос правды вечно с нами.

Материнский пусть платок

Осеняет нас, как знамя.

Мы — от пашен, мы — от верб...

Не ищи древнее знати:

Геральдический наш герб

Осениает слово:

«Мати».

Светит солнце вешних дней.

Обретенье есть в утрете.

Мы хороним матерей,—

Но жива в столетьях

Мати!

4 Потолкуем давай. Ни работа, ни хлопоты, мать,

Нам теперь не мешают.

Поплакав, забыли соседи.

За короткую память

не будем людей осуждать.

Ведь живым — о живом:

будни, горести, праздники, дети.

Сердцем к сердцу приникнем,

о жизни начнем говорить.

Для меня ты уже

стала вербой, травою, звездою.

Все, как есть, на духу...

Да и может ли иначе быть,

Коли я говорю, дорогая,

с тобою... с собою?

Вспоминай, вспоминай,

прядь седую, откинув со лба.

Книгу жизни прошедшей

листай перед самым закатом.

...Отстраняю года. Чуть светает. Затихла пальба.

Немец в дверь сапогом

и с порога грозит автоматом.

Ты еще не вдовой — ты солдаткой была молодой.

Немец тяжко смотрел.

Ты бледнела... белела, как вишня.

Вдруг взглянул на меня.

Крутил своей бровью кругой.

Как-то сразу померк. Оглянулся незряче.

И... вышел.

А потом поползли то ли дни, то ли смутные сны.

А потом — тот сентябрь. Утро. Крики на улице: «Наши!»

А потом — месяц май.

А вот это уж после войны:

Почтальон побледнев.

Ты лежишь без сознанья на пашне.

Возвратился сосед.

Моложавый и сытый, как кот.

Вились слухи за ним: был в плену... или в тылу... или у черта... навалившись на фортуку,

в ухмылке осклабливал рот:

— Вы тут с немцами, знаем...

А мы, разлюбезные, с фронта!

Ну, чего ты ревешь? — через тын кумовски он гудел. — Да хоть было б за кем! Молода еще.... Вижу. Не пень я. Твой-то лез всюду первым!

А жить, почитай, не умел.

Где уж там воевать!

На войне тоже нужно уменье.

Как ты плакала горько!..

Белели мои кулаки.

«Я сожгу его хату во что б то ни стало!»

А с рассветом ты снова спешила на буряки.

«Ты ж, смотри мне, учись! —

И, как солнце, в полях пропадала.

Что ты знала?

Лишь серые будни — степные горбы.

От зари до зари: то мотыга,

то гул обмолота.

Да неужто ни разу не встала ты

против судьбы?!

«А зачем, — говоришь. — Были б люди

по мне да работа!»

Фестиваль поэмы В МОЕ

Рисунок Владимира Родина

Неужели все счастье—
брести босиком по росе?
А сосед, погляди, в сапогах,
раздобыл же их где-то!

«То—не нашего поля...
А я уж, сыночек, как все.
Да и легче босой-то! Чего уж!
Ведь все-таки лето!

Счастье знала ли ты?
Видю, знала всем бедам назло.
Как вы пели когда-то,

шагая с усталого поля!

Мир вокруг расцветал. Наряжалось
в лохмотья село.

Улыбалась с огрызком макухи
голодная доля.

Не учила меня.
Лишь проснусь—ты уже за порог...

Все работа, работа.

Хлопот повседневных—без счета.
Как все люди, жила.

Твоей жизни труднейший урок
Повторять мне отныне.

До боли.
До смертного пота.

5

Не очищали мы от снега свой порог
Всю зиму напролет—какой тут снег,

Коль все село, считай,
в сто юных прытких ног
Протаптывало тропку
к нашему порогу.

И лишь соседский двор стоял,
немее льда,
На уровне ворот белел сугроб высокий,
Под вечер вкрадчиво зменился иногда
След хромовых сапог—
крадущийся, жестокий.

Он все волок во двор...
Добра—под потолок.
Купайся в роскоши хоть тыщу лет...
Однако

Жена ему в лицо швырнула узелок,
еще и плонула:
«А чтоб ты сдох, собака!»

Ушла... В степях в ту ночь бесилось
и мело.
Потом—тихло враз.

Какая тишина на свете!
И лишь на третий день заметило село:
У дома—ни следа. Снега белее смерти.
Никто не шел туда...

Покуда—ах да ох!—
Из сельсовета в замять не пробились.
Сорвали замок,ступили за порог
И обмерли.

А бабки закрешились.

Похолодел.
Из всех карманов пиджака
Монетные ручки текли на одеяло.
Сведенная агонией рука
Кубышку скровенную сжимала.

Позвали хоронить из дальнего села.
Из нашего—никто. Лишь ты,
стянув потуже
Худой платок:

«Ну, я, сынок, пошла,
Ведь все же человек.
Да и сосед к тому же».

Впервые я порог загородил собой
И крикнул:
— Не пущу!.. Чужие пусты... скотину!—
«Грешно про мертвых так»,—
метался голос твой,

Но рвал я жалости ненужной паутину.

Прости меня, прости...
Но я бы не простили
Себя,
я целый век ходил бы виноватый,
Когда бы дрогнул сердцем и пустил

Тебя, святую,
в этот дом проклятый!

Нет, мать, не списывает смерть вины,
Не надо жалкий свет выпепливать
из мрака.

Коль уж по чести, и у гроба мы должны
Собаку называть по имени:

собака.

То—правда не для мертвых,
что уж им!
Хоть плач, хоть пой, хоть лоб наморщи

грозно...

Она необходима
нам, живым!
Пускай услышат все,
пока не поздно!

6

Давно здесь не был я.
Работы—тыма.
Недели, словно дни, бегут куда-то.
У кладбища замедлил шаг. Зима.
Снега-снега. Холодный свет заката.

А был ли без меня здесь кто-нибудь?
И радостные вдруг кольнули слезы:
По целине, там, где снега по грудь,
К тебе бежала стежка сквозь березы.

Кто протоптал ее?
Родимый брат?

Судьба ли вдовья со слезой тяжелой?
Та ль, за которую

ты столько гряд,
Когда она хворала,
дополода?

Или подруга тех далеких лет,
Когда земля казалась голубово?

Иль кто-то,
для кого весь белый свет
Уж без тебя не тот, что был с тобою?

Ровесница ль твоя по седине,
Увидев снег, сверкавший небывало,
Приномнила.

Как хату по весне
Ты ей белить
Когда-то помогала?

Коснулся стежки...
Теплый снег-снежок...
Кто б ни были и где бы вы ни жили,
Я в сердце уношу

след ваших добрых ног,
Которыми вы стежку освятили!

Вот так прожить бы...
И навек уйти,
Отдав земле все—без остатка—сили,
И знать, что троп снегам не замести
Ни до ворот твоих,

ни... до могилы.

7

Мама, ночь стоит чиста,
На траве твоей—роса.
Только тихо, как звезда,
Ты уходишь в небеса.

Отдаляешься, как вечная звезда.

Спят вишневые сады.
Завтра им цветы и петь.
До тебя, как до звезды,
Никогда не долететь.

Там, где ты когда-то шла,
Тихо стежка зацвела
Матиолою предрассветною,
Долей житною, долей светлою.

Дивом-сказкою,
Свет-подсолнухом,—
Седая ласточка,
Седое солнышко...

Перевод с украинского
Лев СМИРНОВ.

Фестиваль поэмы

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1264) ЯНВАРЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ПОРТРЕТ ЛЕНИНА.

Картина художника
П. Н. ЛАГУТИНА.

1 С НАМИ ГОВОРИТ ЛЕНИН. К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.
Валентин ЧИКИН. «...СВАЛИТЬ НЕГРАМОТНОСТЬ В РОССИИ».

2 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Борис ОЛЕЙНИК, лауреат Государственной премии СССР. «СЕДОЕ СОЛНЦЕ МОЕ».

4 БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Постоянный представитель СССР в Совете Экономической Взаимопомощи Константин Федорович КАТУШЕВ. «СТУПЕНИ ИНТЕГРАЦИИ».

8 Рассказ Сергея ВЫСОЦКОГО «СОРОКОВОЙ ДЕНЬ».

11 Стихи Владимира ВИНОГРАДСКОГО.
ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

12 Иван ГУДОВ, Герой Социалистического Труда.
«СТАНКИ НА ВСЕ РУКИ».

16 Геннадий БОЧАРОВ, лауреат премии Ленинского комсомола. «РИСК».

18 КОНКУРС ЭРУДИТОВ.

19 ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ.

20 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Надежда ШАНИНА. «Я ТОЛЬКО РУСЬЮ И ЖИЛ».

22 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий ЯКОВЛЕВ. «ИСПЫТАНИЕ СОВЕСТИ».

24 Владимир БУЛЫЧЕВ. «РЕБЯЧИЙ ДИРЕКТОР».

26 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!»

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена». 1980 г.

смена 3

Беседы об экономике

— В прошлом году Совет Экономической Взаимопомощи отметил свое тридцатилетие. И, думаю, вы согласитесь, Константин Федорович, что, говоря о сегодняшней деятельности этой международной организации, нельзя не вспомнить о первых шагах СЭВ. При таком подгоде более убедительно предстанут его достижения и более понятными окажутся качественные изменения, произошедшие в его работе за этот период.

— Создание Совета Экономической Взаимопомощи в 1949 году было логическим следствием образования мировой социалистической системы. Вспомним то время. Прошло всего четыре года после окончания второй мировой войны, принесшей колоссальные, невиданные в истории людские и материальные потери многим странам мира, особенно тяжелые — государствам, образовавшим впоследствии СЭВ. Только на территории СССР было полностью или частично уничтожено 1710 городов, 60 тысяч сел и деревень, 31850 промышленных предприятий, 40 тысяч больниц, 65 тысяч километров железнодорожных путей. Война отняла жизнь у двадцати миллионов советских людей. Война уничтожила четвертую часть национального достояния Польши. Большие потери понесли также Венгрия, Румыния, Чехословакия, Болгария.

Перед народами стран, избравших путь социализма, встали сложные задачи восстановления и развития народного хозяйства, его коренного пере-

Константин КАТУШЕВ,
заместитель Председателя
Совета Министров СССР,
Постоянный представитель СССР
в Совете Экономической
Взаимопомощи.

Беседу вел
специальный корреспондент «Смены»
Леонид ПЛЕШАКОВ.

Интеграции

Ступени

устройства на социалистических началах. Опереться в решении этих задач они могли только на взаимную помощь и поддержку, прежде всего на помощь первого социалистического государства — Советского Союза.

Дело в том, что наступивший мир не принес избавления от международной напряженности. «Холодная война», развязанная агрессивными кругами Запада, надолго отравила обстановку на земном шаре. Империалистические страны, не имея возможности военной силой подавить возникшую после войны мировую систему социализма, пытались экономической блокадой затормозить развитие народного хозяйства социалистических государств. Даже свои торговые отношения с ними они старались вести с позиций силы и диктата, создавая всевозможные дискриминационные барьеры.

Создание СЭВ, этой международной экономической организации нового типа, было исторически необходимо: с самого своего рождения Совет стал важным звеном объединения усилий социалистических стран в интересах всестороннего подъема их экономики. Своей деятельностью он активно способствовал становлению и утверждению новых, социалистических по своей сущности межгосударственных экономических отношений. Жестокая конкуренция на мировом рынке, борьба за источники сырья, сферы влияния, подчинение одних стран другим — все эти черты, свойственные мировому капиталистическому хозяйству, были устранены из экономических связей между социалистическими странами, уступив место равноправию, дружбе и товарищеской взаимопомощи, общей выгоде, невмешательству во внутренние дела друг друга.

В свое время В. И. Ленин указывал, что социализм творит новые, высшие формы человеческого общества, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве. «При социализме, — писал В. И. Ленин, — трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим мотивам» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 37).

Это предвидение В. И. Ленина находит свое убедительное подтверждение в жизни народов социалистического содружества, в том числе в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи.

— Когда тридцать лет назад шесть европейских государств создали СЭВ, многие западные специалисты утверждали, что его деятельность не будет эффективной. Свой скептицизм они обосновали последовательными хозяйственными трудностями стран, вошедших в СЭВ, различием в уровнях их экономического развития, наконец, если можно так выразиться, разновеликостью самих государств. Советский Союз во много раз превосходил своих союзников как по территории и численности населения, так и по экономическому потенциалу, природным ресурсам. Это обстоятельство, по мнению зарубежных наблюдателей,

лей, заранее обуславливало грядущее неравенство стран — членов СЭВ, неравенство, которое в дальнейшем должно было еще более углубиться. Что показала тридцатилетняя история СЭВ?

— Прежде всего она полностью опровергла предсказания западных специалистов.

У них, конечно, имелись основания указывать на многие объективные трудности, встававшие на пути экономического сотрудничества социалистических государств. Но они полностью игнорировали главное — качественно новый характер этого сотрудничества. Чертцы, присущие капиталистическим межгосударственным отношениям, они автоматически перенесли на страны социализма, «не заметив» сути дела — огромной преобразующей силы марксистско-ленинских принципов, породивших солидарность братских народов, их кровную заинтересованность в успехах друг друга.

Чтобы сразу стало ясно, сколь ошибочными и предвзятыми оказались такие прогнозы, обратимся к фактам.

Десять социалистических государств Европы, Азии, Америки, входящих ныне в Совет Экономической Взаимопомощи, занимают 19 процентов территории земли и располагают десятью процентами населения мира, производят примерно треть мировой промышленной продукции. В 1950 году на их долю приходилось только 18 процентов.

Динамично развивалась вся экономика социалистического содружества. Национальный доход стран — членов Совета за тридцать лет увеличился в десять раз, а промышленное производство — в семнадцать раз, что соответственно втрое и вчетверо больше, чем в капиталистических странах. Тридцать лет назад страны Совета уступали государствам «Общего рынка» по объему промышленного производства, теперь они примерно вдвое превосходят их в этом отношении.

Значительно сблизился уровень экономического развития социалистических стран. Отстававшие ранее государства вплотную подошли к передовым. Советский Союз, например, с 1949 года увеличил выпуск промышленной продукции в четырнадцать раз, а Болгария — в двадцать пять, Румыния — в пятьдесят раз. За эти годы в социалистических странах заново созданы многие отрасли промышленности, определяющие научно-технический прогресс. Это позволило им занять видное место в мировой экономике.

Что касается Советского Союза, то он никогда не искал и не ищет в сотрудничестве с братскими странами каких-либо односторонних преимуществ. Наша страна бескорыстно передает им свой опыт хозяйственного и культурного строительства. При содействии СССР в государствах, входящих в СЭВ, построено и строится около 2300 предприятий и других объектов. И характерно, что такое содействие направлено на развитие в социалистических странах ключевых отраслей производства.

Например, с нашей помощью за последние три десятилетия в братских государствах введены в

Стеклянный небоскреб на Калужском проспекте в Москве — штаб-квартира Совета Экономической Взаимопомощи.

строй электростанции общей мощностью более 20 миллионов киловатт; предприятия черной металлургии с годовым производством 11 миллионов тонн чугуна, 15 миллионов тонн стали и 20 миллионов тонн проката; машины нефтехимические комбинации в НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР и многие-многие другие промышленные предприятия.

О том, как это благотворно сказывается на развитии народного хозяйства социалистических государств, можно судить хотя бы на примере экономики Болгарии. Здесь на построенных с нашей помощью предприятияхрабатывается 70 процентов электроэнергии, 80 процентов продукции нефтепереработки и нефтехимии, почти 90 процентов черных и цветных металлов.

В органах СЭВ Советский Союз не имеет каких-либо особых прав. С самого рождения СЭВ является организацией равных партнеров. Он не имел и не имеет наднациональных органов. В нем последовательно обеспечивается полное равноправие сторон. При голосовании каждое государство, независимо от размеров его территории, населения, экономического потенциала, имеет один голос. Ни одно решение, затрагивающее интересы одной из стран — членов СЭВ, не может быть принято без ее согласия. И если какое-то государство не принимало участия при обсуждении какого-то документа, не голосовало за него, то принятые решения на данную страну не распространяются.

Все это исключает навязывание воли одной или нескольких стран другим странам СЭВ. Словом, достаточно обратиться к нормам межгосударственных отношений, применяемым в СЭВ, и реальной практике нашего сотрудничества с братскими государствами, чтобы убедиться в полной беспочвенности вымыслов о каком-то экономическом «диктате», «гегемонизме» СССР в Совете.

— Тридцать лет — достаточно большой срок не только для наращивания экономического и промышленного потенциала, но и для практической проверки организационных методов и форм сотрудничества. Как они совершенствовались, видоизменялись за этот период? Какие из них оказались наиболее эффективными?

На первых порах социалистические страны вели между собой в основном внешнеторговый обмен на основе двусторонних соглашений. Начавшее развиваться уже в то время сотрудничество по созданию в ряде стран новых отраслей промышленности, строительству крупных заводов, фабрик, подготовке национальных научных и технических кадров также носило по большей части двусторонний характер.

По мере становления в братских странах социалистической плановой экономики, наращивания промышленного, технического и научного потенциала открывались все новые возможности для расширения экономического сотрудничества между ними, усиливалась потребность в коллективном регулировании этих связей в свойственных социализму формах. От двусторонних соглашений социалистические государства стали переходить к многосторонним, от чисто торгового обмена продукцией — к планово организуемой кооперации в сфере производства, науки, техники, в подготовке кадров, стандартизации и во многих других областях.

Такая интеграция, объединение усилий при решении общих задач дает, как показала жизнь, огромный эффект всем участникам. Подчеркивая эту особенность, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, выступая на митинге советско-венгерской дружбы на Чепельском комбинате в Будапеште, сказал:

«Лишний раз убеждаешься, что когда мы объединяем свои усилия, то в итоге выходит не простое сложение, а умножение сил».

Летом 1979 года в Москве прошла сессия СЭВ, отмечавшая тридцатую годовщину создания этой организации.

Особенно убедительно и многогранно преимущества, присущие нашему сотрудничеству, раскрылись в последнее десятилетие, ознаменовавшее качественно новый этап в экономических отношениях государств социалистического содружества.

В апреле 1969 года на ХХIII специальной Сессии СЭВ на уровне руководителей братских партий и правительств были определены принципиальные долговременные цели, которые легли в основу Комплексной программы социалистической экономической интеграции, принятой в 1971 году.

Успешное выполнение этой программы позволяет углубить хозяйственное взаимодействие стран содружества, усилить взаимодополнимость их экономик, переходить к более высоким формам сотрудничества.

Разработка и принятие в последние годы долгосрочных целевых программ — новый важный шаг в развитии социалистической интеграции. Программы намечают согласованную, рассчитанную на длительный период стратегию сотрудничества в решении важнейших народнохозяйственных задач в области энергии, топлива и сырья; сельского хозяйства и пищевой промышленности; машиностроения; транспорта; производства промышленных товаров народного потребления.

В основе сотрудничества в рамках СЭВ лежит совместная плановая деятельность. Совет является центром, где выработаны и проверены временем присущие только социализму плановые методы международного сотрудничества и разделения труда. Координация народнохозяйственных планов, консультации по вопросам экономической политики, совместное прогнозирование перспектив развития производства, науки и техники, обмен опытом планирования и управления народным хозяйством вошли в повседневную практику межгосударствен-

ных отношений стран — членов СЭВ. Совместная плановая деятельность дает им ясную перспективу, позволяет каждой стране эффективнее использовать свои ресурсы, выгоды международной специализации и кооперации производства, существенно ослабляя воздействие на социалистическую экономику кризисных потрясений, периодически поражающих мировое капиталистическое хозяйство.

Это нашло яркое выражение в решениях ХХIII Сессии СЭВ, которая проходила прошлым летом в Москве. В приветствиях руководителей коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ в адрес участников сессии, в выступлениях глав делегаций была дана высокая оценка 30-летней деятельности Совета, поставлены новые важные задачи дальнейшего развития и углубления экономического сотрудничества братских государств.

Как отметил в своем приветстве Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, главная задача состоит в том, чтобы развернуть долгосрочные программы в систему конкретных соглашений, превратить следующие две пятилетки в период интенсивной производственной и научно-технической кооперации. Органы СЭВ призваны содействовать подъему социалистического производства на самые передовые ступени науки и техники, помочь использовать могущие производительные силы наших государств с максимальным эффектом. Все это укрепит базу для роста жизненного уровня народов социалистических стран в предстоящие годы».

Следует подчеркнуть, что в практическом осуществлении разрабатываемых в СЭВ решений принимают самое активное непосредственное участие широкие массы трудящихся стран социалистического содружества. В этом — важный источник силы и жизненности социалистической экономической интеграции. Качественно новым явлением в нашем сотрудничестве стало развернувшееся в пос-

ти же страны могут сосредоточить свои усилия на тех направлениях производственной и научно-технической деятельности, для которых у них имеются более благоприятные условия, обмениваясь полученными результатами к общей выгоде со своими партнерами. Иными словами, каждое государство, входящее в СЭВ, может опираться на научно-технический потенциал всего содружества, развивать производство в расчете на удовлетворение потребностей хозяйственного комплекса с населением более 430 миллионов человек. Организация производства в таких масштабах равносильна расширению рынка, например, для Венгрии в сорок раз, для Болгарии — в пятьдесят, ЧССР — почти в тридцать раз.

Понятно, что каждая страна — член СЭВ, планируя развитие своей экономики на долгие годы вперед, стремится максимально учитывать благоприятные возможности, создаваемые содружеством. Точно так же естественно, что эти национальные планы развития должны согласовываться в рамках СЭВ в интересах всего содружества и каждой из стран.

Поэтому все больше возрастает роль СЭВ как организатора координации народнохозяйственных планов стран содружества. Здесь, конечно, не может быть и речи о посягательстве на суверенитет, на экономическую самостоятельность какого-то государства. Максимальное сочетание интересов отдельных стран и содружества в целом — главная особенность сотрудничества в рамках СЭВ.

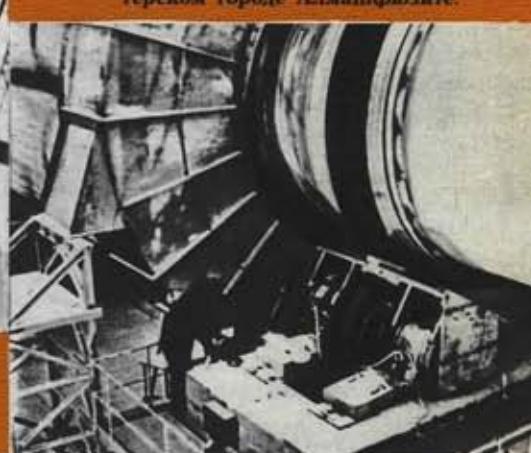
Яркий пример тому — специализация отдельных стран на производстве определенной продукции с учетом нужд других стран социалистического содружества. На СССР и Болгарию приходится 100% электротягферов, выпускаемых в странах — членах СЭВ, на Польшу и СССР — 90% экскаваторов, на Венгрию и Советский Союз — около 75% автобусов. СССР и Румыния изготавливают 97% оборудования для доменных печей.

Межнациональное разделение труда дает участни-

В молодежной бригаде строителей Усть-Илимского лесопромышленного комплекса вместе с советскими комсомольцами трудятся молодые посланцы Польши, Венгрии, Болгарии.

Новое оборудование советского производства смонтировано на заводе в венгерском городе Алмафюзите.

ледние годы в СССР и братских государствах, международное социалистическое соревнование трудовых коллективов за образцовую выполнение заказов друзей. «Это, — как оценил товарищ Л. И. Брежнев, — почин огромного значения, за ним большое будущее».

— Какие конкретные примеры кооперации и специализации производства, осуществляемые различными странами в рамках СЭВ, могут, на ваш взгляд, наиболее ярко проиллюстрировать экономическую эффективность социалистической интеграции?

— Известно, что современное производство может быть экономичным и рентабельным в том случае, если оно опирается на новейшие достижения науки и техники, использует высокопроизводительные технологии и оборудование, является массовым или крупносерийным, имеет, как еще говорят, оптимальные масштабы. А это означает, что каждое из многочисленных производств сегодняшнего и тем более завтрашнего дня должно опираться на развитую научно-техническую базу и емкий рынок сбыта, зачастую превышающие внутренние возможности и потребности не только сравнительно небольших, но и крупных стран.

Возникает вопрос: как в этих условиях развивать свою экономику малым странам? Могут ли, например, Болгария, Венгрия или Чехословакия, население которых составляет соответственно 9, 11 и 15 миллионов человек, организовать в расчете только на себя экономичное производство всех видов необходимой промышленной продукции, обеспечить на всех направлениях высокий уровень научно-технических разработок? Конечно, нет. Зато при хорошо организованном международном разделении труда

кам содружества большой экономический эффект. Например, известные автобусы «Икарус» Венгрия производят в кооперации с Советским Союзом. Ежегодно ВНР поставляет нашим автобусным и троллейбусным заводам тысячи задних мостов. СССР, в свою очередь, снабжает завод «Икарус» передними осами, амортизаторами и другими узлами. Закупки СССР позволили Венгрии развить производство первоклассных автобусов в таких масштабах, каких не достиг ни один завод в Западной Европе.

Польша, например, покупая у нас крупные авиалайнеры, поставляет нам самолеты «Ан-2», выпускаемые в этой стране по советской лицензии. Она же изготавливает отдельные узлы для новейших самолетов «ИЛ-86», производимых в СССР.

Аналогичные примеры можно было бы привести из области станкостроения, производства легковых автомобилей, морских судов и многих других видов продукции.

Подтверждением неуклонно растущих экономических связей между братскими странами может служить такой факт: с 1950 по 1977 год их взаимный оборот вырос в 19,5 раза. Причем за счет взаимной торговли большинство стран — членов СЭВ в настоящее время удовлетворяет большую часть своих импортных потребностей в основных видах сырья, топлива, продовольственных товарах, машинах и оборудовании, товарах народного потребления. Сейчас их внешняя торговля все больше опирается на глубокие и устойчивые связи в основных отраслях экономики, науки и техники.

Процесс специализации и кооперации будет расширяться и углубляться и дальше. Уже сейчас, например, перспективными планами намечено развитие в Советском Союзе производства энергоемкого химического сырья (аммиака, метанола, поли-

этилена, поливинилхлорида), которое пойдет в другие страны СЭВ. Оттуда, в свою очередь, в СССР поступит менее энергоемкая химическая продукция: красители, химикаты-добавки, химические средства защиты растений.

Главным направлением хозяйственной политики братских стран является, как известно, интенсификация производства, повышение его эффективности, ускорение научно-технического прогресса. В этой связи еще большее значение приобретает использование преимуществ международной специализации и кооперации при освоении достижений науки и техники и, что особенно важно, ускоренное внедрение их в машиностроении. От этой отрасли в первую очередь зависит успешное выполнение всех разрабатываемых у нас долгосрочных программ. Технический уровень продукции машиностроения в решающей мере определяет рост производительности труда, а значит, и весь, ход экономического соревнования с капитализмом.

Европейские страны СЭВ ныне располагают развитым многоотраслевым машиностроением, выпускающим изделия практически всей мировой номенклатуры. И хотя среди этих машин немало отличных образцов, нельзя сказать, что полностью решены вопросы технического уровня и качества всех видов изделий. Между тем техника, которую мы закладываем сейчас в машиностроительную программу, практически будет определять качественный уровень наших производственных фондов на два десятилетия вперед.

Решение этой задачи потребует принять ряд эффективных мер, и прежде всего — концентрации научно-технического и машиностроительного потенциала братских стран на главных направлениях, на том, что может дать наибольшую практическую отдачу уже в предстоящей пятилетке. Все это требует повышения технического уровня продукции, поступающей во взаимный обмен, выявления устаревших видов, замены их более качественными образцами машин и оборудования.

Советская фотоаппаратура экспортится во все страны социалистического содружества.

— Я заметил, что приводимые вами, Константин Федорович, примеры из области внешней торговли постоянно возвращаются «непосредственно» в сферу производства...

— Это естественно. Товарообмен — это как бы конечная стадия или форма проявления нашего сотрудничества. А его основа лежит гораздо глубже и имеет более широкий диапазон. Трудно перечислить даже главные составляющие этого сложного, многогранного процесса. Например, в ходе реализации Комплексной программы решается ряд научно-технических задач. В этой работе принимают участие более трех тысяч научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских организаций и вузов. Только в 1971—1977 годах учеными братских стран было закончено свыше 14 тысяч совместных теоретических и прикладных работ.

В частности, разработано более 1600 новых конструкций машин, механизмов, приборов, усовершенствовано свыше 1200 технологических процессов, создано свыше 1300 видов новых материалов, продуктов, препаратов.

И с каждым годом сфера такого сотрудничества все более расширяется. Кажется, совсем недавно начались совместные работы социалистических стран в исследовании космоса, одной из самых молодых отраслей деятельности человека, а приборы и оборудование, изготовленные в этих государствах, успели надежно поработать на многих советских спутниках и космических кораблях. Осуществлены полеты в космос международных экипажей с участием космонавтов из ЧССР, ПНР, ГДР и НРБ. Готовятся к совместным полетам космонавты из других братских государств.

— Назовите, пожалуйста, пример, который, по вашему мнению, наиболее наглядно демонстрировал бы главные черты сотрудничества братских стран.

— Подобных примеров великое множество, в частности на интеграционных стройках, таких, как Эрдэнэтский горно-обогатительный комбинат в Монголии, никелевый завод на Кубе, целлюлозный завод у нас в Усть-Илимске. Но, пожалуй, наиболее яркий образец — строительство гигантского магистрального газопровода «Союз» протяженностью 2750 километров, который после полного завершения будет подавать в год примерно 15 миллиардов кубометров оренбургского газа европейским странам — членам СЭВ. Сейчас работы на этом объекте завершаются, газ Оренбургья с начала 1979 года пошел к потребителям в страны — члены СЭВ. Это была поистине стройка великой дружбы, и ее опыт еще не раз пригодится нам при осуществлении подобных многонациональных проектов.

Соглашение о сооружении газопровода было подписано в 1974 году, когда наш план на очередную пятилетку был в основном сверстан и ресурсы распределены. Но потребность стран — членов СЭВ в энергетическом сырье была настолько велика, что откладывать сооружение магистрали на пять лет было невозможно. Пришлось общими усилиями изыскивать ресурсы, причем не только финансовые и материальные средства, но и рабочую силу.

В реализации оренбургского проекта приняли участие все европейские страны — члены СЭВ. Подход к решению общей задачи был достаточно гибким. На мировом рынке за счет кредитов, предоставленных этим странам Международным инвестиционным банком, были закуплены необходимые трубы и оборудование.

В сооружении газопровода приняли непосредственное участие коллективы строителей и монтажников Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии — всего около пятидесяти тысяч че-

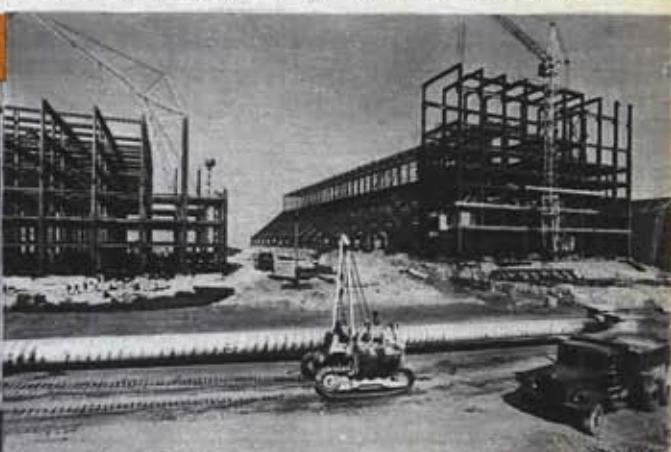
добычу нефти на контролируемых ими богатых месторождениях Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки очень низки, они продавали нефть и нефтепродукты по ценам, позволяющим вытеснить с рынка поставщиков других видов топлива и наживать при этом огромные барыши. «Дешевая нефть» привела к сокращению добычи и использования в капиталистических странах угля, горючих сланцев, торфа, оказывала сдерживающее влияние на развитие атомной и гидроэнергетики.

Когда же нефтедобывающие страны стали брать под контроль свои природные ресурсы и установили на нефть цены, более соответствующие ее реальной стоимости как уникального и, к сожалению, не возобновляемого химического и энергетического сырья, экономика развитых капиталистических государств реагировала на такое обусловленное объективными факторами решение очень болезненно.

Социалистическая плановая организация производства и взаимного сотрудничества позволяет странам — членам СЭВ продуманно решать топливно-энергетическую проблему. В странах содружества получили развитие различные отрасли топливно-энергетического комплекса. Важный вклад в это дело вносят также поставки из СССР, за счет которых братские государства покрывают импортные потребности в газе, например, почти на 100 процентов, в нефти и нефтепродуктах — на 80 процентов.

Но, естественно, наши страны не отгорожены от мировых рынков и не могут не учитывать ситуации, складывающейся в мире с энергоресурсами. Тем более, что и у нас затраты на добывчу топлива существенно возрастают. С другой стороны, по мере развития экономики во всех странах содружества неуклонно растут и масштабы энергопотребления.

С учетом всех этих обстоятельств странами СЭВ были совместно определены на перспективный период рациональные пути обеспечения потребностей в топливе и энергии. Принятая в СЭВ долгосрочная целевая программа сотрудничества в этой области

Строительство Эрдэнэтского горно-обогатительного комбината в Монголии — яркий пример экономического сотрудничества братских стран.

лолов. Польские рабочие и инженеры производили на своем участке весь комплекс работ, связанных с прокладкой трубопровода, строительством наземных сооружений и бытовых объектов. Тысячи болгарских рабочих в счет участия НРБ в оренбургской магистрали трудились на ряде объектов нефтяной и газовой промышленности СССР. Советские строители на условиях субподряда прокладывали на ряде участков линейную часть трубопровода.

Румыния предоставила средства для приобретения оборудования третьей очереди газоперерабатывающего завода вблизи Оренбурга.

Разумеется, я называл лишь часть организационных, торговых, производственных и финансовых мероприятий, которые были осуществлены нашими странами в связи со строительством газопровода «Союз».

— Вы сказали, что разработка и принятие долгосрочных целевых программ — новый шаг в развитии социалистической интеграции в рамках СЭВ. Не могли бы вы привести пример, который бы показал суть такого сотрудничества.

— Известно, что в последние годы во всем мире имеют место трудности с энергетическими ресурсами. Не будем сейчас вдаваться в глубокий анализ всех объективных и субъективных причин, приведших к энергетическому кризису на Западе, но об одной, мне кажется, сказать необходимо.

Долгие годы добывчу нефти и газа, а также их транспортировку, переработку и сбыт нефтепродуктов держала в руках небольшая, но очень мощная группа международных империалистических монополий. Пользуясь тем, что затраты на

предусматривает в первую очередь строительство при содействии СССР в европейских странах — членах СЭВ и на Кубе атомных электростанций общей мощностью около 35 миллионов киловатт. Оборудование для них будет производиться в странах СЭВ на основе крупномасштабной многосторонней кооперации. Только реализация мероприятий по развитию атомной энергетики обеспечивает увеличение нынешнего потенциала электроэнергетики в европейских странах СЭВ и на Кубе более чем на одну треть, позволит им ежегодно экономить примерно 70 миллионов тонн условного топлива.

Кроме того, предусмотрены меры по более полному вовлечению в хозяйственный оборот твердых видов топлива в каждой стране, повышению эффективности использования природного газа и нефти, в частности за счет углубления ее переработки, что повысит выход светлых нефтепродуктов. Большое внимание уделяется также в программе вопросам более экономного и рационального расходования топлива и энергии.

Подобные долгосрочные целевые программы разработаны и по другим узловым проблемам сотрудничества...

— Наша беседа касалась уже некоторых предвзятых высказываний западных специалистов относительно деятельности СЭВ. Теперь к хору этих голосов присоединилась и пропаганда Китая. Причем часто китайские домыслы идут гораздо дальше буржуазных инсинуаций, поэтому с восторгом подхватываются западной прессой, как «свидетельства из первых рук». Главные направления китайской критики: Советский Союз стремится превратить страны — члены СЭВ в свой

аграрно-сырьевой придаток; использование рабочих из братских государств на советских стройках — это, дескать, эксплуатация иностранных рабочих, подобная той, что существует в высокоразвитых капиталистических государствах Европы в отношении иммигрантов из Азии, Африки, Греции, Турции и так далее.

Хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет.

— Несомненно, это самая неприкрытая, заведомая клевета, не имеющая ничего общего с фактами.

Действительно, в Советском Союзе работают, как уже об этом говорилось ранее, коллективы строителей из братских стран, но при этом полностью исключены какие-либо формы эксплуатации. Направляя рабочих на строительство объектов в СССР, в продукцию которых они заинтересованы, страны — члены СЭВ тем самым вносят свою долю участия в создание этих объектов. Советский Союз полностью возмещает поставками продукции таких объектов трудовые затраты направленных братскими странами коллективов строителей, включая стоимость всего созданного их трудом прибавочного продукта. Такая форма сотрудничества взаимно выгодна, так как за этот счет мы можем быстрее вводить в строй важные промышленные объекты, а наши партнеры обеспечивают получение необходимого им сырья, за которое на мировом рынке пришлось бы платить иностранной валютой.

Еще более нелепыми представляются утверждения о том, что братские страны являются якобы аграрно-сырьевым придатком СССР. Я уже приводил данные относительно экспорта нефти и газа из СССР в эти страны. Мы поставляем также около 65 процентов импортируемой ими электроэнергии, примерно три четверти ввозимого хлопка, железной, марганцевой, хромовой руд.

С другой стороны, в этих государствах за период с 1951 по 1978 год значительно вырос общий объем производства машиностроительной и химической

интересы. В конечном счете главное в этом вопросе: насколько наше экономическое сотрудничество с социалистическими государствами отвечает задачам, поставленным КПСС и Советским правительством по развитию нашего народного хозяйства, по укреплению социалистического содружества.

Если подходить с таких позиций, а это, естественно, единственно правильный подход для советских коммунистов, для всех советских людей, то, бесспорно, наши экономические связи с братскими странами являются в целом взаимовыгодными.

Мы являемся одним из крупнейших в мире производителей топлива и сырья. Создавая свою интернациональную ответственность, мы оказываем братским странам помощь в решении топливно-сырьевых проблем. Естественно, это делается с учетом реальных возможностей нашего народного хозяйства. Например, в текущей пятилетке из Советского Союза в страны СЭВ поставляется почти 370 миллионов тонн нефти, то есть в среднем по 74 миллиона тонн в год. В 1978 году наша добывающая промышленность дала стране 571 миллион тонн нефти и газового конденсата. Таким образом, наши поставки в страны СЭВ составляют менее тринадцати процентов общесоюзной годовой добычи.

Не хочу злоупотреблять цифрами, скажу только, что примерно аналогичная ситуация и в нашем экспорте другого топлива и сырья: газа, леса, хлопка, железной, хромовой, марганцевой руд.

При этом нужно сказать, что наши сырьевые поставки в страны СЭВ не безвозмездны, они ведутся на основе взаимовыгодных цен, которые определяются с учетом цен, складывающихся на мировом рынке. К тому же социалистические государства вносят свой вклад в создание и развитие соответствующих мощностей в добывающих отраслях нашей промышленности.

С другой стороны, растущие поставки из братских стран машин и оборудования имеют существенное значение не только для них, но и для

взаимовыгодность сотрудничества для всех стран — участниц СЭВ, взаимопомощь братских государств являются важными принципами наших экономических отношений. И у объективных наблюдателей за рубежом это не вызывает сомнений.

— Как это отражается на расширении экономических контактов СЭВ со странами, которые не являются членами этой организации?

— Прежде всего следует сказать, что растут ряды стран — членов СЭВ.

В 1978 году десятым членом СЭВ стал социалистический Вьетнам. Все братские страны расценили это событие как показатель дальнейшей консолидации сил мирового социализма. Они усилили помочь героическому вьетнамскому народу в восстановлении разрушенного войной против американской агрессии хозяйства, в строительстве мирной жизни. На многосторонней основе страны — члены СЭВ участвуют в сооружении ряда народнохозяйственных объектов СРВ, в том числе и тех, по которым китайская сторона отказалась оказывать Вьетнаму содействие и выполнять свои обязательства по ранее заключенным соглашениям.

Когда правящая пекинская клика развязала против вьетнамского народа агрессивную войну, Исполнительный Комитет СЭВ на 89-м заседании в марте 1979 года от имени НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Кубы, МНР и ЧССР осудил преступления китайской реакции. Братские страны заявили о своей полной солидарности с героическим Вьетнамом. Они полны решимости и впредь содействовать его правому делу и мужественной борьбе против агрессии, за свободу своей страны, за независимость и мирное развитие по пути социализма.

В 1964 году было заключено Соглашение между СЭВ и правительством Югославии, которая с каждым годом все более расширяет свое участие в деятельности Совета. Активно сотрудничает СЭВ с

Космос стал сферой братского сотрудничества стран социалистического содружества. На орбитах побывали совместно с советскими космонавтами представители Чехословакии, Польши, ГДР и Болгарии.

Международные экипажи космических кораблей «Союз-28», «Союз-30», «Союз-31», «Союз-32»

продукции. Так, Болгария, некогда отсталая сельскохозяйственная страна, за этот период увеличила производство машин и оборудования в 99 раз, а химической продукции — в 103 раза; Венгрия соответственно — в 14 и 46 раз; Румыния — 101 и 150 раз; Польша — 67 и 35 раз. Несколько меньшими были темпы в ЧССР и ГДР, так как эти страны имели уже достаточно развитую промышленность, но даже и их успехи в наращивании машиностроения и химии достаточно убедительны: ЧССР — 18 и 22 раза, ГДР — 16 и 12 раз.

На этой основе экспорт продукции машиностроения в нашу страну Венгрия, например, увеличилась в 26 раз, Польша — в 41 раз, Румыния — в 30, а ЧССР — в 33 раза.

— Получается, в рамках СЭВ Советский Союз является главным поставщиком сырья?

Выгодно ли это нам?

— При определении структуры нашего внешнеторгового обмена, при оценке его экономической эффективности в расчет принимается широкий комплекс различных политических и экономических факторов, включая, естественно, конкретные возможности и потребности народного хозяйства нашей страны. Ответ на вопрос, чем выгоднее торговать — сырьем или готовой продукцией, — отнюдь не однозначен. Все зависит от конкретных условий как внутри страны, так и на мировом рынке.

В наших экономических отношениях с братскими странами мы никогда не ставим на первое место соображения односторонней коммерческой выгоды, а стремимся учитывать в полной мере взаимные

интересы. В текущей пятилетке, например, СССР за счет поставок из стран — членов СЭВ обеспечит около сорока процентов потребностей в новых судах и погрузчиках, третью часть — в пассажирских вагонах и устанавливаемом прокатном оборудовании. Оттуда мы получим 12 процентов необходимых нам автобусов и примерно половину оборудования для вводимых в строй АТС.

Приведу на память несколько примеров. Они могли бы быть и другими, но главное сейчас не какие-то конкретные факты, а их суть.

В настоящее время на польских верфях пятьдесят процентов морских судов строятся по заказам Советского Союза. Польские друзья поставляют нам химическое оборудование, на котором мы получаем почти третью часть своей серной кислоты. А она идет для производства удобрений, столб необходимых нашему сельскому хозяйству. Польша экспортирует в СССР и оборудование по производству древесностружечных плит, что позволяет нашей лесной и деревообрабатывающей промышленности более полно использовать сырье и выпускать материал, широко применяемый в строительстве и быту.

Большое количество транспортных, пассажирских и рыболовецких кораблей поставляет нам ГДР. Построенные в этой стране траулеры ведут промысел под советским флагом буквально во всех океанах земного шара. А это рыба и морепродукты для нашего потребителя.

Нельзя не отметить также, что рыночные фонды СССР на такие товары, как мебель, обувь, готовая одежда, вина, консервы, и некоторые другие формируются с учетом поставок из стран — членов СЭВ.

Финляндии. Подписаны соответствующие соглашения с Ираком и Мексикой.

Авторитет СЭВ растет год от года.

В заседании XXXIII сессии Совета Экономической Взаимопомощи, посвященном тридцатилетию деятельности этой организации, кроме делегаций стран — членов СЭВ и государств, о которых я говорил выше, приняли участие представители Народной Республики Ангола, Демократической Республики Афганистан, Народной Демократической Республики Йемен, Лаосской Народно-Демократической Республики, Народной Республики Мозambique, Социалистической Эфиопии.

В связи с обращением правительства Народной Демократической Республики Йемен эта сессия приняла решение об участии йеменской стороны в работе СЭВ в качестве наблюдателя.

Растут масштабы сотрудничества социалистических стран с развивающимися государствами Азии, Африки, Латинской Америки. Сейчас страны — члены СЭВ оказывают экономическое и техническое содействие уже 78 странам «третьего мира». И что особенно важно для упрочения их национальных экономик — мы оказываем помощь в создании ключевых отраслей их хозяйства — металлургии, энергетики, машиностроения, транспорта, а также в проведении геологоразведочных работ, поисках полезных ископаемых, строительстве предприятий по добыче и использованию минерально-сырьевых ресурсов, являющихся национальным богатством развивающихся стран.

Мы уверены, что сотрудничество наших стран в СЭВ будет и впредь успешно служить делу строительства социализма и коммунизма, делу мира и прогресса во всем мире.

Ленинградский Металлический завод имени XXII съезда КПСС поставляет турбины для крупнейших электростанций, строящихся в социалистических странах.

СОРКОВОЙ ДЕНЬ

Прямо с поезда Алексей Николаевич пошел пешком на Сennую площадь. Ему не хотелось ни обращаться в справочное, ни расспрашивать прохожих о том, ходят ли по-прежнему с Сennой, как много лет назад, автобус до села Рождественно. И вообще не хотелось ни с кем разговаривать, он был весь в ожидании предстоящих встреч. Ему не давали покоя обрывки воспоминаний далекого детства — то неясных, расплывчатых, то настолько реальных, что Алексей Николаевич ощущал запах печени картошки, только что вытащенной из костра, разложенного на берегу Оредежа.

Народу в автобусе было мало. Три старухи с пустыми корзинками. «Наверное, привозили на Сennой рынок редиску или лук», — решил Алексей Николаевич. Тоненькая девушка с парнем, всю дорогу о чем-то весело спорившие, да пьяницкий мужчина, пытавшийся побалагурить с симпатичной кондукторшей. Кондукторша неприступно молчала, рассеянно поглядывая в окошко, а мужчина, так и не добившись от нее ни слова, уснул и всю дорогу мирно похрапывал.

Автобус мчался, обгоняя грузовики, тормозя перед стадами коров, лениво переходящих через щоссе. На редких остановках входили и выходили пассажиры. В Никольском автобус заполнил шумные, нарядные школьники.

И Алексей Николаевич сразу же вспомнил Ольгу Ростиславовну, учительницу начальных классов из той деревни, куда он ехал. Несколько лет тому назад, когда Антонов в последний раз наведался в гости к своей тетке, Дарье Филипповне, Ольга Ростиславовна была еще жива. Уже совсем старенькая, в неизменной шляпке-панамке, в золотом пенсне на крупном носу, в потрепанном плюшевом полупальто, она заглянула «на огонек» и долго рассказывала Антонову о его житие-бытие. И Алексей Николаевич с удовольствием рассказывал ей об экспедициях в Заполярный Урал, о своей кандидатской по минералогии, о туристской поездке в Англию. Ольга Ростиславовна слушала внимательно, даже пересечур внимательно, как показалось Алексею Николаевичу, а когда он стал говорить об Англии, строго спросила:

— Ты, конечно, побывал в Стратфорде-на-Авене?

— Нет, Ольга Ростиславовна, не побывал, — улыбнулся Антонов. — У нас другие города в программе были... Он хотел еще сказать, что название этого города надо произносить чуть-чуть по-другому — Стретфорд-на-Эйвоне, — но побоялся обидеть ее и только сожалением подумал: «Стареет Ольга Ростиславовна».

— Как же так, Алеша? — укорила его она. — Зачем же ты ехал в Англию, если не побывал на родине Шекспира?

Потом она великодушно простила Антонова и даже пожалела, что он проучился у нее в классе только два года, а не все четыре...

«Сколько же ей может быть сейчас лет?» — подумал Антонов. И поймал себя на том, что никогда раньше не интересовалась ее возрастом. Не спрашивал ни у тетки, ни у Саши, своего двоюродного брата, который преданно любил Ольгу Ростиславовну, как, впрочем, и все ее бывшие ученики.

В Рождество автобус остановился у большой, красной кирпичной церкви. Наискосок от церкви, у двухэтажного магазина, сидели на крылечке несколько женщин. Ждали, когда магазин откроется после обеда. Молоденская продавщица мороженого, примостившись рядом со своим ящиком на маленьком раскладном стульчике, читала толстую затрапанную книжку. Пахло свежевыпеченным хлебом и разогретым асфальтом. Антонов свернулся с щоссе на тенистую улицу и пошел не торопясь к Оредежу. На плотине маленькой электростанции мальчишки ловили рыбу. Яркие красные поплавки лениво кружились среди широких листьев кувшинок. До войны Антонов тоже ловил здесь крупных скользких плотвич и темных, колючих окуней.

Прямо от плотины неширокая дорога круто взбегала на красный берег, где под старыми дубами застались год от года густым кустарником оставшиеся с войны развалины сельскохозяйственного техникума. Место это с незапамятных времен называли «мызы». Отсюда до деревни, где жила тетка, вела дорога, которую Антонов любил больше всех дорог на свете. Она была совсем короткой — километра полтора, — неухоженной, немощеной. Весной и осенью колеса телег взяли на ней по самую ступницу. Но по обе стороны росли такие могучие бересы, какие редко где можно было увидеть. Справа вилась утоптанная, как камень, прорезанная узловатыми корнями тропинка. Когда в детстве Антонов ездил здесь на велосипеде, руль всегда стремился вырваться у него из рук. Рядом лежало неширокое, окаймленное зарослями черемухи поле. На поле этом чаще всего селяли рожь или пшеницу, и когда бы Алексей Николаевич ни вспоминал про этот короткий путь от мызы до деревни, он чувствовал запах колосящихся хлебов, смешавшийся с запахами лебеди, клевера и других трав. Справа от дороги тоже лежало поле, за которым высокой стеной вздымался Рукавишников лес, где они с матерью собирали подсивинки.

Дорога мало изменилась с тех пор, как Алексей Николаевич прошел по ней в последний раз. Ее не замостили, не заасфальтировали. Было похоже, что и ездить-то по ней перестали. Она заросла травой и даже стала от этого более привлекательной. Только в строгой цепи берез то тут, то там зияли широкие бреши, а трухлявые пни казались надгробиями погибшим березам.

... В теткином доме все оставалось по-прежнему. Так же пахло пирогами, в большой синей вазе стояли темно-красные и желтые георгины. Полы и в кухне и в комнатах, как всегда, были устланы чистыми неяркими половиками. Да и сама Дарья Филипповна, которой подкатило уже под восемьдесят, как показалось Алексею Николаевичу, мало изменилась.

— А вы, тетушка, молодцом. Не стареете! — сказал Антонов, усевшись на свое любимое — напротив окна — место за обеденным столом в кухне. — Что через год встретимся, что через пять, — никакой разницы.

— Ну теперь-то, Алеша, и пяти ждать не придется! Годика через два приедешь, сравнивать уже некого будет, — сказала тетка. В ее голосе нечувствовалось ни горечи, ни сожаления. Добрые серые ее глаза смотрели ласково и спокойно. И Антонов подумал: «Неужели и я когда-нибудь буду говорить о смерти так спокойно и просто?»

Ближе к вечеру приехал на мотоцикле Саша, двоюродный брат Алексея Николаевича, работавший на станции сцепщиком вагонов. Увидев Антонова, сидевшего на старой скамеечке у калитки, Саша крикнул:

— Наконец-то! И нас вспомнил, деревенщина!

Они обнялись, и Алексей Николаевич почувствовал запах водки.

— Ты никак и за рулём принимаешь? — удивился Антонов.

— Так сегодня какое число, братец? — засмеялся Саша. — Четырнадцатое? Или у вас в столице получку в другие числа дают? Соскучился я по тебе, Леха! — он сел рядом и обнял Алексея Николаевича за плечи, и Антонов почувствовал, какие сильные и теплые у него руки. И на душе сделалось тепло и спокойно, как давно уже не бывало.

— Сегодня вечером кое-кого из наших увидишь, — сказал Саша. — Борю Ситникова с женой, Анку Семенову... Ольге Ростиславне сороковой день, так решили собраться.

— Ольга Ростиславна умерла? — воскликнул Антонов. — Вот так-так! А я, понимаешь, школьников в автобусе сейчас увидел и про нее вспомнил. Совсем она старенькой показалась мне в прошлый раз!

— В прошлый раз! — насмешливо сказал Саша. — Когда ты был-то у нас в прошлый раз?! Уж поди лет десять прошло! Она тогда еще молоденькая была!

— Вот так-так! — повторил огорченно Алексей Николаевич, и больше про Ольгу Ростиславовну они до вечера не сказали ни слова.

... В детстве Алексей Николаевич не любил Ольгу Ростиславовну. Может быть, это пошло с первой встречи?

Они сидели тогда на кухне, пили чай. Большое окно выходило прямо на запад, и вечернее солнце заливало кухню красноватым, ласковым светом, играло на пузатых боках самовара, начищенной бузиной с речным песком.

По дороге — так бывало почти всегда во время чаепитий, — пастух гнал домой стадо. Алеша с братом внимательно следили, какая корова пойдет по деревне первой. Если красная — погода назавтра будет хорошая, красная с белым — так себе, черная — дождь зарядит на целые сутки. Каждый вечер они затевали эту игру, и выигравший получал десяток фантиков.

Дверь растворилась, и в кухню вошла пожилая, крупная женщина. Она остановилась на пороге и, прикрыв ладонью глаза от солнца, поздоровалась.

— Здравствуйте, Ольга Ростиславовна! — приветливо сказала тетка и, вскочив из-за стола, суетясь, стала доставать из буфета чайный прибор, тарелки.

Ольга Ростиславовна не спеша повесила на вешалку свою похожую на панамку шляпу. Сколько потом ни встречал ее Алексей Николаевич, учительница всегда ходила в такой шляпке-панамке. И зимой и летом...

— Ну что, Александр, еще не всю рыбку в Оредеже выловил? — усевшись за стол, спросила Ольга Ростиславовна Алешиного брата. — Смотри, за тобой еще уха для класса. Помниши свое обещание?

— Не клюет! Вот в августе...

— В августе, так в августе. Только не забудь. Уха чтоб была по всем правилам!

Она тут же, как показалось Антонову, потеряла всякий интерес к Саше и, обернувшись к Дарье Филипповне, с довольной улыбкой смотрела, как та подкладывает в блюдечко сочные, тяжелые соты, наливает крепкий, почти черный чай.

— Ну, удержала, Дарьюшка. Чай с медом для меня — королевское лакомство.

— Кушайте, Ольга Ростиславовна. Медок-то свой, только вчера снимали. А чай цейлонский. Племянник из города привез, — она кивнула на Алексея.

— Панин сын? — она пристально посмотрела на Антонова, и он прочел в ее взгляде скрытую жалость. А жалости, даже скрытой, Алеша не переносил. Тяжело болел его отец, и все наперебой жалели Антонова, ничуть не заботясь о том, приятна ли ему эта жалость. Он был все время насторожен и, почувствовав, что его начинают жалеть, замыкался.

Тетка с учительницей заговорили о видах на урожай, о том, что год очень удачный, травы уродились густые, а рожь уже вымахала в рост человека.

— Наша учителька, — шепнул Антонов брат.

Алеша не очень-то прислушивался к их разговору и насторожился только тогда, когда Ольга Ростиславовна обратилась к дяде, молча и сосредоточенно пившему чай.

— Ты, Николай, похоже, сильно озабочен? — Не дожидалась ответа, она покачала головой: — Знаю, знаю... Все о председательстве думаешь?

Николай Иванович наступил на ногу, а тетка, поставив на стол блюдце, так и впилась взглядом в Ольгу Ростиславовну.

Все последние дни в доме только и разговоров было, что об этом председательстве. За выпивки сняли председателя колхоза, и правление обратилось к Николаю Ивановичу с просьбой принимать дела. Работал он механиком, чинил старые косилки и жатки и даже собрал маленький колесный трактор, пролежавший в колхозном сарае чуть ли не с революции. Но главным аргументом, склонившим правленцев в пользу Николая Ивановича, была его трезвость. Водки он не пил вовсе. Дарья Филипповна упрachaла мужа не соглашаться, не брать на себя непосильную обузу, а Алексей с Сашей страстно желали, чтобы он стал председателем. Им казалось, что с этого момента начнется у них райская жизнь — походы в ночное, купание колхозных лошадей на реке, поездки с Николаем Ивановичем на бричке на дальние покосы...

— Ты, Николай, на уговоры не поддавайся, — сказала Ольга Ростиславовна, и стекла ее золотого пенсне строго блеснули. — Не для тебя это дело — председательское. Ты как был кустарем-одиночкой, так и остался. Я тебя не первый год знаю. Все от людей в сторонке...

Короткий разговор этот врезался в память Антонова навечно. Каждый раз, вспоминая о нем, Алексей Николаевич ощущал, как горели его уши от обиды за дядя, сильного, на всякое дело умелого и очень доброго, несмотря на внешнюю хмурость, человека. Алексей сидел как на раскаленных углиях, негодяя, что дядя Коля спокойно слушает эту чудную учительницу в хрупком пенсне, так не идущем к ее широкому мужицкому лицу. Его просто подымало сказать учительнице что-нибудь обидное... А тетка поддакивала ей, явно обрадованная:

— Вот-вот, Ольга Ростиславна! И я ему, козлу, про то же толкую... Но дядя Коля посмотрел на нее сурово, исподлобья, и она смолкла.

— У тебя, Коля, вся мудрость — в руках. Ты ими чудеса делаешь, а разговоры говорить не мастак. Ты ведь Прошу Ветрова отговорить от выпивки не сможешь? Не сможешь. И пристраивать не сможешь! Лучше сам за него косить поедешь. А таких, как Ветров, у нас — через дом. Занимайся ты в своей мастерской железками. Может, еще такое изобретешь, что все ахнут. И не суйся в председатели, судьбу свою не ломай!

Алексей думал, что дядя Коля рассердится, цыкнет на учительницу, или уж по крайней мере «одарит» ее суровым взглядом. А дядя посмотрел на Ольгу Ростиславовну виновато, и губы его тронула еле заметная застенчивая улыбка:

— Так ведь они прямо с ножом к горлу...

— А ты характер прояви, — строго сказала Ольга Ростиславовна. — Уцепились

они за тебя, а про главное позабыли. Кто технику в колхозе чинить будет? Нет у них такого мастера. И в Рождество нет. Ты же чинить и будешь!

— Из Гатчины третьего дня приезжали, — уже открыто улыбнулся Николай Иванович. — Новую жатку получили, а не идет. Просят взглянуть. Поеду завтра... — он помолчал немного и обернулся к сыну: — Ну, как, Санька? Не пойдем в председатели?

Саша пожал плечами, но совсем, как отец, — и сказал, глядя в сторону.

— Не пойдем, пап...

Алексей потом долго зудил ему за отступничество, а брат твердил как попугай:

— Да раз Ольга Ростиславна сказала, так что уж!

Много времени прошло, прежде чем Антонов научился спокойно, вот так, как сделал это Николай Иванович, выслушивать правду о себе, но заставить себя в душе согласиться с этой правдой, принять ее удавалось ему не всегда. В таких случаях он вспоминал Ольгу Ростиславовну, вспоминал этот разговор, услышанный в далеком детстве. Вспоминал свои стычки и ссоры с учительницей. Повзрослев, Антонов стал относиться к Ольге Ростиславовне чуть-чуть снисходительно, иногда даже подшучивал над ней, объясняя ее прямолинейность и максимализм причудами старой девы. И только после сорока понял наконец ее доброту и большой человеческий талант. И жалел, что такие люди редко оказывались рядом с ним в трудные минуты. И ловил себя на мысли, что ему проще с людьми легкими, с людьми, которым нет дела до его слабостей и недостатков, а, значит, попросту говоря, и до него самого. И старался держаться подальше от таких людей, хотя и не всегда решался с ними ссориться, оправдывая себя тем, что неудобно, дескать, сказать человеку в глаза то, что о нем думаешь. Ведь ты и сам не саятой...

Временами у Алексея Николаевича появлялось страстное желание поговорить с Ольгой Ростиславовной, рассказать ей о том, что вот теперь он понял ее и полюбил. И что, как ни трудно ему порой, он старается быть прямым и открытым. Ему хотелось проявить о ней заботу, обласкать ее, чтобы и Ольга Ростиславовна не думала о нем плохо. Одно время Антонов даже решил пригласить ее к себе в гости в Москву, но приходилось много ездить по экспедициям, а потом навалились докторантские дела.

В один из своих редких приездов в деревню Антонов уже собрался было пойти к Ольге Ростиславовне, но тетка сказала, что ее сейчас нет дома. В Замостье, в соседней деревне, свадьба, так она там.

— Кто-то из бывших учеников пригласил? — поинтересовался Антонов.

— Пригласили аль нет, не знаю, — ответила Дарья Филипповна. — Да она и без приглашения ходит. И на свадьбы и на похороны...

Алексея Николаевича это немножко покоробило. «Опустилась, старая», — подумал он, и у него пропала охота изливать Ольге Ростиславовне душу. Когда Ольга Ростиславовна зашла на следующий день к тетке, Антонов подарил ей коробку конфет, специально для этого случая привезенных из Москвы, перекинулся парой ничего не значащих фраз, но серьезного разговора заводить не стал.

Наверное, Ольга Ростиславовна что-то почувствовала. Она поблагодарила за конфеты, и, разглядывая застывшую в прыжке балерину на коробке, спросила с грустной улыбкой:

— Они горчить не будут, Алеша?

...Когда умер отец, Антонову пришлось два года проучиться в деревенской школе, у Ольги Ростиславовны, в третьем и четвертом классах.

Не очень-то у него тогда ладились отношения с одноклассниками. Наверное, кое в чем он успевал лучше — в городской школе требования были повыше. Наверное, и домашние избаловали Алешу своим вниманием. Он мог посмеяться над мальчишкой, которому с трудом доставались задачки, съязвить, услыхав неверно поставленное в слове ударение. В классе Антонова считали задавакой. А к Ольге Ростиславовне он относился с недоверием и неприязнью. Не мог простить ее за разговор с дядей.

— Антонов, иди-ка ты, голубчик, к доске, — вызывала его однажды Ольга Ростиславовна. Но когда Алеша, взял мел в руку, приготовился решать задачки, она не стала ему ничего диктовать, а спросила:

— Ты, когда вырастешь, кем собираешься стать?

— Геологом-разведчиком, — не задумываясь, ответил Антонов. Мать работала в институте усовершенствования учителей, лаборанткой на кафедре химии и брала иногда Алешу с собой. Больше всего ему нравилась огромная коллекция минералов, и он часами любовался причудливыми кристаллами берилла, горного хрустали, медного колчедана... И в мечтах уже видел себя путешествующим по горным ущельям и тайге.

— Геологом-разведчиком... — повторила словно эхо Ольга Ростиславовна и вздохнула. — Ничего у тебя не получится...

— Нет, получится! — запальчиво крикнул Антонов.

— В одиночку только в книгах Джека Лондона золото находят, — спокойно сказала Ольга Ростиславовна. — А сейчас геологи сообща работают...

«Откуда вы знаете?» — хотел сказать Алеша, но сдержался. Он считал, что, кроме арифметики да правил правописания, Ольга Ростиславовна ничего знать не может.

— ...А другие люди с тобой не пойдут, — продолжала учительница. — Не пойдут ведь, правда, дети?

Ребята сдержанно засмеялись, а Богунков, второгодник и драчун, пробасил с «камчатки»:

— Не пойдут!

— Не пойдут, потому что ты, Антонов, относишься к ним свысока. Можешь обидеть любого... Да и плохо привыкаешь к деревенской жизни. А геолог — он все в поле, в горах, — опять вздохнула Ольга Ростиславовна. — Вот мы осенью на экскурсию ходили — так ты даже волчьи ягоды от черной смородины отличить не смог. И вереск с можжевельником путаешь...

Кто-то из ребят снова хихикнул.

— Это кто там смеется? — строго спросила Ольга Ростиславовна. — Аникина? Ты подожди смеяться.

— Ничего я не путаю, — буркнул Антонов. Он совсем растерялся и не знал, как себя вести — то ли заплакать от обиды и убежать, то ли продолжать огрызаться.

— А вдруг заблуждаешь? — снова подал голос веселый Богунков.

— Ребята, а как Антонов с костром справляется? — спросила Ольга Ростиславовна. — Может он быстро запалить?

— С одной спички, — вступил за Алексея Саша.

— Я все минералы знаю! — сказал Антонов, ободренный поддержкой брата. — И где их искать знаю! У меня мама с профессором Верховским работает...

— Чтобы с камешками разобраться, надо с людьми подружиться, — сказала Ольга Ростиславовна. — Не будешь с людьми дружить, ничего не добьешься. Вот ты про маму сказал... Я ее хорошо знаю. Она у тебя прекрасный человек. Парасковью Филипповну в деревне с детства все любили, маму твою. И когда она в сельскохозяйственной школе кухаркой работала...

— Она лаборант! — запальчиво крикнул Антонов. — И не работала кухаркой!

— Ну, что ж тут плохого? — удивилась Ольга Ростиславовна. — Сейчас там Ани Семеновой мама работает.

— А моя мама не работала! Не работала! — закричал Антонов. Слезы душили его. Он уже не мог сдерживаться и все твердил и твердил остервенело, не слыша звона колокольчика, возвестившего перемену: — Не работала, не работала!

Он сам не понимал, почему, но с того случая как-то постепенно, сами собой, у него наладились отношения с учениками. Только на Ольгу Ростиславовну он еще долго был обижен и, отвечая ей на уроке, всегда отводил глаза. А когда приехала в одно из воскресений из Ленинграда мать, спросил ее про сельскохозяйственную школу. Работала ли она там кухаркой?

Мать засмеялась.

— Работала, Леха. Я и с папкой твоим в этой школе познакомилась... Приехал он читать курсантам лекции. И неделю я кормила его супами своими... — она обняла Алешу, прижалась к себе. — Папка уж и не мог потом без моих супов. Это только ты, привереда, супы плохо ешь!

...Вечером в доме у Дарьи Филипповны собрался народ. Алексей Николаевич с трудом узнал Анию Семенову, когда-то веселую и озорную девочку, с которой они были особенно дружны в детстве. Деревенские мальчишки, из тех, кто помладше, дразнили их: «Тили-тили тесто, жених и невеста».

— Что, Лешенька, на улице не признал бы, — спросила Семенова и улыбнулась. И Антонов почувствовал в ее наигранно бодром голосе обиду. Обиду за то, что не смог сразу узнать Анию, не смог скрыть своего разочарования.

Загорелая до черноты, с выцветшими на солнце волосами, Ания показалась Антонову задерганией и неспокойной. Она то громко смеялась по любому пустячному поводу, то вдруг задумывалась, и лицо у нее становилось замкнутым и отрешенным. Зато Борис Ситников, которого Алексей Николаевич не видел, наверное, лет двадцать, был таким же добродушным и ульбчивым увальнем, как и раньше. Только на большой сивой голове появились залысины, да отрастил курчавую, тоже сивую, бородку. Жену его, Варвару, Антонов видел впервые — Ситников женился совсем недавно. «Своих-то баб мало, — успела шепнуть Алексею Николаевичу тетка с осуждением. — Так с Псковицы привез».

Разговор получился шумный, беззаборный, как всегда бывает при встрече старых знакомых. Дарья Филипповна уже несколько раз заглядывала на веранду и приглашала к столу. Наконец все перешли в избу.

После того, как помянули Ольгу Ростиславовну, Антонов спросил:

— А как она умерла? Не очень болела? — И по тому, как все неожиданно притихли, понял, что здесь не все просто.

— Это я, я во всем виновата! — со вздохом сказала Ания Семенова, и губы ее страдальчески скривились.

— Ну, Ания! — ласково сказал Саша. — Перестань, в чем ты виновата?

Она взмахнула рукой, словно хотела от кого-то защититься, и разрыдалась. Варвара обняла ее и стала что-то ласково шептать.

— Ты, мама, не рассказала Леше? — обернувшись к Дарье Филипповне, спросил Саша. Та отрицательно качнула головой.

— Неладно с Ольгой Ростиславовной вышло, — хмуро сказал Ситников. — Пошли зачем-то ночью на реку. На ГЭС. То ли в голове у нее помутилось, то ли еще чего... Утром выловили.

— Все у нее с головой было в порядке, — подняла глаза Ания. — Утопилась она, Алеша! Утопилась!

— Опять за свое! — буркнул Саша.

— Правда, Ания, чего ты все болтаешь? — вступил Ситников. — Ее и похоронили на кладбище. Самоубийца только за оградой можно...

— Да ладно вы! — вспылила Ания. — Говорю, что думаю...

«Неужели это правда? — подумал Антонов, но расспрашивать не решился. — Завтра все узнаю подробно». Он вдруг вспомнил, как шел сегодня по плотине, вспомнил чистую, отразившую белые облака и прибрежный лес воду, широкие листья кувшинок и одинокий поплавок, кружащий над омутом.

— А ведь это я виновата, — чуть успокоившись, пробормотала Семенова. — Перед той ночью пришла к ней. Принесла молока, колбасы из города привезла. Убралась... Сидела, чавчавчали. Ну, и разговорились. О наших ребятах. Кто, где... Я взмыла, да и брякну: «Какие-то мы все неприкаянные у вас, Ольга Ростиславовна, получились. Мыкаемся по свету, ищем все чего-то, а чего — сами не знаем...»

— Ну ты даешь, подружка... — с осуждением покачала головой Варвара.

— Сама понимаю, что дура, — опять всхлипнула Анна. — Словно за язык кто дернул...

Несколько минут все молчали.

— Глупость ты, Анька, конечно, ляпнула, — хмуро сказал Саша. — Только к ее смерти это отношения не имеет.

— Имеет, имеет! — упрямо твердила Анна. — И только зачем я старуху обидела.

Общий разговор распался. Борис и Саша сидели притихшие, задумчивые, сосредоточенно курили.

Антонов приглядывался к своим сильно постаревшим однокашникам, и в голову ему лезли какие-то нелепые воспоминания из далекого детства. Про то, как они с Ситниковым наловили раков и засунули Ане в портфель, а раки расплзлись по классу. И было столько веселого визга. Про то, как Саша, ревновавший к нему Анию, подстерег ее вечером во время купанья и спрятал одежду. И Анька вылезла из воды голая и спокойно стала искать в кустах свое платье, а Саша, красный как помидор, убежал в деревню и долго боялся показаться Ане на глаза...

На столе появился самовар, вазочки с вареньем.

— Ну, чего пригорюнились? — сказала Дарья Филипповна. — Давайте чайку погоняем. Хороший чай — он половину забот снимает...

— А что тебе, Аня, Ольга Ростиславна ответила? — неожиданно спросил Борис.

— Ну вот, опять двадцать пять! — недовольно проворчал Саша. Анна поддетки виновато улыбнулась и покачала плечами.

— Ничего особенного. «Были бы у меня, Ани, свои ребятишки», — сказала, — может, и вас я по-другому учил. А петушиного слова на счастье — не знаю. Знала бы — каждого вызубрить заставила...»

— Последние годы она уже не в себе была, — сказала Варвара. — Заговаривалась.

— Ты доживи до ее лет, — оборвал жену Ситников. — Двух слов не свяжешь...

— Ей восемьдесят четыре было, — напомнил Саша.

— Небось, тоже немало... — Анна с сожалением покачала головой и упрямо бросила: — И все-таки...

Даже Дарья Филипповна сердито зыркнула на нее:

— Вот до чего упрямый человек! Так и будет зудить одно и то же... И вся ваша порода семеновская такая...

— Да что вы, тетя Дарья, сердитесь? И правда, ведь мы какие-то строгие к жизни выросли...

— Или жизнь к нам строгая, — засмеялся Борис.

Анна отмахнулась от него.

— Вот я о себе скажу... — Она оглядела всех сидящих за столом, словно приглашая в свидетели. — Да вы и сами знаете. Какая уж любовь у нас с Николаем была! Красивая! Пять лет жили душа в душу. А как узнала, что он у Натки Гончаровой в городе переночевал — все, из сердца вон... Не смогла я его простить.

— А Ольга Ростиславна-то при чем? — спросил Антонов.

— А-а... При чем, при чем... — как-то неопределенно, многозначительно протянула Анна. — Будь та же Натка Гончарова на моем месте — она бы простила. Сколько таких семей... Или вот с работой? Тоже ведь... Сидела бы тихо, как другие. Так нет. Образование не позволяет. На дороге работала. Счетчиком. Самосваль с песком да щебнем считала. Прораб в конце месяца говорит: «Ты, Анна, со своим счетом мужиков без заработка оставил. А у них — семьи». Я смотрю на него, как дурочка: «А что, Михаил Сидорович?» Он и объяснил мне, что к чему. Нет, говорю, эта работа не для меня. Нас еще в первом классе научили, что дважды два четыре, а не восемь. Оборжал он меня в тот раз и отпустил с миром... И в магазин я не пошла. А как звали... Да ты, Варвара, знаешь, — обернулась Анна к Ситниковой. Та кивнула:

— Помнишь, как директор сельпо уговаривал...

— Вот-вот! А я не пошла. — Анна строго поджала губы. — Из нашего класса одна Катя Соленова хорошо пристроилась. С молодости — в санатории-сестрой-хозяйкой. А там и Зухера себе приглядела...

Павел Семенович Зухер когда-то работал мельником на маленькой мельнице, потом завхозом в санатории. Доброточный и веселый, он стал полулегендарной личностью из-за своего большого живота. «Пузо-то наел, — говорили в деревне, — как у Зухера».

— Соленова в нашем классе всего год проучилась, — сказал Борис. — Нашей ее и считать-то нельзя. — И все посмотрели на Антонова.

Алексей Николаевич улыбнулся.

— И меня за своего не считаете?

— Сиди уж! — обнял его за плечи Саша. — Ты у нас благополучный. До самой столицы добрался.

— В Москве тоже не сладко. От одной толчки в глазах темно, — вздохнула Дарья Филипповна. Пять лет назад она, наконец, вняла настойчивым письмам Антонова и вместе с Сашей гостила у него две недели.

— А все равно тянутся туда люди, будто медом намазано, — сказал Борис.

— Борьке вот Ольга Ростиславна вскружила голову. Простите, Борис Иванович, — Анна дурашливо поклонилась в сторону Ситникова. — У тебя талант! Будешь великим художником! Он и ушел из техникума. А мог бы стать хорошим ветеринаром. Вот Виктор Андреич, мой сосед, живет как барин, всего в избытке! Любодорого посмотреть. А Борис из техникума ушел, а пришел куда?

— У Бори выставка была в Гатчине. Во Дворце культуры, — возразил Саша.

Анна покачала головой.

— На шестом-то десятке! Да и что здесь особенного? Красиво, не скажу плохого. А сколько он в жизни помаялся? И лесником поработал и на почте — по столбам лазал. И в пожарке...

— Что ты чужую жизнь-то считаешь! — раздраженно перебила Анну Варвара. — Живем не хуже других!

— Вот то-то, что не хуже! А где оно, счастье?

— И счастьем Бог не обидел. Боря, скажи ты ей! — обернулась Варвара к мужу, но тот только подмигнул ей и улыбнулся.

— А Вася Богунков? — напомнил Саша, и все оживились.

— Ну, конечно. А Вася-то! Васю мы и забыли...

Вася, Василий Сергеевич Богунков, их соученик по начальной, а потом и по средней школе, стал человеком знаменитым, настоящим художником. И в Ленинграде, и даже в Москве устраивались его персональные выставки, о нем нет-нет да и писали газеты. И лучшие его картины — так, во всяком случае, считали все его земляки — были написаны в родной деревне, в окрестных борах, на высоких красных берегах Оредежа, в Батове. Раньше Василий каждое лето до глубокой осени проводил на родине, но года три назад умерла его мать, и он, заколотив дом, больше не появлялся. А на прощание сказал друзьям: «Вот поезжу по свету — вернусь насыщенным. Помирать дома буду...» Может, и для красного слова сказал, но в деревне это крепко запомнили и нет-нет, да и вспоминали к слову.

— Жаль, что Вася не написал портрет Ольги Ростиславны, — сказал Антонов.

— И правда, — спохватилась Анна. — Вот ведь как здорово было бы! Висел бы портрет на выставках. Смотрели бы на него люди, читали подпись: «Учительница Ольга Ростиславна...»

— И мы не наудомыши, — сказал Саша.

— Сам не маленький. Мог бы сообразить, — проворчал Борис.

— Давайте пошлем Васе ее фото. — Анна обвела всех взглядом, иска поддержки. — Ведь может же он и с карточками нарисовать? Правда? Найдем покрасивее, там, где Ольга Ростиславна молодая...

— Конечно, может с карточками, — поддержал Антонов. — И не надо искать красивую. Пошлем такую, какой она всегда была, — и подумал о том, что, сколько помнит Ольгу Ростиславну, она была всегда для него одинаковая. Даже тогда, когда он впервые увидел ее. Она всегда казалась ему старой в своей смешной шляпке-панамке и в золоченом пенсне. «Сколько же лет ей было тогда, перед войной?» — Он прикинул: в восемьдесят четыре ее не стало. Значит, сорок пять. Да, немало... Немудрено, что она казалась ему старухой.

— А ты, Боря, тоже мог бы ее портрет сделать, — сказала Варвара мужу. — Маму нарисовал — уж так похоже.

— Попробую, — отозвался Борис.

— Нарисуй, Боренька, — попросила Анна. — Мы портрет в Рождественском музее повесим...

Сидели за чаем долго. Дарье Филипповне пришло еще раз ставить самовар. Первый поднялась Варвара:

— Нам пора. — Она поглядела на маленькие часики. — Хоть немного поспать. Давай, Боря, поднимайся.

Варвара работала дояркой, и вставать приходилось спозаранку. Вслед за Ситниковыми потянулись остальные.

— Я вам чего на прощанье-то посоветую, — сказала вдруг Дарья Филипповна. Она все еще сидела за столом, и в большой, расписанной яркими розами чашке дымился крепкий чай. — Нечего вам казниться да сердце себе рвать. Жить она устала, Ростиславна. Вот чего. И только. Доживете до старости, сами поймете...

— Скажешь ты, мама! — недовольно буркнул Саша. — Жить еще никто не уставал.

— Доживешь — и про это узнаешь, — повторила Дарья Филипповна. — Я уж тоже переходила, живу по накату. Давно умирать пора, да остановиться некогда. А уж как устала, как устала... — Она тяжело, как-то очень горько вздохнула и будто съежилась. И Антонов увидел, что она все-таки очень постарела за последние годы.

— Не было бы вас, да внуков-оболтусов, — легла бы да умерла, не сходя с места. — Дарья Филипповна осторожно налила себе чай в блюдце и задумчиво посмотрела в окно, в белые сумерки июльской ночи.

— А я читал, что древние греки в глубокой старости ложились, задерживали дыхание и умирали, — сказал Борис.

Дарья Филипповна обернулась от окна и посмотрела на него долгим, грустным взглядом.

— Ладно, грек! — легонько толкнула Бориса жена. — Завтра опять не добудишься будет.

— Она всю жизнь одинокой была, — задумчиво сказал Саша, когда они вышли на улицу.

— Вот-вот. Одинокой! — подтвердила Анна. — А мы? Мы-то где были? Здрасьте, Ольга Ростиславна. До свиданья, Ольга Ростиславна! Обросли детишками, мужьями да женами, огородами да мотоциклами.

— Но, но! — шутливо прикрикнул Саша. — Ты насчет мотоциклов-то полегче!

— Не в этом дело, — с горячностью сказал Алексей Николаевич. — Не в этом дело! Ты могла бы хоть об стенку разбиться, а семья, своей семьи, Ольге Ростиславне не заменила бы. Даже если бы переселилась к ней жить! Не в этом дело! — снова повторил он, не зная, как бы лучше объяснить свою мысль.

— А в чем же? — спросила Анна с вызовом. Но Антонов промолчал. Он думал о том, что, наверное, Ольга Ростиславна была очень гордой и переживала за своих учеников. Переживала, что они не смогли добиться того, чего она им страстью желала и на что они — она-то знала об этом лучше других — были способны. «А с жизнью не так-то легко справиться», — думал Алексей Николаевич. — И не все мы были к этому готовы, не все сумели следовать тому прекрасному, что она сумела приоткрыть нам. А еще вспомнились ему слова какого-то философа: «Я научил вас думать хорошо. Теперь попробуйте так же хорошо поступать...»

... Антонов пошел проводить Анну. На западе, в Зарецкой стороне, светлела широкая полоса неба. В деревне почти нигде не было видно света, и только в новом угловом доме у прогона в одном из окошек горел свет.

— Ленка, Володи Маричева сестра, к экзаменам готовится, — сказала Анна. И вздохнула. Володя Маричев учился вместе с ними у Ольги Ростиславны. В сорок третьем ушел в партизаны и погиб.

— «Николай Гончаров в партизанах погиб», — подумал Антонов. — И тоже у Ольги Ростиславны учился...

... Они молча прошли по деревне, до самого Оредежа. Ночью река не показалась Алексею Николаевичу такой узкой и мелкой, как днем. У Большого камня, как и в далеком детстве, журчала, обтекая его, быстрая серебристая вода. Слева, где до войны стояла мельница, слоился плотный туман.

— Ну, я пришла. — Анна остановилась и показала рукой на неясные очертания домов на высоком берегу. — Я теперь здесь живу. Недавно построились. Ты не забудь про Васю-то. Разыщи. Пускай портрет нарисует...

— Разыщи. Не беспокойся, — ответил Антонов и подал Анне руку. Ладонь у нее была крепкая, мужская. Не оборачиваясь, Анна пошла вверх по дорожке.

«Когда-то мы с ней целовались здесь, на берегу», — подумал Антонов.

Иди домой не хотелось. И он пошел по тропке вдоль реки, вдоль молодого сосенника и вышел на поле. Здесь, как и в детстве, пахло поспевающими хлебами, лебедой, клевером...

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

В январе 1980 года Московскому государственному университету имени М. В. Ломоносова исполняется 225 лет. В стихах преподавателя Владимира Виноградского центральное место занимает тема истории нашего старейшего учебного заведения.

Грановский

Его съезжалась слушать вся Москва
В стариный светлый зал на Моховую.
Грановский не спешил.
Не тратил зря слова.
Он просто рисовал историю. Живую.
Свободы лик сиял в мятежных тех речах.
И зал рукоплескал признаньям
Откровенным.
Как яростно горел, Грановский, твой очаг,
Задолго предсказав крутые перемены!

Коллеги

Во время войны фашистская бомба попала в стеклянный купол старого здания университета на Моховой.

Расставило время акценты,
Война всем свое воздала.
На фронт уходили студенты,
Доценты, профессора.
Шли танков железные ромбы,
В столичный прицелившись щит.
Внезапно фашистской бомбой
Был купол стеклянный разбит...
В струе огнеметов сгорали,
Шептали святые слова—
Коллеги в бою умирали,
Чтоб нашей осталась Москва.
Жесток, беспощаден и долон
Войны сокрушающий вал.
Стал летчиком бывший биолог,
Историк разведчиком стал...
Не зря сквозь смертельные годы
На дальнем вояне берегут,
В рейхстаге написано гордо
Три слова: «Мы здесь. МГУ».

Коллеги! Вы были из стали...
Мы мужество ваше храним.
И купол сияет хрустальный,
И мирное небо над ним!

Иван Петровский

С нами он душою молодел,
До седин храни задор и форму.
Здравствуй, замечательный предел!
Здравствуй, море вечно юных формул!

Лекции, как Пушкина, читал!
Редко кто умеет так поныне...
К перерыву твердо верил зал
В то, что математика—богиня!

Что считать его рабочим днем,
Если до утра не знал покоя?
Вспомните, ведь именно при нем
Выросла громада над Москвой.

Ахнул весь послевоенный мир,
Прославляя разум наш и руки:
«Русские—без хлеба и квартир—
Создают великий храм науки!»

И когда принцессы, короли
Головы склоняли перед входом,
Ректор пояснял: «Храм возвели
Всем его величеством народом!»

Столько сделать света и добра,
Ничего науке не жалея!
Кажется, что будто бы вчера
Он гулял по липовым аллеям...

Красота и неизбежность цифр!
Правишь ты извечно белым светом,
Соблюдая формул код и шифр,
Как Петровский—университетом!

Ее мы звали просто: «Клавдиванна». И знали ее много-много лет. И вечером, и днем, и утром рано Подвластен был ей целый факультет. И, может поверить, непрестанно Старушке приносили мы цветы. Она была не просто «Клавдиванна», Она была—диспетчер доброты. В ограде тихой с надписью небрской Сказали ей последнее «прости» На кладбище, где рядом сам Грановский Покоится во славе и в чести.

Аудитория

Они глядят, так пристально глядят На кафедру, с которой ты вещаешь. За мыслю твою преданно следят, За всем, что громогласно утверждаешь. И нелегко в наш технотронный век, Век взрыва информаций и эмоций, Объединить всех юных душ разбег В сияниях великих книжных ложий. Псевдоученой не учи строке! Теории не зря выходят боком, Коль их несешь на птичьем языке. Забыв язык Есенина и Блока. Заведомо иные господа Науку представляют делом личным. Но мир давно усвоил насаждать: Науки все публицистичны. Ни догм, ни дилетантства не щадят Студентов нестареющие перья. Глаза глядят... Доверчиво глядят... Не обманы, оратор, их доверя!

EX LIBRIS
СМЕНЫ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Познай богатство Отчизны своей

Книга Юрия Мелентьева «Не за три моря» («Молодая гвардия», 1979 г.) повествует об изобразительном искусстве нашей страны, о древнерусском зодчестве и современной скульптуре, о седых традициях и нынешних поисках.

Открывается книга главой «Золотое кольцо», или «Связь времен». Уже в названии—начало той нити, на которую будут нанизаны сведения и размышиления автора о рукотворном чуде Ростовского кремля, об овеянных легендами стариных усадьбах, о драгоценной финифти и удивительных изразцах, о силе и свободолюбии народа, проявляющихся в равной мере и в искусстве и в борьбе с угнетателями. Нить эта—мысль о неразрывности и закономерности развития национальной культуры, созидающейся руками народа.

Автор стремится поддержи-

вать и направлять столь возрожденный за последние десятилетия процесс «серебряной, духовной тяги к изучению прошлого, которое ведет к эстетическому обогащению, к новым знаниям, к воспитанию высоких патриотических чувств. Ведь тот, кто лучше знает историю, способен лучше понять и глубже ценить сегодняшний день своего народа».

Глубоким пониманием закономерностей развития государства и культуры проникнуты страницы, посвященные истории Переяславля и Ростова. Неразрывная цель событий, в которой появление нашего Советского государства, нашей культуры—новое звено в развитии человеческого общества, объединяет в одно целое труд народных мастеров различных вех и поколений, создателей палехских шедевров, уникальной росписи, создателей великих русских колоколов. Сопоставление различных исторических фактов и выявление общности далеко отстающих друг от друга и по времени и по характеру событий раскрывает более глубокий смысл того, что нам всем уже хорошо известно.

За этюдами о русских мастерах и художниках следуют две повести об украинском скульпторе Галине Кальченко и грузинских чеканщиках. Центр повествования в этих главах—творчество художников, но, следуя своему главному принципу—показать связь времен и принадлежавших им художников, связь развития истории и культуры,—Юрий Мелентьев делает интересные экскурсы в далекое и недавнее прошлое украинского и грузинского народов. Скульптор из Киева, чеканщик из Тбилиси раскрывают перед нами не только через описание и анализ их работ. Автор дает им яркие и психологически тонкие характеристики, рассказывая о своих личных с ними встречах, о человеческом своеобразии этих людей.

Страстной и мудрой любовью к истории, к искусству нашей страны проникнуты страницы книги «Не за три моря». Но с

первых же ее строк понимаешь, что это чувство пробуждает в авторе не только созерцательное восхищение или чисто научный интерес к прекрасным творениям художников. Знакомство с произведениями искусства, изучение их должно рождать в человеке, говорит автор книги, «живое историческое чувство, чувство связи времен». Книга Мелентьева побуждает к деятельности любви, которая воспитывает в человеке бережное отношение к сохранившимся творениям народного гения, помогает верно оценить то, что создано в искусстве нашего времени. И для того, чтобы увидеть подлинную красоту творений человека, не надо «собираться на иные континенты, за три моря. Сокровища неведомого таятся для нас совсем рядом, стоит только внимательнее посмотреть вокруг».

Мария БОГДАНОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

Его имя—патриот

Так называется одна из глав недавно вышедшей книги Евгения Кобелева «Хо Ши Мин» в серии «Жизнь замечательных людей» («Молодая гвардия», 1979 г.), а могла быть названа каждая. Беспредельная любовь к своей родине— вот верно найденный автором ключ, в кото-

ром он излагает биографию великого сына вьетнамского народа.

...Очень давно на одной из сайгонских улиц между Старым и Новым рынками располагалось училище, где готовили персонал для принадлежавшего французам завода «Башон». Сюда в 1911 году поступил молодой человек— бывший учитель из города Хюэ по имени Нгуен Тат Тхань. Много позже юноша объяснил, почему он решил оставить профессию учителя и овладеть совершенно новой для себя специальностью, почему, проучившись только три месяца, он устроился помощником кока на французском судне и отправился во Францию, почему на чужбине поменял множество профессий— был мойщиком посуды, дворником, истопником, фотографом. Он напишет так: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь еще не коммунизм, привел меня к Ленину и к Коммунистическому Интернационалу. Лишь постепенно, в ходе борьбы, изучая марксистско-ленинскую теорию и участвуя в практической работе, я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм могут освободить от рабства и угнетенных народы и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм».

Но все это будет гораздо позже. А пока Нгуен Тат Тхань внимательно присматривался к деятельности прогрессивных людей того времени, которые искали пути избавления страны от колониальной зависимости... Он считал, что ответы на волнующие вопросы нужно искать в развитых капиталистических странах, там, где уже развернулись классовые бои, где возмутился и окреп пролетариат— единственная сила, способная пристроить народам социальную и национальную свободу.

Уезжая на чужбину, он еще не знал, что лишился через тридцать лет вновь ступит на родную землю уже умудренным опытом жизни и борьбы.

Он долгое время провел в Западной Европе, посетил США. Был в Советской России, куда после Октябрьской революции рвался всей душой, страстно желая встретиться с Ильичем. Но этой встрече помешала кончина вождя мирового пролетариата. «Мне так и не довелось встретиться с Лениным, и это было самой большой горестью в моей жизни»,— вспоминал впоследствии Хо Ши Мин.

Когда юноша покидал Сайгон, ему был только двадцать один год. Его звали Нгуен Тат Тхань. В пятьдесят один год он вернулся на родину под именем Нгуен Ай Куок— Нгуен-Патриот. И через четыре года на ханойской площади Бадин он объявил о создании Демократической Республики Вьетнам и стал ее первым президентом. Его звали Хо Ши Мин.

Книга Евгения Кобелева— живой и увлекательный рассказ о Хо Ши Мине-вожде, Хо Ши Мине— пламенном революционере, интернационалисте. Перед читателем предстает яркий образ незаурядной личности. Человека, отдавшего всю свою жизнь служению революции, большого друга Советского Союза.

Основанная на большом фактическом материале, кропотливо собранном автором во время его работы во Вьетнаме корреспондентом ТАСС в годы войны, на архивных документах и материалах Музея вьетнамской революции, написанная ярким и разным языком, эта книга стала достойным пополнением к популярной серии «Жизнь замечательных людей».

Андрей ЛЕВИН

EX LIBRIS
СМЕНЫ

Иван ГУДОВ,
Герой Социалистического
Труда.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Нет-нет да и вытащу заводской пропуск с красной «бессрочной» полосой. Почетный станкостроитель... Почета нам, ветеранам труда, хватает. Тут даже не грех вспомнить строчку из стихов Михаила Светлова: «... меня уже почетом, как селедку луком, окружают». С юмором сказано, конечно. А все же на душе есть какой-то грустный осадок.

И только когда знакомой дорогой иду на свой Станкостроительный, когда вдохну полной грудью этот горьковатый, резкий, даже на ощупь тугой и пружинистый заводской воздух, будто сбрасываю с плеч полвека и вновь, молодой, занозистый, вхожу в механический цех.

Работая над этими заметками, я часто бывал на заводе. Шел в гуще рабочих людей, все больше молодых, крепких парней, чувствовал их крутые плечи, слышал их громкие, свежие голоса. Говорили о футболе, о том, кто и как провел выходные дни, о новых фильмах, о разных житейских дела... Но чем ближе к проходной, тем чаще в разговорах мелькали привычные слова: «литье», «номенклатура», «шестишиндельные», «отгрузка», «сборка»...

Заводской двор... Сорок с лишним лет назад здесь кипели весенним цветом

Гиганты
Советской
индустрии

СТАНКИ НА ВСЕ Р

яблони — яблоневая аллея вела в механический цех, яблоневый сад шумел меж цеховых корпусов, стойкий яблоневый дух перебивал порой запах металла.

Нынче нет сада, нет аллеи — есть новые корпуса, новые площадки. Заводрос, расширялся, ему становились тесны те «детские одежки», которые были когда-то впору и даже «с приспуском».

Жаль, конечно, яблоневого сада... Но прошлогодней весной здесь же, в заводском дворе, на комсомольских субботниках ребята высадили саженцы бересклетов, липы, кусты акаций, орешника...

Я огляделся. Сюда пришел я сорок шесть лет назад. Слышал, что здесь делают револьверные станки. Подумал: наганы для армии вещь необходимая. Когда сказал об этом вслух, надо мной рассмеялись. Оказалось, станки называются револьверными по принципу их устройства: в станочный барабан, будто пули в барабан нагана, вставляются режущие инструменты — резцы из различных сплавов и разной конфигурации. Барабан поворачивается, и нужный резец обтачивает ту или иную деталь.

— Вот тебе телега, — сказал мастер Фиолетов, человек огромного роста, настоящий великан. — Будешь возить детали. В добрый час!

Так я, Иван Гудов, чернорабочий третьего пролета второго механического цеха, начал свой трудовой путь на Станкозаводе имени Серго Орджоникидзе. Мне исполнилось в ту пору двадцать семь лет, а я, в сущности, еще не имел рабочей профессии. Был пахарем, торфянником, пастухом, кочегаром, сторожем, воспитателем беспризорников, а ни к чему не пристал. И вот теперь здесь, среди заводского гула и грохота, должна была сложиться моя рабочая судьба.

«Бери детали!» — эти слова меня и во сне преследовали. За смену, бывало, так упаришься — не разогнуться, но мечта об учебе не покидала меня. Мастер Фиолетов оказался человеком на редкость добрым и внимательным. Заметил как-то, что смотрю я с завистью на парней и девчат, которые у станков работают, сказал, усмехнувшись: «Не скучай, парень, они ведь тоже не умельцами родились...»

То были годы первых пятилеток. Советский народ строил Магнитку, Ростсельмаш, Сталинградский тракторный, Горьковский автозавод... И в это же время в Москве, на левой стороне Андреевского оврага (был тут когда-то Андреевский монастырь, он и дал название оврагу), что тянулся от берега Мос-

квы-реки, где нынче стадион имени Ленина, до района сегодняшнего ЗИЛа развернулось строительство нового завода. Станкостроительного — первого в стране.

Из многих деревень приехали на стройку плотники, каменщики, печники. Машин тогда было не густо, выручили лошади: бывало, на километр растянутся подводы, груженные кирпичом, цементом, щебнем, бревнами... Заводской забор стоял прямо на обрыве, а в самом овраге — общежития строителей, будущих заводчан. Не панельные, светлые громады, в которых живут нынешние молодые рабочие Станкозавода, а длинные, побеленные известкой дощатые бараки...

Шефом стройки стал нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он частенько бывал на площадках, шел к строителям, не обращая внимания на грязь. Высокий, плечистый, он шагал широко, и техспецы еле поспевали за ним. Подходил к бригаде, со всеми здоровался за руку, расспрашивал о работе, о жизни.

— Устаете, товарищи? А как кормят? Горячее всегда бывает?

Мы в ту пору покупали металлорежущие станки за границей. Платили золотом; иностранные фирмы «Шои», «Люд-

виг Леве», «Варду», «Фриц Вернер» боягатели за наш счет.

Фирмы были уверены, что советским «лапотникам» не управиться со сложными станками. Что их специалисты надолго «пропищутся» в наших цехах и молодая республика будет расплачиваться с ними валютой еще не один год.

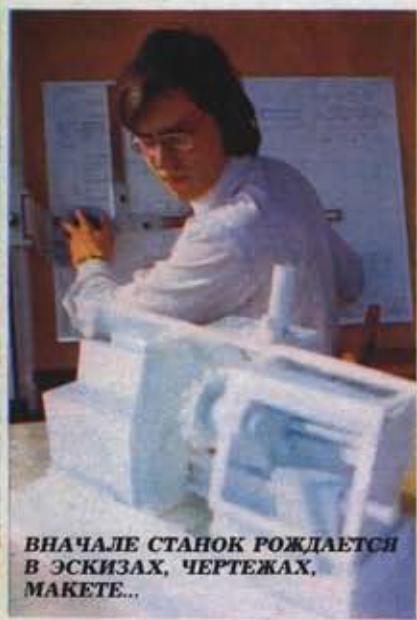
Первый револьверный станок собрали в конце 1932 года. Мой товарищ Константин Зюзин рассказывал, какое это было торжество. На завод приехал нарком. В сборочный цех пришли сотни людей. Ждали, когда включат станок. Переживали, а вдруг он «заартачится»? Но когда станок с шумом и грохотом (он еще не был окончательно отлажен) заработал, когда первая деталь — простенький обточной цилиндр — упала в ящик, все дружно зааплодировали и закричали «ура!». Родился наш отечественный станок!

На заводе начали работать шестимесячные производственно-технические курсы. Желающих получить специальности токаря и фрезеровщика было очень много. Я подал заявление одним из первых. И, как говорится, счастье мне улыбнулось: меня зачислили на эти курсы. И ровно через полгода я впервые встал к фрезерному станку.

Как-то, просматривая архивные доку-

отсюда уникальные станки и автоматические линии отправляются во многие страны мира.

вначале станок рождается в эскизах, чертежах, макете...

УКИ

менты, старые газеты, я для памяти выписал некоторые заголовки, лозунги. В них бьется пульс тех лет: «Не штурмовать, а организовывать производство», «Объявляем войну браку!», «Поднять ярость масс на борьбу с бракоделами!», «Запомни! Расхищение рабочего времени на разговоры, уход до гудка, стояние в очередях достигает по заводу 4000 часов в день!». Трудное было время. Не хватало специалистов, квалифицированных рабочих, металла, оборудования. Завод уже выпускал продукцию, а строительство некоторых цехов продолжалось. И, бывало, после смены мы брали в руки ломы, лопаты, кирки и шли настройку. Наш заводской поэт Миша Киров сочинил тогда песню. Запомнились такие строчки: «Кто с киркой, а кто с лопатой, ломов острый штык... По ударным по бригадам разошлись большевики!»

Нынче, выходя со станции метро «Ленинский проспект», сразу же видишь огромные корпуса Станкозавода, растянувшиеся на добрых два километра. До центральной проходной дойдешь лишь за полчаса. А мне все время вспоминаются первые два корпуса — механический да сборочный, гигантские по тому времени, а по сегодняшним меркам устаревшие. Но реконструкция здорово

изменила их. И если снаружи они остались почти такими же, то уж внутри старых знакомцев почти не узнать: пролеты цеховые расширены, потолки подняты, установлены мощные козловые краны, оборудование новейшее — и в помине нет чернорабочего с тележкой, который развозит заготовки и собирает готовые детали. Иные времена! Автокары, электромобили, сложные электронно-вычислительные машины, планирующие и регулирующие производство, АСУ — все это нынешний Станкозавод...

Позвонил мне бригадир Комаров. Владимира Григорьевича знал я давно, был с ним в добрых, дружеских отношениях. Сам он после ремесленного служил в армии, работал слесарем-механиком и вот уже лет двадцать бригадирует в сборочном. Ребята у него молодые, много «зелени», но работают на совесть. О бригадире своем говорят с гордостью. Еще бы! Герой Социалистического Труда, депутат — рабочий, всей стране известный. А главное — человек душевный, понимающий молодежь, близкий ей.

Так вот, звонит он мне:

— Иван Иванович, очень прошу заглянуть к нам, на «огонек». Молодежь будет в рабочий класс посвящать. Хотят они вас послушать.

Посвящение в рабочие — праздник всего завода. Вижу в зале директора Николая Сергеевича Чикирева, и секретаря парткома Бориса Николаевича Беляева.

— Что ж не позвонил, я бы машину послал, — говорит директор, крепко пожимая руку.

— Ты уж меня, Николай, совсем в старцы записал... Дай хоть глянуть на тебя.

Ничего... Русые волосы густо тронула седина, а глаза смеются. Я-то его мальчишкой знал. Он ведь на заводе и вырос. Его токарному делу мой дружок обучал, Ватановский. Помню, как внушил он Николаю: «Гляди сюда, на суппорт. Не крути головой по сторонам. Неучем останешься». И, подняв кверху желтый от табака и масла палец, говорил: «Токарь — первейшая профессия на заводе. Будешь хорошим токарем — всего достигнешь». Коля обрадовался весело: «И директором могу стать?» Федор смотрел на него внимательно: «А чего же, очень даже сможешь. Тебе никакие пути не закажешь».

— О чём задумался, Иван Иванович? — Чикирев трогает меня за руку.

...Вчерашние школьники, выпускники заводского профтехучилища, стояли на сцене под светом ламп, под пристальными добрыми взглядами своих наставников.

Их путь к рабочему мастерству куда проще, чем наш. При заводе есть профессионально-техническое училище, где готовят будущих стакнозаводчиков. И районный УПК — учебно-производственный комбинат, работающий на базе Станкозавода — дает старшеклассникам первые трудовые навыки. Ребя-

та приходят на завод, уже имея некоторый опыт, а здесь лучшие токари, фрезеровщики, наладчики станков обучают их работе быстрой, качественной. Сегодня они имеют все возможности и совершенствоваться в выбранной профессии и продолжать учебу. Школа мастеров, филиал техникума, вечернее отделение Станкостроительного института... В комитете комсомола я взял некоторые цифры: молодежи на заводе — более двух тысяч человек. Двести с лишним учатся в школе рабочей молодежи, около ста двадцати — в техникумах, сто с лишним — в институтах. Каждый второй имеет среднее специальное или высшее образование. Чертежи с каждым годом становятся сложнее, точность обработки повышается, конфигурации деталей все время усложняются. Помню, мы «ловили размер» по меловой отметке, а теперь и микрона на ручках ношиуса разбиты на сорные деления.

В рабочих коллективах растут будущие бригадиры, инженеры, начальники цехов, директора предприятий. Работал у Комарова отличный слесарь-сборщик Слава Зубов. Хваткий, с характером.

СТАНКИ ВЫСШЕГО КЛАССА СЛОЖНОСТИ, ОТМЕЧЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗНАКОМ КАЧЕСТВА, — ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СТАНКОСТРОЕНИЯ.

Сегодня — бригадир на сборке. И неплохой бригадир — его парни уже в счет одиннадцатой пятилетки работают. А еще один ученик Владимира Григорьевича — Володя Чернобровкин, работая в бригаде, окончил техникум, институт, теперь — заместитель директора одного из московских заводов.

Володя Чигиляев на завод пришел после ПТУ. Здесь его в оборот взял кадровый фрезеровщик Булычев: так сейчас Владимир фрезерный станок, как солдат карабин, с закрытыми глазами разобрать и собрать может. Учится в Станкостроительном институте, руководит бригадой имени XVIII съезда ВЛКСМ, член Московского горкома комсомола. Фрезеровщики Чигиляева выполнили пятилетнее задание за четыре года.

В труде ребята становятся зрелыми, кадровыми стакнозаводчиками. И как важно, чтобы в это время рядом с ними был умный, доброжелательный наставник.

Я нередко захожу в совет ветеранов. Вижу, что у «старой гвардии» работы хватает. Есть о чём рассказать молодежи, есть чему ее научить. И все же считаю, что сегодня в наставничество должны идти и молодые люди. Им куда легче найти с подростками общий язык — они и сами-то недавно были такими же, их тоже воспитал завод. А мы, старики, чего греха таить, бывает, и поворчим не к месту и не учить порой, а

поучать любым. И потом — глядит на нас подросток и думает: ну, конечно, когда мне столько же стукнет, и ко мне придут слова и почет. А если наставник его старше всего-то лет на семь, иное дело: тут уж на возраст кивать не приходится — понимает паренек, что и смолоду можно мастером стать. Тогда и почетом и уважением людским обойден не будешь.

Кажется, совсем недавно встал за шлифовальный станок Сергей Тимошенко. А сегодня двадцатичетырехлетний бригадир не только руководит комсомольско-молодежным коллективом, но и сам воспитывает ребят, учит их специальности.

...Такие вот пути открываются перед нынешними молодыми рабочими нашего завода. Ежегодно на Станкостроительный их приходит около ста пятидесяти. Не могу сказать, что все к высотам стремятся. Тут ведь желание большое иметь надо, волю сильную, чтобы в душе хороший рабочий азарт горел. А некоторые — по возрасту молодежь, а по характеру-то старики уже: место «потеплее», спокойнейшее ищут.

...Ах, как хочется верить, что среди

таких ребят, что тогда на сцене стояли, таких не было!

«Стахановское движение вышло из недр рабочего класса», — говорил все-союзный староста Михаил Иванович Калинин. В этих же самых «недрах» родилось и социалистическое соревнование — предвестник стахановских рекордов. Уже всей стране были известны имена Михаила Путина и Никиты Изотова. Стало ясно, что социалистическое соревнование — это не «бег наперегонки», а взаимопомощь, взаимовыручка. Научился сам хорошо работать, научи этому другого.

Но сперва все-таки нужно было научиться самому...

Я завел общую тетрадь и стал записывать в нее технологические процессы на детали, которые фрезеровал, последовательность подачи деталей на сборку. В эту же тетрадь я записывал изменения, которые вносили сам в технологический процесс. Получалась заметная разница: способы обработки деталей, которые применял я, позволяли повышать выработку. Причем стойкость фрез не понижалась, и мой станок работал нормально.

На заводе тем временем много говорили о почине Стаханова, о том, как нам поддержать этот почин. (Мог ли я тогда думать, что вскоре познакомлюсь с Алексеем Стахановым и подружусь с этим обаятельный светловолосым пар-

нем на всю жизнь.) Одни считали, что у нас это не пойдет: станки делать — не уголь копать. Другие держались иного мнения.

...Цех получил задание срочно изготавливать детали — запорные крышки. Мастер Поляков сказал мне:

— Поднатужься, поработай хоть три смены, но сделай в срок. Я примеривался и так и этак — выходило все одно: если следовать отработанной технологии, то никак не справиться с заданием. Решил фрезеровать одновременно две крышки двумя резцами. Скорость резания довел до 27 метров в минуту (по техпроцессу — 16), а подачу — до 34 миллиметров в минуту (по техпроцессу — 21).

Получилось!

Мастер с утра беспокойно спрашивал: «Много сделал?» Отвечаю: «Все!» В этот же день я был в кабинете у директора завода Захара Григорьевича Сушкина. Мы сидели рядом с партогром цеха Костей Зюзином, и, чего уж скрывать, оба побаивались: как отнесутся к рекорду. Все же, что ни говори, нарушил я самоволкою технологический процесс.

— Поздравляю, Гудов, — говорит тут секретарь парткома Черных, — на 410 процентов норму выполнил. Так-то, вот... И с улыбкой обратился к Кости: — Что ж ты, Зюзин, передовиков скрываешь? Это же первый стахановец в станкостроении!

Вслед за моим рекордом на Доске показателей запестрели фантастические цифры. Больше пяти норм дала Клава Круглушкина, шлифовщик Алексей Твердов выполнил норму на 600 процентов, а револьверщик Коля Волков выдал «на-гора» за одну смену восемь норм!

...Сегодня на Станкозаводе более двухсот рабочих уже справились с заданием десятой пятилетки, каждый второй заводчанин — ударник коммунистического труда. «Выполним задание 10-й пятилетки к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина!» — под таким девизом развернулось социалистическое соревнование на дважды орденосном станкостроительном заводе. Более двадцати бригад взяли такое обязательство. Инициатором этого рабочего движения стала комсомольско-молодежная бригада Комарова.

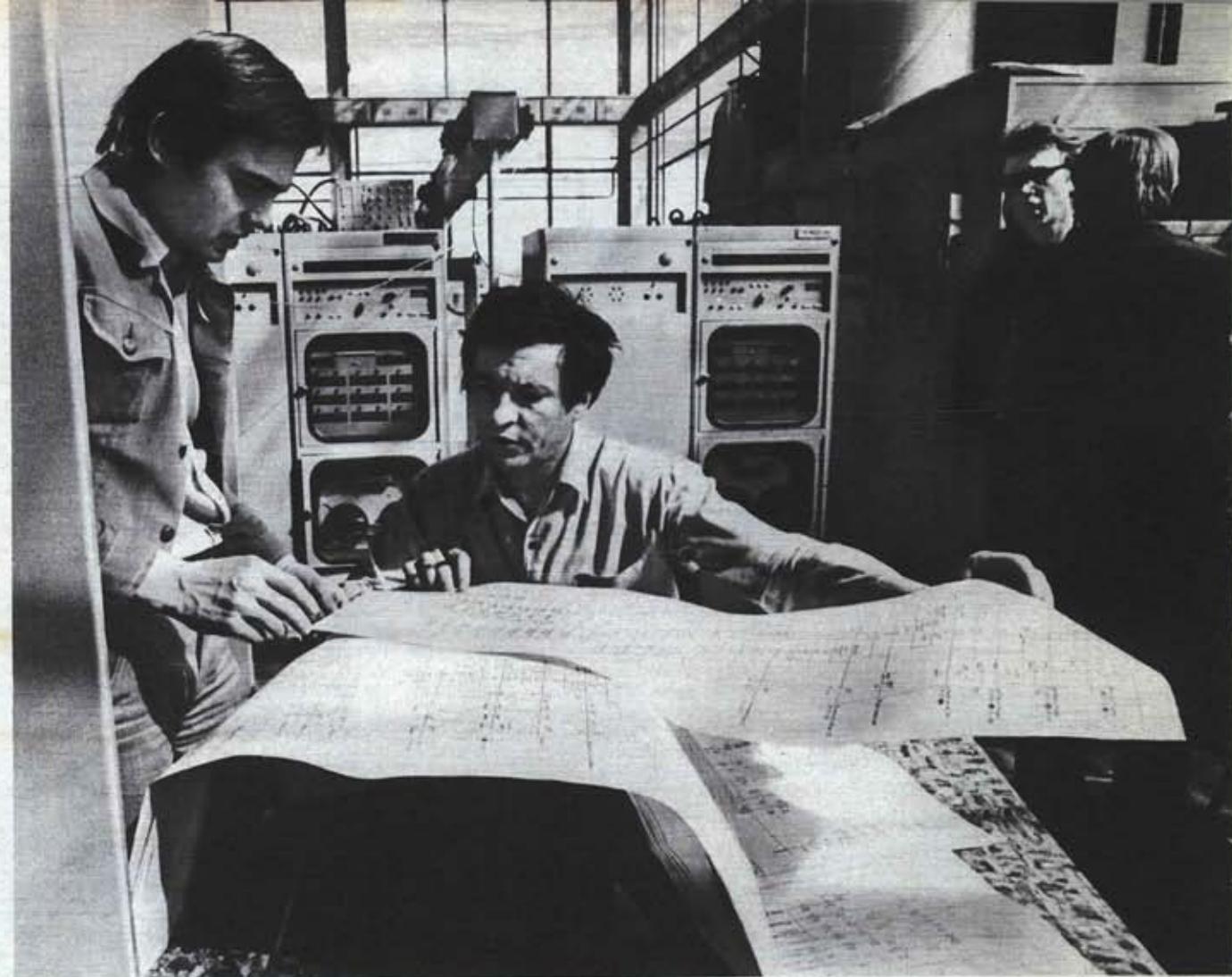
— Прежде чем бросить такой клич, мы подсчитали свои возможности, выверили каждый рабочий час. Видим, что сумеем. Даже залап есть. Бригада тогда уже подходила к рубежу новой пятилетки, — рассказывал Владимир Григорьевич. И с улыбкой добавил: — Молодежь сейчас широко шагает. С ней рядом и мы можем становиться.

В 1932 году наш завод выпустил всего тридцать шесть токарно-револьверных станков. Но уже в следующем — 466, а через год — 1031 станок отгрузили мы народному хозяйству страны.

В декабре 1935 года газета «Правда» писала: «Коллектив Станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе отказывается от 8 миллионов рублей новых капиталовложений, 80 станков и от строительства нового цеха, обязуясь выполнить пятилетку в 4 года».

За первое десятилетие завод освоил выпуск сорока восьми типоразмеров станков, увеличив объем производства почти в шесть раз. Таких темпов не знала еще мировая станкостроительная промышленность.

Осенью 1941-го завод эвакуировали на Урал. Здесь, у Андреевского оврага, остался лишь спеццех. От первых же бомбежек вылетели все стекла из окон — их заколотили фанерой. Отключили отопление, а холод был ту зиму страшный. Работали в пальто, ватниках, закутывались в одеяла. Но от станков не отходили по шестнадцати часов. Спали тут же, в цехе. Старики, женщины и подростки встали к станкам. Пацаны, девчонки не дотягивались порой до суппорта, им подставляли перевернутые патронные ящики. Цех делал затворы для ППШ, капсулевые взрыватели типа «КВ», минометы-лопаты.

А в далеком уральском городе Нижнем Тагиле наши товарищи выпускали знаменитые «тридцатьчетверки» — танки «Т-34».

В первые послевоенные годы завод восстанавливается, набирая мощь. Как раз в то время мы начинали делать токарные автоматы — первые в отечественном станкостроении. Чуть позже пошли агрегатные станки, автоматические линии. За освоение выпуска станков с ЧПУ заместитель главного конструктора завода Соколов и начальник КБ Мезиевский стали лауреатами Ленинской премии.

А Николай Сергеевич Чикирев в пятьдесят первом, когда еще работал токарем, прикрепил к своему пиджачному плацу медаль лауреата Государственной премии СССР. «За коренное усовершенствование методов работы на производстве...» — было отмечено в Постановлении.

Нынче на нашем заводе немало знатных людей. Ленинскую премию удостоены наладчик Ершов и начальник цеха Тверогоров, лауреаты Государственной премии СССР стали токарь Копьев и шлифовщик Лидовских. Орденом Ленина награждены наладчица Колтомова, инженер Хромова, начальник цеха Мещаник, расточник Вавилов... Каждый пятый заводчанин награжден орденом или медалью, каждая третья рабочая бригада — коллектив коммунистического труда.

...Сборка — сердце завода. Собственно, здесь и рождается станок. Но если быть точнее, то рождение его — путь долгий и весьма сложный. И начинается он с эскизов конструкторов, с десятков и сотен ватманских листов, на которых разработчики раскладывают будущий автомат на узлы и детали. Станкостроение — одна из самых трудоемких отраслей промышленности. Ведь для того, чтобы изготовить лишь один агрегатный станок (то есть станок, предназначенный для обработки какой-либо конкретной детали, а не для массового производства), нужно прежде всего изготовить специальную оснастку. Без нее не сделаешь ни одного узла для будущего станка. Изготовлением оснастки занимаются в нашем механическом цехе

самые квалифицированные станочники. Здесь зачастую необходима изобретательская жилка, филигранная точность.

Я иду по сборочному цеху, любуюсь новыми станками-красавцами. Вот один из последних — только вчера бригада Комарова отладила его. Шлифовальный, продольный. Стол для деталей — 12 метров, а сами детали могут быть весом до десяти тонн. Этот станок отправится на Чебоксарский завод промышленных тракторов. Станок великан, высотой около шести метров — вертикально-сверлильный, двадцатидвухшпиндельный, рядом — горизонтально-сверлильный, для обработки нестандартных станин...

А предположим, что деталь необходимо и фрезеровать, и сверлить, и резьбу на ней нарезать, и отшлифовать... Перетаскивать, перевозить ее со станка на станок — сколько сил и времени будет потеряно! Вот тут-то и приходят на выручку автоматические станоклины — одно- и многопоточные. В них,

СТАНОК — ПЛОД КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА. И ЕГО РАБОЧАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДИНАКОВА ЗАВИСИТ И ОТ ТАЛАНТА ИНЖЕНЕРОВ — КОНСТРУКТОРОВ И ОТ МАСТЕРСТВА РАБОЧИХ: СТАНОЧНИКОВ, СБОРЩИКОВ, НАЛАДЧИКОВ.

случается, входят до пятидесяти различных станков, а управляет всей линией один оператор.

Порой в цехе машиностроительного завода сегодня увидишь трех-четырех человек, не больше. Все автоматизировано, цех-автомат! Но сейчас и этим не удивишь. Знаю, что уже есть заводы-автоматы, а в будущем именно на такие заводы и рассчитывает наша промышленность. Экономия времени, материальных затрат и ресурсов, повышение качества получаемых изделий — всего этого мы добиваемся, создавая новые, усовершенствованные станки. Есть тут и еще один момент... Вам, вероятно, приходилось слышать такое выражение «морально устаревшее оборудование...». Это относится к станкам. Встречал я на заводах страны, когда по общественным и творческим делам бывал в других республиках, областях, и наши токарно-револьверные станки и легендарные ДИПы («догоним и перегоним»). Ничего, трудятся «старички», держат марку первых пятилеток! Но, конечно, работать на них, когда есть станки с программным управлением, станки-автоматы, обидно чисто по-человечески. Представьте себе, что современному исследователю вместо электронных устройств, ЭВМ, лазерного луча дадут обычный микроскоп, тестер, логарифмическую линейку.

добрьих, верных ДИПах, токарно-револьверных станках. Но иду по цехам, вижу день нынешний. Заглядываю в заводское конструкторское бюро — там в эскизах и чертежах просматривается уже завтрашний день станкостроения. И говорю себе: все правильно, Гудов, станки создаются людьми, а люди устремлены в будущее.

...Стоят линии, отлаженные, готовые для отправки на многие предприятия страны. Линии, которые нынче делают лишь на нашем заводе. Ежегодно — более сорока.

— Гудов? Что в блокнот заносишь, промахи наши? — меня останавливает в цеховом пролете Евгений Филиппович Соколов, заместитель главного конструктора завода.

— Что ты, Евгений Филиппович, с новыми станками знакомлюсь...

— Раз так, пойдем за мной. Поглядишь на моих «детишек» с ЧПУ...

Про станки с числовым программным управлением Соколов может рассказывать часами. И вправду, как не залюбоваться компактным автоустройством, которое и станком-то трудно назвать. Программа обработки той или иной детали составляется заводскими программистами в лаборатории станков с ЧПУ. На перфоленте, которая вводится в считающее устройство, закодированы все движения токаря, обрабатыва-

ющей плановой продукции более чем на два миллиона рублей. Задание прошлого года завершено досрочно. На КамАЗ и на Алтайский моторный завод станки отгружаются с опережением графика. Линии на этих заводах монтируют и отлаживают заводские ударные комсомольско-молодежные бригады.

Тут надобно отметить, что завод наш — «молодежный»: половине работающих нет и тридцати. Комсомольцы на Станкозаводе — застrelщики многих добрых трудовых начинаний. Это они выступили с почином «Наивысшая производительность — норма каждого дня». Нынче инициатива эта широко поддержана не только орджоникидзе-цами, но и по всей стране.

Я люблю встречаться с молодежью завода, заходить «на огонек» в комитет комсомола. Там всегда оживленно, людно. Ребята пристрастно, горячо обсуждают заводские, производственные дела. Говорят о них с глубоким пониманием сути дела — не пустопорожние разговоры, а точные наблюдения, широкие технические знания рождаются новыми трудовыми починами.

Бывает, что сверстники мои не прочь в своем кругу посудачить: мол, не та нынче молодежь пошла — вот в наше время!.. А я скажу так: и в наше время всякая молодежь была — рядом с ударниками работали перестраховщики, «предельщики» (кто пытался затормозить стахановское движение, боясь превысить допустимые пределы), а то и просто лодыри, притирающиеся к чарльстоном подошвы новомодных «шумми». И возле красной доски передовиков висела в нашем цехе доска черная, где красовались прогульщики и пустозвоны. Но и тогда и нынче не они определяли ритм времени, не по ним судили и судят о всей молодежи.

На ударные стройки, на БАМ и КамАЗ провожали мы ребят с заводской площади. И вместе с комсомольской путевкой вручалась им награда рабочего коллектива — высоко держать марку Станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. Нет, ни разу не подвели нас молодые станкозаводцы.

В бригадах и цехах с каждым днем ширится и крепнет движение «Пятилетка качества и эффективности — энтузиазм и творчество молодых». И вправду — опыт и знания ветеранов завода да рабочий азарт и творческая неуспокоенность комсомольцев — вот что помогает заводу уже не первый год завоевывать переходящее знамя отрасли, быть настоящим флагманом советского станкостроения.

Так, собственно, было и в наше время. Когда Петя Фукин, комсомольский секретарь механического цеха, «пришипил» свой токарный станок, втрое перекрыл нормы, рядом с ним был седой мастер участка Кости...

Станочник-станкостроитель находится на передовой линии технического перевооружения отечественной индустрии. В этом своеобразие и, если хотите, престижность его рабочей профессии. Создавая станки, мы, не побоюсь этого банального сравнения, вкладываем в них свои души. Станок — плод коллективного труда. И его рабочая характеристика одинаково зависит от гибкости, таланта конструкторской мысли и от мастерства, новаторства фрезеровщика, токаря, шлифовщика...

Но вот зашел я недавно в отдел кадров завода, поинтересовался: много ли станочников не хватает? Оказывается, десять процентов. Значит, пятьдесят станков каждый день простоявают в механическом цехе. А ведь заработка у токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков на нашем заводе довольно весомый. В бригаде у того же Чигилева ребята получают в месяц около трехсот рублей. У Сергея Тимошенко — не меньше двухсот двадцати. И — пятьдесят пустующих станков.

Чтобы стать квалифицированным токарем, фрезеровщиком, требуются годы. Но, к сожалению, не у всех хватает

терпения — торопятся выполнять сложные операции, минута простые. А станок торопливых не любит... И вот брак, первое разочарование. И уже кажется, что работа на станке — занятие зрячее, невыгодное. И уходит несостоявшийся станочник на такелажные работы, в слесари, на сборку...

Случается, к сожалению, и так. Станет парень отличным специалистом, фрезеровщиком — «ювелиром», микрона на глаз ловит. Вырос на заводе, любит свой завод, но подошла пора — дело-то житейское — жениться на думал. А жить где? Общежитие на заводе хоть и отменное, со всеми удобствами, но для холостяков. А молодоженам, увы, негде, как говорится, и голову приклонить.

Знаю, трудно пока с жильем на заводе. Да и не только на нашем. И все же считаю, что молодой семье надо в первую очередь идти навстречу. А то ведь мы сами свое богатство разбазариваем: покрутится парень, видит, что никого не заботит его положение, и уходит с завода. На стройку, на другое предприятие, где к его нуждам с большим вниманием отнесутся. И теряем мы классного фрезеровщика, и остается пустым еще один станок.

И еще вот в чем беда: плохо и мало пропагандируют у нас специальность станочника. Все больше налагаем мы на автомата, электронику, любим поговорить о рабочих в белых халатах, стоящих за сверхсовременными пультами. Но пока что станочник — одна из основных профессий в отечественной промышленности. Об этом не стоит забывать. А уже поговаривает молодежь, мол, токарь — непрестижная профессия. То ли дело радиомонтажник или наладчик электронной аппаратуры. Не спорю, важные, хорошие профессии. Но у истоков рождения любой машины стоят все-таки токари, фрезеровщики, расточники, шлифовщики... Короче говоря, станочники.

«Дело — вот оселок, на котором появилась истинная цена человека» — эти строчки из воспоминаний Леонида Ильича Брежнева «Возрождение» я дважды подчеркнул красным карандашом. Точное, глубокое наблюдение! Доводилось мне сталкиваться с людьми, которые лишь языком работать горазды, а в настоящем деле их и не видно — сразу скисают. Но больше было, конечно, иных знакомств. Знаю, слова «рабочая совесть» имеют конкретный, вполне определенный смысл. Для меня они означают: работай так, чтобы не стыдно было людям в глаза смотреть.

На предприятиях Болгарии и Румынии, Польши и Франции, Чехословакии и Японии, Венгрии и ФРГ работают станки с маркой Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени завода имени Серго Орджоникидзе. Мировая известность пришла к нашему заводу. Есть чем гордиться!

Немало лет минуло с тех пор, как ушел я со Станкостроительного. А вот по-прежнему пишу и говорю: «наш завод, наш цех, наши станки». Частица сердца осталась у меня на этом заводе. Он — моя молодость, моя первая любовь. Любовь на всю жизнь. Здесь я стал рабочим человеком, здесь меня приняли в партию. И когда сверстники порой спрашивают меня, откуда я, отвечаю: со Станкозавода.

...Снег мягкими хлопьями покрывает заводской двор. Заканчивается первая смена. Степенно, не спеша шагают ветераны труда, веселой гурьбой идет к проходной молодежь.

— Иван Иванович! Поздравьте нас! — Ко мне спешат ребята из сборочного, с которыми я познакомился несколько дней назад. Тогда они отлаживали уникальный станок.

— Что, закончили наладку?

— На месяц раньше срока!

А один из них, рыжий, веснушчатый парень лет двадцати, улыбаясь, сказал:

— Будет он теперь где-нибудь во Франции или Японии щелкать детальки. С гарантией. Знай наших!..

Станочный парк отечественной промышленности сегодня стремительно обновляется. А новейшие станки невозможно сделать на станках позавчерашних. И в цехе станкозавода всего за какие-то десять — пятнадцать лет пришли более умные, быстрые, тонкие механизмы.

И здесь сталкиваешься с парадоксальной на первый взгляд закономерностью: чем сложнее, уникальнее станок, тем короче его «трудовая жизнь». Возьмем, к примеру, наши агрегатные станки. Каждый сделан по специальному заказу, а век их недолг. Сошла деталь, которую они обрабатывают, с серийного производства — и станок уже не нужен. Он идет на переплавку. Обидно? Конечно! Но с экономической точки зрения его выгоднее пустить в мартеновскую печь, чем переоборудовать, переналаживать для обработки иной детали, короче — «переучивать». Он был необходим заводу лишь в определенный момент, когда без него попросту не могла родиться другая мощная, современная, высокопроизводительная машина.

Оглядываюсь назад, грущу чуть-чуть о

ющего данную деталь по определенной технологической карте. И сам станок воспроизводит автоматически эти движения. Резец подается к врачающейся детали — и тонкая синеватая стружка металла мягко скользит вниз...

Мы решили и токарные станки с ЧПУ, те, что обрабатывают средние и тяжелые детали, свести в автоматическую линию, — говорит мне Соколов. — Знаешь, вроде бы получается. Первая линия станков с программным управлением! И снова здесь, на нашем заводе.

Около двухсот станков с ЧПУ выпускает завод ежегодно. Все они — высшего класса сложности, все отмечены Знаком качества. Их охотно покупают иностранные фирмы. Знают: советские станки надежны в работе. Ну, а управляет ими совсем просто: нажал кнопку, а остальное все сам станок сделает...

В документах XXV съезда КПСС сказано: «...значительно увеличить выпуск специальных станков и автоматических линий...» Выполняя этот наказ партии, завод к концу пятилетки выпустит

Геннадий БОЧАРОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Pеактивный бомбардировщик «ИЛ-28» возвращался на базу из района учений. Был вечер, быстро темнело. Отклонение от маршрута увеличило время полета.

— Горючее на пределе,—сказал летчик.—Где база?

— Я заканчиваю расчет,—ответил штурман.—Почти закончил.

Летчик посмотрел на приборы и выругался: горючее, по существу, кончилось.

— Надо искать площадку, будем садиться,—распорядился он.

Внизу плыли осенние леса, и низкое солнце освещало верхушки деревьев. Самолет шел на северо-запад. Летчику были видны свет вечера и мгла ночи.

Высота падала.

Впереди показалась полоса земли, свободная от леса. На открытом поле лежал первый снег, справа загорались огни деревни.

Летчик проговорил:

— Здесь.

— Я вижу овраги,—сказал штурман.

— Мы их проскочим,—сказал летчик и крепче сжал штурвал.

Бомбардировщик с убранными шасси ударился о землю и заскользил по грязи, смешанной с ранним снегом. В момент удара вылетел пlexiglas кабины. Холодный ветер ноября ослепил летчика. Самолет потерял скорость и остановился. Наступила тишина.

Он вернулся из штаба и связался с инженером Сурововым.

— Собирайся в дорогу,—сказал он.—Нас ждут.

— Далеко?

— Неблизко,—сказал Сухов и назвал район посадки бомбардировщика.

— Налегке?

— Да. Нужна только голова,—сердечно сказал Сухов.

Они собрались быстро, по-военному, и через пять минут после загрузки ускорителей их легкомоторный самолет уже находился на пути к «ИЛ-28». Сильная дымка затрудняла поиск бомбардировщика, но когда он был обнаружен, они без труда приземлились за окопицей деревни. У беспомощного «ИЛа» уже работали техники из части, которой он принадлежал.

Сухов и Суровов осмотрели самолет. Техники подняли его на шасси, двое возились с листами тонкой жести, пристраивая их вместо выбитого при посадке пlexiglasа.

— Что с двигателями?—спросил Сухов.

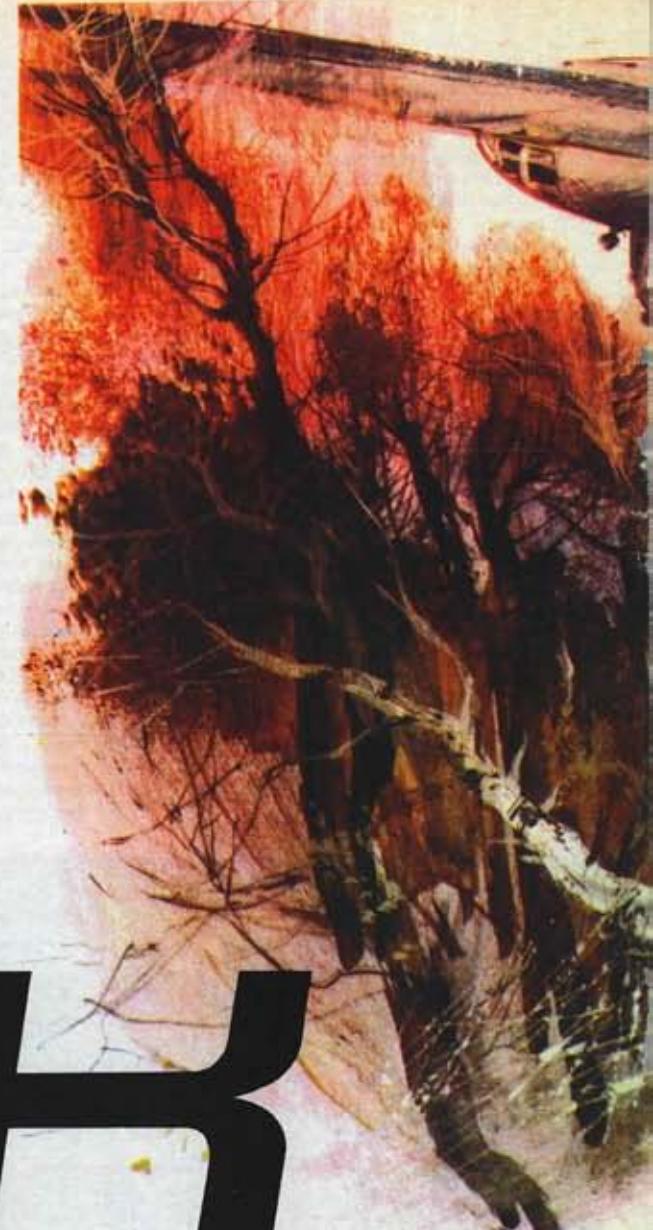
— Заканчиваем осмотр,—ответил механик.—Это вы собираетесь взлетать?

— Да,—сказал Сухов.—Пока только собираюсь.

— Ясно,—с тревогой проговорил механик.—Закончим осмотр и тут же прогоним двигатели. По-моему, они в порядке.

Летчик и инженер направились к оврагу. Они измерили расстояние между бомбардировщиком и линией обрыва — 300 метров. По существу, предел. Но и такого расстояния для взлета машины с ускорителями, с бетонной полосы, Сухову хватило бы. Однако расстояние — это еще не полоса. Ее-то не было. Вместо бетонки была вязкая грязь, перемешанная с серым осенним снегом, кочки, ямки из-под вырытой картошки. И ни одного ровного метра.

— Что скажет ведущий инженер?—спросил Сухов.

РУСЬ

К месту вынужденной посадки бежали деревенские мальчишки.

— Хорошо сели,—услышал летчик слова штурмана,—живы.

Экипаж покинул кабину. После осмотра бомбардировщика убедились — сели действительно хорошо, ни одного серьезного повреждения.

— Ну, а дальше?—подумал летчик.—Что дальше? Самолет цел, но его, считай, нет. Новенький реактивный бомбардировщик в ловушке: впереди, прямо по курсу, глубокий овраг. Справа — лес, слева — лес и болото.

«Бомбардировщик обречен,—заключил летчик.—Его можно вывезти отсюда только по частям».

— Где у вас сельсовет?—спросил он у ребят.—Нам нужно позвонить.

Связь установили, командир распорядился:

— Возвращайтесь на аэродром. С самолетом будем решать.

Так возникла проблема реактивного бомбардировщика «ИЛ-28».

Через два дня в одной из воинских частей, далекой от места происшествия, к командиру был вызван летчик Сухов.

— Юрий Владимирович,—сказал командир,—задание необычное. Исключительное.

— Слушаю,—сказал Сухов, привыкший к необычным заданиям.

— В болотистой местности совершил вынужденную посадку «ИЛ-28». Дорог там нет. Эвакуировать машину обычным путем невозможно. Есть пожелание послать на место посадки тебя.

— Ясно,—сказал Сухов.—Когда вылетать?

— Бери ведущего инженера,—ответил командир,—и вылетайте сегодня. На месте изучите обстановку и примите решение.

— Хорошо,—сказал Сухов.—Мы подумаем об усилителях.

— Вот именно,—поднялся командир,—об этом и идет речь.

Они простились.

Сухову не нужно было размышлять над вопросом, почему его кандидатура была выбрана для спасения застрявшего бомбардировщика: им проводилась серия специальных испытаний с использованием усилителей при взлете.

— Ничего конкретного,—ответил Суровов.—Надо считать.

— Верен себе,—подумал Сухов.—И прав.

Летчик и инженер знакомы давно. Им не нужно тратить время на то, чтобы узнать цену слов друг друга.

— Считай,—сказал Сухов,—а я буду думать.

Инженер вернулся к самолету, летчик остался на краю обрыва. Внизу, по глубокому дну оврага, протекал узкий ручей, прикрытый тонкой слоедой льда. Справа и слева росли корявые кустарники, впереди виднелся лес. Сухов поплотнее застегнул летнюю куртку и прошелся вдоль оврага.

Тучи поднялись высоко, дымка рассеялась, обещая заморозок. Над лесом неожиданно появились поздние журавли. Они летели прямо на Сухова, но в этот момент механики запустили один из двигателей бомбардировщика, и его рев поколебал строгий журавлинный клин, они разбились на два клина, а потом один затупился, и журавли пошли широкой дугой. Высокий дымный луч солнца пробил облака и изменил освещение всего пространства.

Сухов зашагал к самолету.

Он шел и снова считал свои шаги. Все точно: триста шагов. Ни на один больше. Никогда еще один метр земли, один только шаг не значили в его летной практике так много, как теперь. Ему предстоит покрыть это расстояние за несколько секунд. Он прислушался к ровному мощному реву турбин и поиском глазами ведущего инженера. Суровов сидел на деревянном ящике и вел расчет необычного взлета. Сухов подошел поближе, хотел сказать: «Только что видел журавлей, а ты?», но передумал и, дождавшись, когда отревут двигатели, спросил:

— Сколько метров из трехсот мои?

— Двести восемьдесят,—ответил инженер.—До обрыва останется двадцать.

— Около секунды?

— Меньше.

— Давай обозначим точку отрыва. Ты ее определил?

Они снова направились к оврагу. Сухов думал о поле, по которому шел и которое стало теперь его полосой. Он никогда не взлетал с такой «полосой». Во время войны он, конечно, сполна познал полевые аэродромы с их пылью, грязью и ухабами. Но одно дело поднимать в воздух самолеты военного времени и совсем другое — современную реактивную машину.

«Весь этот огород,—размышлял Сухов,—придется разровнять. Хотя бы кочки отбросить с курса, засыпать картофельные лунки... Бетонки, конечно, не получится, но если немного подморозит, мне будет легче».

Инженер внезапно остановился, поднял воротник плаща, сказал:

— Вот здесь.

Сухов остановился тоже, оглянулся назад. Эти двести восемьдесят метров земли, кочек и грязи были его единственной опорой, лучшей не было.

— Здесь надо развить скорость 220 километров в час,—сказал инженер.—Здесь надо оторваться.

Сухов взглянул на близкий овраг, до которого оставалось двадцать метров, спросил:

— А место включения ускорителей?

Суровов поежился от холодного ветра, повернулся спиной к оврагу и шагнул в сторону бомбардировщика: «Пошли покажу».

— Включишь здесь. Место обозначим флагом. «Полосу» — тоже. Суровов вдавил салог в густую грязь и повторил: «Место включения ускорителей».

«В моем деле все начинается просто,—подумал Сухов.—Начинается с расчета. Затем втягиваешься в очередную ситуацию, чаще всего проблемную, и проходишь через все ее стадии. Наконец, подходишь к последней, самой трудной, реальной, как эти грязь, снег и овраг.

Понимаешь — пути назад нет. Понимаешь, что ты, именно ты, а не кто-то другой должен довести все до конца. Все то, что началось с расчета или удачной идеи — бывает, что и твоей собственной...»

— Значит, ты решил, что взлет реален?

— Я решил выполнить расчеты,—ответил инженер.—Но я убежден, что ты это решил давно.

Сухов не сомневался ни в одном из положений расчета Суровова. Он знал: каждая цифра, каждый вывод точны, однозначны, надежны. Сухову предстоял труднейший взлет, взлет уникальный, которого еще не осуществляли ни один летчик страны. Даже сама идея подъема реактивного бомбардировщика из болотистой местности, с предельно ограниченным расстоянием пробега, была необычной и обещала в случае удачи широкое применение. Именно поэтому Сухова интересовали не только две конечные цифры на трудном пути в небо, но и процесс получения этих цифр, их поиск.

Они сверили основные расчетные данные: взлет-

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

ный вес с учетом горючего, необходимого для перелета на ближайший аэродром (40 километров), длину и качество «полосы», мощность ускорителей и так далее.

Все получалось на пределе.

Сухов посмотрел на близкий опавший лес, сказал:

— Решено. Буду взлетать.

— Значит, приступаем к разметке полосы, — сказал инженер.

В этот момент к летчику подошли техники, и старший доложил:

— Все системы проверены. Отклонений нет.

— Хорошо, — кивнул Сухов. — Ускорители в нашем самолете. Доставьте их к бомбардировщику и прикрепите к плоскостям.

Здесь я прерываю рассказ о действиях летчика, чтобы привести выдержку из стенограммы своего разговора с генерал-лейтенантом авиации, дважды Героем Советского Союза Г. Т. Береговым. Тема этого разговора была связана, в частности, и с действиями летчика-испытателя Сухова.

— Риск, Георгий Тимофеевич, по-видимому, никогда не исчезнет из жизни человека. В каждом нашем поступке, и уж тем более связанном с критическими усилиями противоборством, риск присутствует непременно. Вместе с тем совершенно очевидно, что на долю одних людей его отпущено, как говорится, сверх всякой меры, а другие так никогда и не узнают его истинного вкуса, разве что в самой легкой концентрации. Вам приходилось рисковать по-настоящему? Как вы вообще относитесь к этому понятию — риск?

— Понятие это однозначное лишь на первый взгляд. Я думаю, что в нем заключено немало положительных моментов. Но я бы не стал принимать саму готовность рисковать как безусловную доблесть. Мне кажется, надо говорить о риске оправданном и риске неоправданном, на который человек идет ради незначительных, проходных целей...

— Меняется ли, на ваш взгляд, понятие риска с течением времени — риск вчера, сегодня, завтра?

— Я думаю, что меняются прежде всего обстоятельства, в которых человек рискует. Но суть риска неизменна. Конечно, всегда была и будет разная мера риска — крайняя и «житейская», что ли, то есть когда человек рискует не жизнью или здоровьем, а, например, репутацией, доверием, положением среди людей... В этом

случае, я думаю, риск крепчайше увязан с нравственным, моральным состоянием человека... Риск поступка может, конечно, поставить человека на грани нравственной катастрофы или, наоборот, вернуть ему при удаче утраченные позиции. Однако и здесь, на мой взгляд, суть риска, как порыва, как определенного действия, не меняется. Риск приносит результат. А вот какой — это зависит от точек зрения и опять же от нравственного состояния человека.

— Какая постановка вопроса «о риске» представляет вам сегодня наиболее важной, наиболее моральной?

— Риск и долг.

— Почему?

— Потому что это одинаково важно всегда.

— И никаких поправок на время?

— Нет. Разве что небольшое, конкретное усиление: сегодня молодым летчикам, летчикам-испытателям, Родина доверяет самую дорогостоящую технику. Самые совершенные творения советских ученых и рабочих, всего народа. Высшая степень ответственности возлагается на тех, кому предстоит первым испытывать возможности новейшей техники конца XX века и возможности самого человека. Высшая ответственность — это и есть то, что способно постоянно напоминать человеку о чувстве долга и риске, необходимом часто для выполнения этого долга...

— Да, риск, вероятно, никогда не исчезнет из жизни людей. На пути к любой общественно значимой цели риск был и останется всегда. Но что человек может противопоставить такому положению вещей в природе?

— Сегодня, кроме известных моральных качеств, человек может и должен, на мой взгляд, опираться на свое знание, свое умение, свое мастерство. Человек, имеющий дело со сложной техникой, порой вынужден идти на осознанный риск. Можно, конечно, при этом говорить о разных слагаемых его решимости, но одним из главных будет все же это — уверенность человека в своем мастерстве, его профессионализме. Истинный риск опирается на опыт, на знания. Такой риск и приносит самые волнующие победы. Такой риск и делает человека счастливым. И летчика-испытателя и любого другого человека — и молодого и зрелого, преодолевающего трудное и новое, а часто почти непосильное.

...Инженеру летчик Сухов сказал:

— Я иду в деревню. Нужен бульдозер. Пусть проуются грязь, сорвяют хоть немнога.

Решить вопрос о бульдозере, о любой помощи было нетрудно: вся деревня жила проблемой бомбардировщика. Старожилам ситуация напомнила о годах войны, молодежь была взволнована близостью реактивной техники.

К вечеру работы были закончены. Все было готово: самолет, «полоса», разметка.

Пока техник и инженер устраивались на ночлег, Сухов связался со штабом военного округа. Он попросил соединить его с командующим авиацией округа, которому принадлежал бомбардировщик. Связисты решились на это не сразу: летчика Сухова они не знали, а деревня, из которой Сухов звонил командующему, вызывала недоумение.

Встреча на линии все же произошла, и когда Сухов назвал командующему свое имя, ему не пришлось дополнительно объяснять, кто он такой и по какому поводу беспокоит. Командующий прекрасно знал заслуженного летчика-испытателя СССР Сухова и прекрасно знал, почему Сухов находится в крохотной, затерянной среди лесов и болот деревне.

— Какие новости? — спросил командующий. — Решение приняли?

— Да, — ответил Сухов. — Решение принято. Буду взлетать с ускорителями.

— Расчет точен?

— Расчет произведен трижды, — ответил Сухов. — Никаких расхождений.

— С решением вашим согласен, — проговорил командующий, и Сухов кивнул головой, будто его реакцию могли видеть.

— Хочу взлетать на рассвете, — сказал он. — До восхода солнца, пока не растает.

— Слякоть сильная? — спросил командующий.

— Сильная, но подмораживает.

— Хорошо, — сказал командующий. — Все одобряю. Но... — Сухов услышал на линии треск, постучал по мембране и с трудом разобрал слова, сказанные командующим после паузы: — Без меня не взлетайте. На рассвете буду у вас.

Вечер был ясный и тихий. Сухов вышел из сельсовета, прошелся вдоль улицы. У колодца он развернулся, не спеша пошел к последним домам деревни, за окопицу, где стоял бомбардировщик. О самолете он не думал, но шел к нему, как идут на звук или на свет задумавшиеся люди. Все вокруг готовилось к зимнему сну и к отдыху: и леса, и сады, и убранные огороды. Интересно, думал Сухов, к зиме и лету люди привыкают легко, а вот к весне и осени привыкнуть не удается. Пусть хоть однажды, но посетит сердце человека весной внезапная радость и удивление — без причины. Или придет в сердце неясная, сильная печаль осенью — и тоже без причины. Хотя разве цветущая вишня — не причина? А опавшие за ночь сады — не причина?

Он остановился у самолета, услышал крик неизвестной птицы. Над лесом светилась узкая планка заката. Чистый, холодный воздух с запахом подмерзших листьев показался знакомым, как давняя тихая мелодия, которая обладала странным свойством: она никогда не вспоминалась по желанию, но, услышанная случайно, помогала вспомнить самые тонкие и забытые ощущения, пережитые человеком в далеком прошлом.

«Мы ходили с Верой по краю аэродрома, — вспомнил внезапно Сухов, — и все было таким же, как теперь: и голый лес, и холодный воздух, и самолет возле близкой деревни. О чём мы тогда говорили? О самолете! Он нас всегда выручал — наш самолет. Мы говорили о самолете, а думали друг о друге. Но самолет никогда не стоял между нами, — подумал Сухов. — Я был его пилотом, а Вера была его механиком. Он объединял нас».

Сухов побрал по курсу завтрашнего взлета. «А сейчас? Сейчас все иначе. Теперь она моя жена. Самолета теперь у нее нет, и меня она видит не часто. Но самолет и теперь не стоит между нами». Сухов глубоко вдохнул холодный воздух с запахом подмерзших листьев, с печалью и нежностью подумал о жене, как думал всегда в такие тихие, ясные минуты одиночества, а подумав, признал, что повезло ему вообще-то невероятно, ибо жена приняла и разделила пожизненную его увлеченность самолетами и ремеслом летчика, летчика-испытателя.

Сухов незаметно дошел до обрыва. «В молодости не боялся над этими проблемами, — подумал он. — В молодости просто любишь, не размышляешь: примет любимая женщина твоё дело в будущем, поймет его или лишь смирится с ним. Строго по-научному это, конечно, неверно: думать об этом нужно. Но по-житейскому это так: не думают».

Он вернулся в деревню. Стемнело, под ногами хрестел тонкий лед. Где-то близко, в двух-трех домах от него, пели песню. Дом, в котором он должен был ночевать, стоял недалеко от окопицы. Он открыл калитку, прошел во двор и прочистил у крыльца саюги. Как он отыскал от этого? Он еще раз вернулся к калитке, открыл ее и закрыл снова и обрадовался, что его никто не видит.

В комнате, отведенной инженеру Суровому и ему,

было темно. Но инженер не спал. Инженер думал о завтрашнем взлете. Ему, как и Сухову, были известны четыре варианта взлета.

Первый: самолет набирает возможную скорость, ускорители срабатывают исправно, скорость мгновенно возрастает, и Сухов отрывается самолет от земли.

Второй: самолет набирает возможную скорость, летчик включает ускорители, но ускорители срабатывают несинхронно — мгновенная катастрофа.

Третий: самолет набирает возможную скорость, но один из ускорителей не срабатывает вообще — мгновенная катастрофа.

Четвертый: самолет набирает возможную скорость, оба ускорителя не срабатывают, скорость двигателей не достает 220 км/час — самолет врезается в овраг.

Сухов разделялся, лег, услышал голос инженера:

— Наверное, был в гостях?

Сухов хотел ответить: «Был, да не в гостях. Был за окопицей. Слушал на улице песню, потом подумал о жене, вспомнил, как когда-то полюбил ее, механика, — самого нежного из всех авиационных механиков, и как ходили с ней, молодые, почти дети, но уже обожженные войной, по краю аэродрома, рядом с такой же деревней и дышали запахом подмерзших листьев, а сегодня опять услышал этот запах и понял, что любит жену по-прежнему, прежней любовью, а не какой-то другой, утомленной долгими годами жизни...» Сухов хотел так ответить, но сказал с ровной уверенностью:

— К утру хорошо подмерзнет. — Не удержался, добавил: — Лужки хрустят, как стеклянные.

Звук низко летящего самолета разбудил его и инженера одновременно.

— Самолет командующего! — сказал Сухов. — Подъем.

Они встретились за окопицей, и командующий тут же направился к бомбардировщику. Техники доложили о готовности самолета.

Командующий осмотрел «ИЛ», обошел его со всех сторон, сказал Сухову:

— Пошли на «полосу». Испробуем вначале ногами. Они дошли до границы оврага, возвратились к флагу отрыва, затем направились к флагу включения ускорителей.

— Здесь я нажму кнопку, — сказал Сухов.

— Хорошо, — проговорил командующий. — Сколько останется до отрыва? Около двадцати двух метров?

— Ровно двадцать, — ответил Сухов.

— Как раз чтобы подняться над кустами, — сказал инженер.

— А там и деревья рядом, — кивнул командующий на лес.

— Над ними я уже буду высоко, — сказал Сухов. — Два метра минимум.

— По рассчитанному мною углу подъема, — сказал инженер, — над опушкой леса он пройдет на двух метрах ровно.

Командующий взглянул на инженера, потом на Сухова, с улыбкой проговорил:

— Работаете синхронно. Как ускорители.

— Дай бог, — мелькнуло у инженера.

— Ладно, — проговорил командующий. — Готовьте взлет, Юрий Владимирович. Желаю удачи.

Они пожали друг другу руки и шагнули в разные стороны.

Сухов направился к бомбардировщику, командующий — к флагу отрыва от земли. Над лесом и деревней разгоралась рассвет, небо было ровного летческого цвета.

С этой секунды весь его мир уже вращался вокруг самолета, к которому он сделал шаг. Но этого бомбардировщика не будет среди тех машин, которые он испытывал в последние годы. Машин, вокруг которых так часто вращался его мир. И он об этом пожалел: ведь то, что ему предстоит сейчас, — тоже испытание.

Недавно, вернувшись из полета домой в день своего рождения, он обнаружил поразительную коллекцию — подарок жены. На стенах квартиры он увидел фотографии всех «своих» самолетов, которые ему доводилось испытывать. В металлических рамках, под стеклом, собранные в одном месте, оказавшиеся рядом, они произвели на него глубочайшее впечатление. Он ходил вдоль стены и взволнованно говорил: «На этом горел, на этом еле дотянулся до полосы, на этом долго не удавались фигуры...» Но, обнаружив рядом притихшую жену и двух своих внимательных сыновей, избранных в своей жизни его путь, он опомнился и стал говорить совершенно противоположное: этот надежен, как «АН-2», этот пошел с первых полетов, а это вообще великая машина... Жена прислонилась к его плечу, счастливая его счастьем и, засмеявшись, как в молодости, легко и ясно, когда удавалось его обрадовать, также неожиданно проговорила:

— Мы желаем тебе только великих машин!

Сухов проверил крепление ускорителей, поговорил с механиком, сказал два слова штурману.

Командующий стоял у флагка отрыва и издалека наблюдал за приготовлениями Сухова. «Отличный летчик, — думал командующий, — летчик высшей пробы». Он знал, как много сделано Суховым в военной авиации. Он знал: Суховыми проведены не только сложнейшие испытания взлетов с ускорителями. Когда развитие стратегической авиации стало упираться в проблемы, связанные с дозаправкой самолетов в полете, было найдено решение, известное сегодня военной авиации всего мира: заправку машин стали производить в воздухе, без посадки. И летчику Сухову предстояло выполнить основные испытания, связанные с этим нововведением в отечественных BBC. Он осуществил первые контакты бомбардировщиков с воздушными заправщиками. Это было его главным делом. Но и взлеты с ускорителями тоже были его главным делом. Он знал: в авиации нет мелочей, нет второстепенных дел...

Здесь я снова прерываю рассказ о действиях летчика. Когда я обратился к коллегам Сухова с просьбой сказать о нем основное, что можно сказать о человеке, были получены такие ответы. Заслуженный летчик-испытатель СССР С. Г. Дедух: «Любое сложное и простое дело, порученное Сухову, будет тщательно выполнено. Но тщательность — лишь одна черта, в которой абсолютно уверены все, кто с ним работает. Любое дело выполняется им творчески. Главной чертой Сухова я считаю его профессиональную общительность. Любые летные находки, которые гарантируют успех, он готов передать всем, кто ими интересуется. Многие летчики очень дорожат дружбой с Суховым».

Бывший заместитель главного конструктора по летным испытаниям, ведущий инженер-испытатель сверхзвукового пассажирского самолета «ТУ-144» В. Н. Бендеров, трагически погибший во время демонстрационного полета над парижским аэродромом Ля-Бурже, сказал мне о Сухове незадолго до катастрофы следующее: «Я знаю Сухова много лет. Это один из самых опытных летчиков. Мне известно также, как много учеников он воспитал. Преданность Сухова своей профессии заключается не только в безграничной отдаче сил любимому делу. Делу можно отдать всего себя без остатка, а уйдешь ты — и твое дело закончится. Сухов думает о времени, когда его дело перейдет в руки других. Он заинтересован в том, чтобы эти руки были еще надежнее и еще опытнее. Вот почему он считает наставничество важнейшей своей обязанностью... Сухов — воинский летчик в самом широком смысле слова. Он точен, смел, надежен. Его дела и успехи известны — он награжден многими орденами Родины. Но его человеческие качества известны только тем, кто с ним встречается, дружит. Могу еще сказать: Юрий Владимирович — интересный человек. Он не ограничивает свою жизнь рамками кабин самолета. Сухов влюблен в природу. Он увлекается кино- и фотоделом. Много путешествует. Вся его душа видна, когда он берет гитару и поет свои любимые песни у костра...»

...Сухов сел в кабину бомбардировщика, пристегнулся ремнем, положил ладони на штурвал и отсек мысли о прошлом, настоящем и будущем. Он отключился от воспоминаний, ощущений, забыл о мелких и великих делах. Он остался один на один со штурвалом, приборами и красной кнопкой включения ускорителей.

Он запустил двигатели и проверил все системы. Самолет дрогнул и с ревом тронулся вперед. Через несколько секунд вся сила Сухова понадобилась ему для того, чтобы с помощью руля поворота удержать нужное направление разгоняющейся машины.

Он прошел первые сто метров, осталось две тысячи, прошел пятьдесят, осталось сто пятьдесят, овраг приближался с огромной скоростью, но он спокойно выжимал из турбин всю их мощь, приближая барьер. И когда самолет поровнялся с флагком ускорителей, он уверенно и точно нажал красную широкую кнопку и ощутил сильный толчок, привычный грохот, в котором утонул даже рев турбин, и почувствовал мощь урагана, которой так не хватало его семнадцатилетнему самолету.

Скорость резко увеличилась, а длина полосы уменьшилась, и этот естественный физический процесс, ведущий к победе или гибели, продолжался все оставшиеся мгновения. Земля и небо поменялись местами. Небо стало надежней земли. Сухов почувствовал огненную жизнь двигателей и горящих ускорителей и обнаружил, что не в силах найти тысячу доли секунды, чтобы перевести взгляд с летящей на встречу черты оврага на стрелку скорости, и тут же услышал спокойный голос штурмана: «Скорость отрыва». Он потянул штурвал на себя, и нос самолета накрал овраг и с прекрасной, устойчивой силой стрелы пошел вверх, в утреннее небо, словно понимая, что его выручили и все худшее теперь позади.

С земли еще долго видели бомбардировщик и наблюдали за ним, пока была возможность. Потом грохот осел на поля, и прозрачный лес, и сам самолет вскоре стал невидимым, как дневная звезда.

Итак, мы повторяем конкурс эрудитов. В течение последних недель почта привнесла — и продолжает привносить — много интересных вопросов. Правильно отметить, что читатели отнеслись к предложению редакции с большой заинтересованностью, проявив при этом широчайшую эрудицию.

Редакция благодарит всех, кто откликнулся на нашу идею. Наиболее интересные, по мнению жюри, вопросы послужили материалом для составления I тура. Ответьте на предлагаемые вопросы. Претендовать на победу могут те, кто наиболее точно и полно ответит на пять любых — на выбор — вопросов из двадцати. Разумеется, преимущество получит тот, кто ответит на шесть или большее количество вопросов. Победители определяются в конце каждого тура. Призы — книги и альбомы.

Конкурс будет проведен в несколько туров в течение года. Все читатели, в том числе и победители предыдущих туров, могут принять участие во всех последующих.

Напоминаем, что авторами конкурса являются вы сами, дорогие читатели. Поэтому мы по-прежнему ждем от вас интересных, содержательных вопросов. Не забудьте к вопросам написать ответы со ссылкой на первоисточники. Срок отправки ответов на I тур и вопросов на II тур — 25 февраля (по почтовому штемпелю).

I ТУР

1. Какой цветок — самый крупный?

С. ЛЕОНИДОВ,
Евпатория

2. Когда и кому в России были введены ордена? Когда был учрежден боевой орден Св. Георгия и кто был полным кавалером этой награды?

Н. СЫЧЕВ,
г. Аркалык, Казахская ССР

3. Что означает выражение «Сжечь за собой мосты»? Расскажите кратко о том, при каком историческом событии появилось данное выражение.

4. Над проектом памятника, посвященного Куликовской битве, в разное время работали известные архитекторы и скульпторы. Кого из них вы знаете, какие работы принесли им мировую известность?

5. Сколько лет велосипеду, кто его изобретатель?

С. КАЛУГИН,
г. Дзержинск, Донецкая обл.

6. Какой химический элемент назван в честь Парижа?

7. Где и когда создан в Африке первый, ныне действующий университет?

В. ГАГИН,
Скадовск, Херсонская обл.

8. В прошлом году наше киноискусство отметило 60-летие. Ка-

Миниатюра

кие фильмы были первыми: звуковой, цветной, стереоскопический, широкоэкранный, широкоматрый? Укажите год выпуска и название.

Н. ДМИТРИЕВ,
Воронеж

9. Являлась ли царь-пушка боевым орудием? Когда она была отлита и каким мастером?

С. ФЕДОРОВ,
г. Свердловск

10. Когда и кто из русских спортсменов совершил кругосветное путешествие на велосипеде?

В. КИСЛИНСКИЙ,
г. Киев

11. Сколько лет могут пролежать семена в земле, не теряя всхожести?

12. Почему рыбы в стае действуют, как связанные?

С. КОЗЛОВСКАЯ,
г. Жлобин, Гомельская обл.

13. Первой песней, сошедшей с экрана и обретшей самостоятельную жизнь, была «Песня о Встречном» композитора Шостаковича. А кто автор ее слов?

Ю. СТУДЕНЦОВ,
г. Ленинград

14. Какая птица иногда кормит своих птенцов «молоком»?

М. КОЗАРЧУК,
г. Пушкино, Московская обл.

15. Подавляющее большинство живых существ имеет кровь красного цвета. Но есть исключения. Кто обладает кровью другого цвета и чем это объясняется?
Э. СИМОНОВСКАЯ,
пос. Черноголовка, Московская обл.

16. Что означает выражение: «Ташить и не пущать»? Откуда оно?

К. ПАВЛОВСКАЯ,
г. Тула

17. В 1903 году известный географ Л. С. Берг, плывя в лодке по реке, спустился в озеро. Он обнаружил, что в одной части озера вода соленая, а в другой — пресная. Не знаете ли вы, что это за озеро и чем объяснить такое исключительное разделение его воды?

Л. ЛИ,
г. Ташкент

18. Назовите кинофильм, в котором дебютировали популярные советские актеры В. Тихонов, Н. Мордюкова, И. Макарова. И в каких ролях?

19. Когда и кем введен термин «робот»?

В. ЕГОРОВ,
Тбилиси

20. Назовите одно из самых теплых и соленных морей?

Е. БУХАРЕВА,
Караганда

Олимпийский турнир знатоков

Повторяем условия конкурса

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ I ТУРА

I. На первом конгрессе, посвященном возрождению Олимпийских игр современности, обсуждалось несколько вопросов. Какие это были вопросы и когда проходил конгресс?

3. Сколько медалей советские спортсмены завоевали в своем первом выступлении на Олимпийских играх? Когда и где состоялся наш олимпийский дебют?

4. Ваш прогноз: кто из бегунов станет победителем Олимпиады-80 в беге на 100 метров?

2. Назовите имена двух олимпийских чемпионов, которым воздвигнуты памятники в одной стране.

5. Попытайтесь назвать обладателей всех трех комплектов медалей в мужском волейбольном турнире.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

Среди писем И. Е. Репина, адресованных В. В. Стасову и помеченных 1880 годом, есть одно, весьма примечательное. Оно посвящено появившейся на 8-й выставке передвижников картине Виктора Михайловича Васнецова «После побоища Игоря Святославовича с половцами». Вот отрывок из этого письма:

«...поразило меня Ваше молчание о картине «После побоища», — слона-то Вы и не заметили, говоря, что на выставке ничего тузового, капитального нет. Я вижу теперь, что совершенно расхожусь с Вами во вкусах, для меня это необыкновенно замечательная, новая и глубоко поэтическая вещь, таких еще не бывало в русской школе... Вы меня ужасно расстроили Вашим письмом и Вашим непониманием картины Васнецова».

Сейчас трудно представить, что героическая эпопея Васнецова, ставшая неотъемлемой частью русской национальной культуры, не была понята и оценена современниками художника. Дело в том, что Стасов не был одинок в своем отношении к произведению Васнецова. Даже среди членов Товарищества возникли разногласия, стоит ли вообще принимать эту картину на передвижную выставку. Огромный холст вызывал раздражение, уж слишком он чем-то нарушал установленные каноны передвижничества — то ли своим полупантистическим сюжетом, то ли некой «вызывающей» декоративностью живописного строя... Чуткий Крамской с горечью писал тому же Репину: «Трудно Васнецову пробить кору рутине художественных вкусов. Его картина не скоро будет понята...» Даже друзья художника недоумевали: зачем это Васнецову понадобилось на этом непомерно большом холсте воспроизвести печальный эпизод из истории далекой, былинной Руси? Тем более что к этому времени 32-летний художник прочно завоевал свое место как последовательный жанрист, бытописатель «физиологии Петербурга». В ранних зарисовках ученика Петербургской Академии художников Виктора Васнецова скорбной вереницей проходят обитатели страшных «петербургских углов» и ночлежек: почти с хроникальной достоверностью воспроизвел художник уличные сценки, подмеченные в уютных городских предместьях. А успех его первых значительных жанровых полотен — «Книжная лавочка», «С квартиры на квартиру», «Префранс» — подтвердил, что путь избран надежный, совершенно в духе времени.

«Васнецов как типист бесспорно будет одним из лучших русских художников», — пророчила крити-

Надежда ШАНИНА

БОГАТЫРИ.

“Я ТУЛЬКО Р

ка. Однако много позднее, мысленно прослеживая важнейшие этапы своего творчества, сам Виктор Михайлович вспоминал, что во время «самого яркого увлечения жанром» он уже ощущал «неясные и сказочные грезы». Они уносили молодого художника в поисках идеальных образов далеко от этих мрачных и грязных улиц, в бескрайние просторы былинной Руси, населенной людьми прекрасными, отважными и могучими, способными на подвиг. Эти смутные, пока еще окончательно не определившиеся замыслы со временем приобрели четкость и цельность идейной и творческой программы, высказанной Васнецовым много позже: «Мы внесем свою лепту в сокровищницу мирового искусства, когда все силы свои устремим на развитие своего родного искусства, т. е. когда с возможным для нас совершенством и полнотой изобразим красоту, мощь, смысл родных наших образов... сумеем в своем истинно-национальном отразить вечное и национальное. Плох тот народ, который не помнит, не ценит, не любит своей истории».

Картина Васнецова «После побоища Игоря Святославовича с половцами» навеяна драгоценнейшим литературным памятником Древней Руси «Словом о полку Игореве». Художник стремился найти то особое монументально-декоративное решение, которое было бы созвучно эпическому размаху, страстному патриотизму, замедленно-величавому ритму стихов поэмы. Полотно уподобляется монументальной росписи, сам масштаб холста, обобщенная живописная манера, декоративность цветовых отношений как бы рассчитаны на большую плоскость стены, на широкий, свободный обзор изображенной сцены...

«После побоища» — это не только горестный итог смертельной битвы («Бессстрашному полку Игореву уже не воскреснуть»). Подобно торжественно-величавой оде во славу Отчизне и сложившим за нее головы сыновьям, воспринимается раскинувшаяся перед зрителем картина — родная земля, измученная сражением, орошенная кровью, но не поверженная, а неизъяснимо прекрасная и без-

ПАРЬ
БЕРЕНДЕЙ.

Эскизы театральных костюмов работы Виктора ВАСНЕЦОВА.

брежная, покрытая поникшей, но буйной и сочной травой, пестреющая приветливым многоцветием скромных российских цветов.

«После побоища» — одно из первых значительных этапных полотен, законченных Васнецовым после его переезда из Петербурга в Москву. Здесь, в «белокаменной когда-то», смутные грезы Васнецова облекались в плоть и кровь, наполнялись живым дыханием, а замыслы приобретали размах и эпичность.

О той роли, которую сыграла в его творческой судьбе Москва, художник с благодарностью вспоминал всю жизнь: «Москва, ее народ, ее старина, ее архитектурные памятники научили меня угадывать, видеть, осознать прошлое... жадно впитывая в себя изумительнейшие архитектурные красоты московских построек, за каждой из которых чувствовал их создателей, видел предков сегодняшних

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

УЖУИЖИЛ"

СНЕГУРОЧКА.

ЛЕЛЬ.

жителей Москвы... только в Москве... окунулся я в народное море и почувствовал неразрывную связь с народом. Эти ощущения и дали мне силы написать мои самые любимые картины».

Да и как могла не затронуть сердце коренного русака, вята, эта особая, неповторимая атмосфера старинного русского города, где сама история зрило вторглась в повседневную жизнь, шумевшую у башен старого Кремля и под древними стенами Китай-города. Даже названия улиц, площадей и соборов звучали как былинные строки и уносили воображение к событиям давно ушедших дней... Недаром Савва Иванович Мамонтов, приглашая Васнецова и его друзей-художников перебраться из Петербурга в Москву, уверял, что именно здесь, в Москве, «вся былинная Русь свободно, как по родной деревне, расхаживает». Встреча с Мамонтовым была особенно знаменательной для

далнейшей судьбы Виктора Михайловича. Наделенный удивительным чутьем ко всему истинно талантливому, энергичный организатор, «прекрасный образец чисто русской творческой натуры», Савва Иванович был душой и вдохновителем своеобразного содружества, сплотившегося в его имени Абрамцево под Москвой. Здесь впервые пробовал свои силы Станиславский, начал восхождение к славе Шаляпин, здесь были созданы или задуманы лучшие творения Репина, Серова, Врубеля, Коровина и еще многих других великих русских талантов.

«Мамонтовцы» мечтали воскресить и развить национальное своеобразие «русского народного орнамента, украшавшего когда-то предметы крестьянского быта, домашнюю утварь, древнерусскую архитектуру. Эти попытки возвратить изделия крестьянских художественных промыслов, «не испорченных фабричным клеймом», вдохнуть жизнь в отмирающие народные ремесла, предпринятые в узких рамках художественного объединения, во многих случаях приводили к стилизации, иногда принимали черты «салонного модерна». Но все же обращение к творческой фантазии народа не оказалось бесплодным — оно обогатило талант многих художников и архитекторов, работавших в Абрамцеве, натолкнуло на оригинальное решение театральных постановок, осуществленных на мамонтовской сцене.

Васнецов привлек внимание Саввы Ивановича именно глубоко национальным характером своего таланта. Бережно относясь к его замыслам, Мамонтов заказал ему три картины на сказочно-былинные сюжеты: «Три царевны подземного царства» (1879), «Ковер-самолет» (1880), «Битва русских со скіфами» (1881). Природа Абрамцева, где вскоре поселился Виктор Михайлович, кажется, воплотила все обаяние и неяркую красоту средней полосы России. Здесь, у сумрачного пруда, густо поросшего осокой, может быть, и пригрезилась Васнецову простоволосая обездоленная девочка, печально и заворожено смотрящая в темные воды омута. «Аленушка» — не столько сказка, сколько

народная песня-причитание, воплощенная в живописи. Васнецов и в этом произведении остается последовательным реалистом, художником, принадлежащим поколению 80-х годов, для которого источником творчества и вдохновения прежде всего служила окружающая жизнь. Его Аленушка — это девочка-крестьянка, встреченная где-то здесь, в окрестности Абрамцева или Ахтырки, так же, как и этот пейзаж — истинный уголок русской земли, который так много может сказать русскому сердцу.

Особенно сплачивали «мамонтовцев» спектакли, которые полуслуча-полусерьезно ставились на домашней сцене в Абрамцеве. Здесь властвовала неистовая энергия Мамонтова, его дар драматурга, режиссера, его безукоризненное художественное чутье. «Орлиный взгляд» Саввы Ивановича безошибочно угадывал нужных исполнителей и декораторов. И благодаря тому, что под этой гостеприимной кровлей соединились блестательные и разносторонние дарования — К. Коровин, М. Врубель, М. Нестеров, В. Серов и, наконец, В. Васнецов, — свершившие на абрамцевской сцене еще непримечательный большому театральному миру дерзкий переворот в устоявшихся традициях декоративного искусства, это увлечение сценой уже таило в себе, как дуб в желуде, ростки будущего обновления самого духа русского театрально-декорационного мастерства.

Васнецов был тоже захвачен этой притягательной страстью к сцене. Несмотря на природную застенчивость, склонность оставаться в тени, его удалось растроить, и он с головой ушел в эту радостно-взволнованную атмосферу, сопутствующую созданию спектакля. Он рисовал забавные, полные выдумки афиши, ползая на полу, расписывал декорации, мог сутками обдумывать эскизы костюмов, сам играл на сцене и даже сочинял по этому поводу стишк-потешки.

Но главным во всем этом были, конечно, не его актерские опыты (хотя Васнецов, как оказалось, обладал сценическим обаянием и прекрасно смотрелся со сцены и когда играл Мефистофеля в живых картинках и Деда Мороза в «Снегурочки») и даже не остроумные афиши, исполненные совершенно в духе «модерн», характерном для графики той поры. Главное и весьма важное для творческого становления Васнецова было то, что, обратившись к миру театра, художник обретал здесь размах и органичную, благодатную почву для своего монументально-декоративного дара, уже так зряко искашившего выход в его станковых полотнах.

Неудивительно, что именно на абрамцевских подмостках, в атмосфере преданности националь-

ным истокам родного искусства родилась «Снегурочка», навеянная чудесной сказкой А. Н. Островского. Полуфантастическое царство берендеев, их премудрый правитель-философ — Царь Берендей, жизнерадостный пантеизм образов Леля, Купавы, Мизгирия, обрядовые празднества, самобытные костюмы персонажей — какой творческий простор для художника-сказочника! Какая благодатная художественная канва! Васнецов не могла не привлечь эта красава легенда о древних славянах... Виктор Михайлович создал эскизы костюмов и декораций, взяв за основу народное творчество — жизнерадостный орнамент, украшавший старинные прялки, пряничные доски, узорчатость старинных русских костюмов и домашней утвари.

Эскизы первоначально создавались Васнецовым в декабре 1881 года для домашнего спектакля в Абрамцеве, а затем в 1885 году для Московского оперного театра С. И. Мамонтова в Москве. Здесь стоит привести воспоминания самого Васнецова о работе над декорациями: они переносят нас в ту своеобразную, очень живую, истинно творческую обстановку, в которой жили и работали обитатели мамонтовской усадьбы.

«Перед Рождеством решено было поставить «Снегурочку». Нужны, конечно, декорации, рисунки, костюмы и прочее. Савва Иванович обратился ко мне, да кроме того, под его вдохновляющим деспотизмом я должен был играть «Деда Мороза»... Что тут делать. Никогда ни на какой сцене я не играл — декорации и костюмы еще куда бы ни шло. Отгекиваться не полагалось. Да как-то и стыдно было. Ну, и играл «Деда Мороза», и играл не один раз!..

Так как это было перед самым Рождеством, то пришлось спешить и быстро сделать рисунки декораций, костюмов и роль разучивать... Рисунки одобрены. Савва Иванович весел подбадривает, энергия растет. Собственными руками написал я четыре декорации: Пролог, Берендеев посад, Берендееву палату и Ярилину долину... До часу или двух ночи, бывало, пишешь широкой малярной кистью по холсту, разостланному на полу, и сам не знаешь, что выйдет. Поднимешь холст, а Савва Иванович уже тут, взглянет ясным соколиным оком, скажет бодро, одушевленно: «А, хорошо!» Посмотришь — и впрямь как будто хорошо».

Для каждого персонажа художник улавливает единственно верное, передающее внутреннюю сущность образа звучание: языческая яркость наряда страстной, темпераментной Купавы, белоснежная целомудренно-скромная одежда Снегурочки, по-восточному пестрый костюм Мизгирия, торжественное, покрытое магическими знаками одеяние Весны...

Смело и безошибочно находит Васнецов колорит и рисунок для эскиза палат Берендея. Краски пламенеют красным и синим — излюбленный цвет древнерусской живописи. В рисунке росписей палаты органично и музыкально сливаются и причудливые языческие символы, и сказочные образы, и наивные своей скромной прелестью цветы русских полей и лесов.

Васнецов, так же, как его друзья — Репин и Поленов, не раз упоминал, что среди первых московских впечатлений особенно ярким было посещение Кремля, старинных архитектурных ансамблей. Эти увлеченные поиски привели давно ушедших времен не могли не привлечь Васнецова к столь колоритной и популярной исторической личности, как Иван Грозный. «Москва, ее народ, ее старина, ее архитектурные памятники научили меня иногда по самым, казалось бы, малопримечательным предметам удивляться, видеть, осознать прошлое. Бродя по Кремлю, я как бы видел Грозного. В узких лестничных проходах и коридорах храма Василия Блаженного я слыхал поступь его шагов, удары посоха, его властный голос». Это «осознанное» ощущение истории, испытанное Васнецовым под мрачными сводами древнего храма, вдохновило художника на создание нескольких набросков, посвященных Ивану Грозному. Один из этих эскизов (погрудный портрет маслом) острой экспрессией привлек молодого Шаляпина, когда он готовил свою роль в «Псковитянке».

Картина «Царь Иван Васильевич Грозный» была закончена Васнецовым в 1897 году. На полотне узкого, вертикального формата Иван Грозный представлен во весь рост так, что зритель как бы оказывается где-то внизу, среди толпы, к которой спускается царь, и потому вынужден смотреть на него снизу вверх, что придает изображению особую значительность и величие.

Грозный в своей варварской пышности, с резным посохом, властно зажатым в твердой руке, кажется неотъемлемым ни от этих испещренных причудливым узором стен и арки, покрытой орнаментом, ни от этого едва виднеющегося в полукруглом пролете окна пейзажа древней Москвы, полного сказочного

У

же больше года прошло с тех пор, как скандально закончилась столь торжественно начатая «рекордистская оперетта» — так окрестили тот случай горняки. Сняли за очковатостью директора шахты Филиппа Укатова, «строгача» получил Никита Зотов, генеральный директор производственного объединения «Грушиноуголь». Восстановлен в прежней должности начальник участка молодой горный инженер Олег Груздев, который не пошел на компромисс со своей совестью — назовем это так. И все вроде бы решилось по справедливости, как и должно быть, как этого ждали в шахтерском коллективе, хотя и находились такие, что зудели: «Да прикроют все, рука руку moet...» Не прикрыли, выдали всем сполна. Вот только у Олега Груздева осталось в душе то, что ждет его, бередит ночами, как зубная боль — это предательство Андрея Климова, механика участка. Со стороны может, подобное определение кому-то покажется жестоким, даже несправедливым. Но Олег считал, что с друга, каким был для него Андрей, в таких ситуациях нужно спрашивать по самому большому счету. И похоже, что ничего-то Андрей так и не понял из всей этой истории, а потом и вовсе забыл о ней — отмахнулся, словно сбросил с головы упавший с дерева листок. А вот он, Олег Груздев, не забыл, не может забыть...

На его участке только что завершились успешные испытания струговой установки новой конструкции. Не прошло и месяца после испытаний, а бригада Семена Глаголова уже шла на всесоюзный рекорд. Две недели люди работали, забыв обо всем на свете, не видя ничего, кроме бесконечной ленты груженых углем вагонеток, что откатывались от лавы. За сутки участок выдавал на гору до семи тысяч тонн антрацита, полностью загружая подъем и, конечно, притормаживая работу других участков. Все это заранее предвидели: тогда многим ГРОЗам — так называют на шахте горнорабочих очистного забоя — предложили отпуск, а другим пообещали даже при простоях средний заработок. Сам Семен, коренастый, строгий, перед каждым спуском в шахту трижды сплевывал через левое плечо, на смешки товарищей не сердился, потому что лучше других знал, как крепко...

Георгий ЯКОВЛЕВ

ИСПЫТАНИЕ С

бывает природа, — сталкивался за двадцать лет подземного стажа со всякими неожиданностями стихии.

Идея поставить всесоюзный рекорд на новой установке принадлежала руководителю объединения «Грушиноуголь» Н. И. Зотову. Так что директор шахты «Северо-Грушинская» Укатов оставалось только поддакнуть:

— За доверие спасибо, Никита Ильич. Не подведем...

Но за этой фразой сквозило беспокойство, хотя специалисты объединения все уже расписали как по нотам. Требовалось только скомплектовать бригаду да расставить ремонтников так, чтобы все смены давали уголь без передышки. Подобная организация труда всегда применялась на угольных предприятиях, когда требовалось выывать из нового комплекса все, чтобы проверить его на перегрузках. Вот эти испытания новой техники и решили использовать для штурма рекорда. Директор шахты на общем рабочем собрании тогда высказался так:

— Ваш рекорд, дорогие товарищи, будет маяком, к его свету потянутся другие коллективы...

Выступавший вслед за директором председатель шахтко-ма профсоюза Василий Сапов проникновенно говорил об оказанном высоком доверию и не менее высокой ответственности, ложащейся на плечи горняков. Олегу Груздеву представлялось, что после парадных выступлений между рабочими начнется жаркий спор: соглашаться на рекорд или нет? Но оказалось, что обсуждать ничего не надо, поскольку Никита Ильич — генеральный директор объединения — уже все утвердил. Оставалось лишь объявить во всеуслышание об инициативе коллектива его участка, взявшего новое социалистическое обязательство: перекрыть рекорд бригады Виктора Чижкова, добывшей такой же струговой установкой в начале года за 31 рабочий день 197 тысяч тонн угля.

Сапов тогда ободряюще кивнул Груздеву головой:

— Пусть начальник участка выскажется. Мне кажется, ему по душе круглые цифры. — Он улыбнулся, довольный такой ловкой подсказкой.

— Раз доверено, что ж, мы постараемся, — невнятно произнес Олег, поглядывая на Укатова.

— А конкретнее можно? — попросил тот.

— Дадим двести тысяч за месяц...

— Иного ответа мы и не ждали, — одобрительно сказал Укатов.

До чего же хотелось Олегу Груздеву, чтобы этот месяц прошел как можно быстрее. Бригада Глаголова, состоящая из полутораста человек, разбитая на четыре звена, из которых тянула рекордсменскую колесницу. Самые опытные шахтеры, отобранные в новую бригаду со всех участков, слаженностью действий напоминали хорошо отрегулированный механизм. На каждого из них ежесекундно приходилось втроем больше угля, чем добывали они в обычные дни. Но вдруг геология свинцово подложит? У Олега даже в груди что-то скжималось, когда представлял такое. Поначалу штурм рекор-

да ради престижа вызывал у Олега как грамотного инженера немалые возражения, но теперь и его и других тоже — он видел это — увлек азарт трудового соперничества: во что бы то ни стало перекрыть результат бригады Чижкова...

В откаточном штреке ровно дул ветерок — вентиляция работала хорошо. Олег шел по путям, с удовольствием вдыхая такой привычный запах сырого дерева и еще чего-то неуловимого, присущего только угольной шахте. Во второй смене на струге заменили нижние ножи, и он работал легко, без рывков скользя уголь. Черным ручьем антрацит бесконечно плыл по ленте конвейера. Молодой механик участка Андрей Климов, пригнувшись, пристально гляделся: не перекосило ли опорную плиту с магнитами для автоматического реверса струга. Стальной «утюг» дошел до нижней части лавы, коснулся магнитов, и сразу же сработали переключатели, заскрежетала калибровочная цепь, потянула струг вверх.

— Ну и силища! — восхищенно сказал Климов. — А, Олег Николаевич? До чего ж умная машина, прямо как человек.

Все на шахте знали о привычках Климова. Он до того был влюблена в технику, что порой жалел спускать новое оборудование в забой, тянулся с осязением, монтажом, пока не нарывался на скандал. «У нас ведь варвары, а не слесари, — обычно оправдывался он. — Разве углядишь...» И любовно поглядывал стальной бок какого-нибудь новенького перегружателя.

Пришел Андрей на «Северо-Грушинскую» по распределению после института, имея на руках диплом с отличием. Худощавый паренек при первом взгляде не внушал особого доверия. Все же его сразу назначили механиком на участок Груздева. Обращался Климов к Груздеву по имени-отчеству, внимательно слушал, когда тот просвещал его о положении в забоях и перспективах участка. А когда Груздев узнал своего механика публике (с его помощью на участке внедрили струг новой конструкции), благодаря чему установили рекорд добчи углем по бассейну), то и совсем проникся уважением к неприметному, скромному парню, беззаветно влюбленному в технику...

Во время короткого перерыва Груздев и Климов подошли к Семену Глаголову. Тот стоял, упершись коленями в стальную плиту корпуса струга, и левонько юкал обушком по кровле.

— Тут вроде держит, — повернулся он к механику и начальнiku участка, — а вот ниже «бунт».

Олег давно уже привык к терминологии Семена и понял: кровля в нижней части лавы не внушает ему доверия. Не в меру мягкая, рыхлая, того и гляди посыплется ложняк. Так называют на шахте верхний опадающий прослой породы, отжатый горным давлением.

— Не нравится мне все это. — Семен махнул тяжелой рукой, неопределенно показывая вокруг.

— Что не нравится-то? — спросил Олег, поворачиваясь к бригадиру и смотря прямо в его припудренное угольной пылью лицо.

— Слишком быстро идет...

Груздев понимал, что хочет сказать Глаголов. Угольный пласт выбирался быстрые обычного, а за них не всегда строго по техническому паспорту успевали закрепить выработанное пространство. Пока пласт антрацита лежал в крепких боковых породах, это опасности не представляло. Теперь же многоопытный бригадир учил какое-то нарушение в цельности верхнего слоя известняка.

Вновь двинулся струг: загрохотала цепь, уголь с шумом посыпался на транспортер. Бригадир пошел вниз лавы, туда, где заглавоременно готовилась ниша для передвижки лебедки.

— Беспокоится Семен Антонович? — с вопросительной интонацией произнес Андрей.

— Накаркать еще, — недовольно ответил Олег. — Знаешь, что мне сегодня директор для профилактики выдал? Теперь, сказал, честь шахты в ваших руках, позора вам коллектив не прости.

— Это если рекорда не будет? — догадался Андрей.

— Вот именно.

Оставил Олега одного, Андрей отправился замерять давление масла в домкратах, хотя он мог поручить эту операцию дежурным слесарям, тем более что уже полную смену отбыл в лаве. Но он не смог заставить себя уйти, потому что считал, что должен лично убедиться в надежности оборудования. Вот за то, что механик не чурался самой грязной работы, которой ему по должности и делать-то не положено, ему прощали и модные галстуки, и подчеркнуто «чистую» речь, и мальчишеский вид. А Груздев был уверен: если человек столь беззаветно «болеет» за свое дело, то он просто не может подвести в трудный момент, прогнав недисциплинированность, беспричинность. И так считал до тех пор, пока участок не попал в аварийное положение.

Долго еще будет Олег вспоминать пророчество Семена Глаголова. Все-таки есть у опытных мастеров профессиональное чутье, какой-то обостренный инстинкт опасности. Не зря бригадир говорил о беде, и она пришла. Посреди лавы, именно там, где говорил бригадир, обрушилась порода, завалив забой метров на пятьдесят. Хорошо еще, что без жертв обошлось... Директор призвал на участок всех специалистов шахты, но никто не смог придумать ничего

рациональнее того, что сразу же предложили Груздев и Глаголев: дополнительно подкрепить каждую опорную плиту гидравлической крепи, а сверху выкладывать до упора «костры» из бревен.

Укатов, прикинув все варианты, громко чертыхнулся и полез из лавы в штробу. Здесь, прида в себя, устало сказал:

— Попытайтесь, Груздев, пройти зону нарушения, может, успеете...

Олегу даже жаль стало этого горластого, грубошатого, но не жалевшего себя в работе человека. Все вроде было рассчитано правильно, рекорд казался уже близким, осязаемым. И вдруг — такой скорпион природы. Он понимал, на что надеялся Укатов, прося «попытаться». Возможно, геологическая аномалия в этом месте небольшая — проскочишь зону нарушения, а дальше пойдут крепкие боковые породы, и все вперед в рабочий колено.

— Сделаем, что возможно, — ответил он коротко.

Два звена глаголевской бригады приводили в порядок лаву: отбойными молотками разбивали глыбы вывалившейся породы, забивали ее в выбранное пространство, а когда очистили забой и закрепили его, то осторожно, на малой скорости, пустили струю. И тревожно ждали, как поведет себя кровля в зоне нарушения. Могучие стальные ножи легко крошили угольный забой, но как только струя перешел опасную границу, в конвейер вместе с углем снова посыпалась порода. Кровля сыпалась все пятьдесят метров, заваливая машинную дорогу. Надо было снова зачищать забой, выкладывать «костры». И так повторялось каждый цикл.

Укатов уже несколько часов не вылезал из шахты, ходил из забоя в забой, молча наблюдая за всеми, высвечивал «надзоркой» рваные края завала, шептал что-то, шевеля губами.

— Никак молится директор за нас, греческих, — вполголоса произнес Глаголев, но Укатов рассыпал.

— Не молюсь, а считаю потери, — сказал он, подходя. — Упывает рекорд...

— А может, еще успеем? — спросил Семен. — Мы же, Филипп Константинович, с опережением шли, уголек в запасе есть...

Укатов поверг луком «надзорки» по рваным краям кровли.

— По всем признакам, — произнес он уныло, — эта хроновина имеет форму неправильного эллипса, а мы еще до центра нарушения не дошли. Понял? Только — молчок, — предупре-

нуть в стороне удобно устроился в кресле незнакомый мужчина в светлом костюме.

— Проходи, Груздев, не подпирая дверь, — мирно сказал Укатов и повернулся к незнакомцу. — Это начальник участка, который нас чуть ко дну всех не пустил вместе с рекордом.

Мужчина подал руку, с улыбкой представился:

— Громов, — и дружески коснулся плеча Олега. — Утонуть мы вам не позволим. Разве можно столько усилий большого коллектива пустить на воздух?

У него была сильная сухая рука, от лица и костюма слепка пахнуло свежим запахом одеколона. Олег поймал на себе цепкий взгляд незнакомца и понял, что тот вызывает его на разговор.

Укатов многозначительно глянул на Груздева:

— Эдуард Николаевич специально прибыл к нам для оказания помощи.

При этих словах Громов дружелюбно кивнул.

— Я узнал... Мне сказали... — растерянно выдавил из себя Олег и замолк. Он знал Громова заранее: тот возглавлял производственно-технический отдел объединения «Грушинский уголь».

— О восьмой-бис? — уверенно догадался Укатов. Он встал из-за стола, подошел вплотную к Олегу и аккуратно взялся за пуговицу на его синей бумажной куртке. — Плохо, что тебя не нашли вчера вечером. Своевольничавший, Груздев, не первый раз делаю замечание — предупреждай коммутатор, где тебя искать... Твои ребята и подсказали выход из положения. Мы все, — он обвел рукой присутствовавших, — не стали препятствовать инициативе снизу. Понимаю, очень трудно одним составом работать двумя стругами. Но недельку выдержите?

Укатов прекрасно знал, почему Олег не был вечером на работе — трое суток не выходил из шахты. И эта маленькая ложь директора укрепила в Олеге худшие подозрения, но вместе с тем сняла и неловкость.

— Если при этом мы будем писать добчу на один забой, то можем поставить даже мировой рекорд, — решительно сказал Олег. — Но любой горный инспектор сразу увидит по маркишейдерской карте приписку... Не знаю, о каких ребятах вы говорите, только бригадир со мной даже поздороваться не захотел, за этот обман. Что-то я не понимаю...

— Вот-вот, — подхватил Сапов. — А ты подумай, лучше подумай. Не с позиции отрицания, что легче всего. Встань на точку зрения коллектива шахты, производственного объединения, наконец... Все заинтересованы в рекорде. Это уже не наша идея, а масс, его ждут угольщики в других бассейнах страны. Мы не имеем права обмануть ожидания стольких людей.

— Иногда приходится ради большой правды жертвовать малой, — мягко, без нажима подсказал Громов.

— Не знаю, как их можно разделить, — взорвался Олег, про себя удивляясь своей настойчивости, так он привык к безоговорочной дисциплине угольного предприятия. — Есть правда и есть неправда. И в любой неправде, пусть самой маленькой, я участвовать не желаю. — Рука его машинально расстегивала и вновь застегивала пуговицы на куртке.

— Ты не кипятись и пуговицу оставь, она ни при чем, — оборвал Укатов. — Пока еще я свою подпись на итоговой ведомости по добчу ставлю. И я беру на себя всю ответственность... Могу тебе расписку дать, — издавательски закончил он.

— Боясь, что вместо расписки придется давать объяснения.

— Кому? Тебе, может быть? — иронически спросил Укатов. — Так пока ты у меня работаешь, а не наоборот.

— Я не у вас работаю, — отрезал Олег, понимая, что разговор обострился до крайности и ему уже отступать некогда, чтобы не выглядеть смешным, — а руководителем участком на государственной шахте. Объяснения вам придется давать в райкоме партии.

Укатов поднялся во весь рост, решительно сказал:

— Считайте, Груздев, что вы отстранены от должности начальника участка. — И внушительно добавил: — За противопоставление себя коллектива.

Сапов согласно кивнул.

Олег вышел из кабинета, распираемый решимостью немедленно, сейчас же предпринять что-то, не дать возможности восторжествовать честолюбивым планам Укатова. Он вновь мысленно увидел недобре лицо Глаголева, его презрительный взгляд. «Семен считает, что я с ними заодно», — подумал он. Олег прошел по коридору шахтного управления к лестничной площадке, закурил сигарету.

Он стоял и думал, что, если сейчас отступит, то никогда больше не сможет уважать себя. Мимо проходили озабоченные своими делами люди — обычное оживление между сменами. С первого этажа, где размещались нарядные, доносился гул голосов. В общем, шахта жила своей обычной шумной жизнью. Но Олегу теперь этот полнокровный производственный организм представлялся пораженным изнутри серьезным недугом.

— Что с тобой, Олег Николаевич? — Перед ним остановился Сапов, участливо наклоняясь и заглядывая в глаза. — Заболел?

Его искренний тон подкупал.

— Василий Иванович, как же так? — вырвалось у Олега. — Неужели мнение одного этого Громова важнее, чем авторитет коллектива, нашего коллектива?

— Чего ты вспомнился? — недоуменно спросил Сапов. — Такой кремлевский мужик, раскосаешь на глазах. Ты же большое дело вытягиваешь на своих плечах, такое доверие тебе оказано.

— Разве вы не слышали рассуждения этого... о правде маленькой и большой? Как такую чушь можно говорить? Правда не апельсин, ее нельзя разделить на доли.

— Зачем придираться к словам? — поморщился Сапов. — Смысл важен. А он в том, что всякое дело надо доводить до конца. До победного конца, — поправился он.

— Почему вы не хотите меня понять? — снова вскипел Олег.

— Не понимаю и не хочу понимать, — ответил Сапов. — Поверь, так будет лучше для тебя. — В его голосе прозвучала скрытая угроза, мгновенно подстегнувшая Олега.

— Ну, раз вы все заодно... — И он стал поспешно спускаться по лестнице.

Не заглядывая в нарядную, Олег поехал в райком партии, к секретарю, ведающему производственными вопросами.

— Попал, я, Иван Георгиевич, в таком переплет... — начал Груздев. И все без утайки рассказал.

— Ты ничего не путаешь? — Секретарь, все время внимательно его слушавший, сдвинул брови.

— Чего же мне путать, если только час назад об этом говорили в кабинете директора...

Секретарь встал, его смуглые лицо стало медным от волнения. Он решительно взял телефонную трубку и «по угольному» вызвал Укатова.

— Как у вас с рекордом, Филипп Константинович? — спросил он почти спокойно. — Все хорошо? Ах, так, высокую сознательность демонстрируют. Меня интересует конкретная информация. Так, это уже точнее. Значит, оснований для беспокойства нет? А вот в райком поступил сигнал, что вы нелегально пустили восьмую-бис. Что значит с разрешения представителя объединения? Вы коммунист и персонально отвечаете за все, что происходит на шахте, а не уполномоченный объединения. Если этот сигнал подтвердится, вам придется отчитываться на бирюзе. А пока я вам предлагаю: чтобы тень на бригаду Глаголева не бросать, немедленно остановите резервную лаву.

Секретарь райкома положил трубку, в раздумье походил по кабинету.

— Сейчас езжай на шахту, — решительно сказал он, — а завтра собрание на твоем участке проведем. Важно, чтобы рекордистские устремления осудили сами рабочие. Как механик, бригадир — выступят?

— Выступят, — уверенно ответил Олег.

Он пролез в лаву, задержался у золотучного места, где природа преподнесла им такой подарок. Рабочие еще затягивали крепь упорных стоеч, зачищали лопатами забой от угольного штаба. Словом, все шло, как обычно, вроде бы никакого нарушения и не существовало, разве только в воображении. На верхнем штаке он встретил Андрея Климова.

Андрей улыбнулся, лицо его приняло выражение всем довольного человека.

— Ты меня ждал, что ли? — удивился Олег.

— В своих верноподданнических чувствах я до этого еще не дошел, — ответил он. — Просто еще раз осмотрел восьмую-бис. Техника в лаве в образцовом порядке, а ее почему-то внезапно остановили...

— А тебя разве не интересует, почему восьмую-бис так вновь пустили? — разко спросил Олег.

Андрей понял по интонации, что Груздев встремлен, и, недоуменно разведя руками, шутливо сказал:

— Думаю, чтобы брать из нее утоль...

— И переложить потом в мешок рекордсменам, то есть нам, так?

— Олег Николаевич, вы уж скажите прямо, — заволновался Андрей. — Мы всегда понимали друг друга... Так мне казалось, во всяком случае...

— Имеешь ты свое, понимаешь, свое, личное мнение по поводу того, что к нашей лаве хотели прописать уголь с восьмой-бис?

— Право, не знаю. Я не думал...

— Высказывайся смелей, Укатова здесь нет. Завтра собрание на участке будет. По факту прописки — ведь это было?

— Не знаю, в чем вы меня хотите обвинить. Я просто не задумывался над этим...

— Мнение свое у тебя есть? — настойчиво переспросил Олег.

— Я отвечаю за состояние техники, Олег Николаевич, — обиженно ответил Андрей, — и не желаю больше ни во что вмешиваться. И на собрании выступать не буду. — Последнюю фразу он выговорил твердо, как о деле для него давно решенном.

— А люди? О людях ты подумал? Как им с таким пятном работать? — чуть не выкриковал Олег, но Андрей уже медленношел к шахтному двору.

Олегу хотелось его окликнуть, остановить, бросить ему, Андрею Климову, такому деликатному и безотказному в работе, влюбленному в свою технику, жестокие слова о равнодушии, которое граничит с предательством... Но он не сделал тогда этого.

На следующий день состоялось рабочее собрание. Секретарь райкома резко осудил устроителей «рекордистской оперетты», и поэтому, когда выступал с покаянным словом директор шахты, на него было жалко смотреть. Укатов походил на большую рыбью, выброшенную из воды: он тяжело дышал, запинался, подыскивал слова, даже в груди себя ударил, выкрикнул, что пошел на прописку не ради личных плавров, а в стремлении подать пример другим трудовым коллективам.

К удивлению Груздева, выступил на собрании не только Семен Глаголев, который тяжеловесно выговаривал осуждающие фразы, но и еще человек шесть рядовых шахтеров. Говорили не только о факте прописки, а вообще о вреде всякой нездоровой шумихи.

— Я из нарядной вышел, а мне вслед кричат: «Глядите, Семен на рекорд пошел!» — взвинул Глаголев. — Дожился...

Только Андрей Климов все собрание просидел молча, словно воды в рот набрал. Вроде бы происшедшее лично его непосредственно не касалось...

Вот почему и теперь, по прошествии года, вспоминая минувшие события, Олег с горечью думал об Андрее. Он, видите ли, ничего не хочет знать, кроме техники. Очень, в сущности, удобная и безопасная позиция. «Прекрасный специалист, классный механик». Как же можно любить технику и не думать о людях, которые ее управляют?

А, может, в наш век рационализма таким и должен быть специалист? Тысячу раз задавал себе этот вопрос Олег и всякий раз не мог найти однозначный ответ, в стопроцентной правильности которого был уверен. Одно только он твердо знал, что никогда больше не подаст Андрею руки, просто не сможет этого сделать. Равнодушие сродни подлости, только порой камуфлируется в благопристойные одежды.

Казалось бы, все ясно, но иногда к Олегу нет-нет да и приходит бередящая душу мысль: «А что, если я в чем-то неправ?»

РОБЯЧИЙ

Mотор заглох на переезде. Ребята в хорошо отглаженных белых рубашках и пионерских галстуках, не замечая беды, еще пели свою песню, но постепенно от тридцати голосов оставалось десять, пять... И вдруг наступила полная тишина, с которой боролись лишь два звука: стартер заглохшего мотора и стук колес приближающегося поезда. Второй побеждал, становился все сильней, смешиваясь с гудком электровоза, и тогда единственный взрослый человек, находившийся внутри автобуса вместе с пионерами, отчетливо понял, что остаются считанные секунды... Ребята тоже поняли это, в панике и страхе метнулись к двери и, конечно, создали пробку. И тогда он стал выбрасывать тех, кто замешкался, через узкие окошки прямо на полотно, а те, что выпрыгивали через дверь, помогали товарищам подняться с земли. Никто не кричал и не плакал, даже если сильно ударялся голыми коленками о рельсы. Когда последний из них оказался на насыпи, было еще мгновение, безнадежно короткое, но достаточное, чтобы все тридцать ребят поняли, что там, в автобусе, не успев выпрыгнуть, остался один на один с бедой человек, спасший им всем жизнь — директор Дворца пионеров Александр Александрович Католиков.

...Он видел глаза машиниста. Но не вспоминал в этот момент прожитое, не прощался мысленно с близкими людьми. Ему было только страшно обидно за свою беспомощность.

От этого чувства, как ему казалось, он избавился давно и вдруг испытал его, и длилось оно то ли секунду во время толчка и скрежета металла, то ли несколько суток, пока он в больнице приходил в сознание. Но оно исчезло сразу же, как только Александр Александрович увидел белые простыни, лицо жены, дерево за окном палаты. Он был жив, а значит, не мог быть беспомощным и слабым. Если даже случится худшее и у него не будет ног, никто не посмеет пожалеть его и никому он сам не покажется.

Он был жив, гипс сковывал его тело, но не мозг и не энергию, и он начал работать. Первое время в палату приходили методист, завуч и другие работники Дворца пионеров — большинство из них женщины — с воспаленными глазами и целлофановыми пакетами в руках. Католиков не отвечал на вопросы о здоровье, не разворачивал пакетов. Он спрашивал: все ли машины в гараже исправны, прижился ли новый руководитель кружка, готов ли ансамбль песни и пляски не то что в Артек, а вообще за пределы республики больше не выезжал. Машины списывали, а новых не появлялось, и вот уже жалуются работники Дворца, что в разваливающемся автобусе стыдно детей со двора вывезти.

Раньше Марья Павловна хвасталась всем своим знакомым, что работает во Дворце — слово-то какое величественное. А сейчас разве это Дворец? Типографию, где сами ребята печатали приглашения на новогодние праздники, закрыли. Ансамбль песни и пляски не то что в Артек, а вообще за пределы республики больше не выезжал. Машины списывали, а новых не появлялось, и вот уже жалуются работники Дворца, что в разваливающемся автобусе стыдно детей со двора вывезти.

Почему же он ушел из Дворца? Он сам ответил на этот вопрос: потому что почувствовал какой-то предел. Все, что можно было, построили, купили, достали. Обещали даже дать Дворцу дом техники, уже были заказаны станки, запланированы дополнительные кружки, но в последний момент в здание переехала школа. Существовал проект строительства нового Дворца — в этом стало тесно, — но главный архитектор города изменил свое решение.

Он сам прекрасно понимал, что вся его работа на посту директора Дворца пионеров складывалась, в сущности, из непрерывных приобретений, «выколачиваний», доставаний: краски, мотоциклов, стакнов, парохода (машин в гараже Дворца до него было две, а стало одиннадцать, ребят занималось раньше полторы тысячи, а теперь четыре). Он, мечтавший о педагогической деятельности, постепенно превращался в хозяйственника. Хотя хозяйственник и педагог, когда речь идет о директоре детского учреждения, — понятия смыкающиеся. Например, те же мотоциклы нужны, чтобы приобщить подростка к технике. Трактор, скажем, за руль которого сядет мальчишка, поможет ему полюбить землю. А что это, как не воспитание? И все-таки, все-таки...

Там, во Дворце, были тысячи ребят. Они приходили и уходили, и за те два часа, которые проводили они, пусть даже трижды в неделю, во Дворце, можно было научить их играть на трубе, петь, вязать или ездить на мотоцикле. Но нельзя было понять, что еще, кроме этого умения, остается у них после занятий. А ему очень хотелось видеть, что они становятся сильнее не только физически, а растут духовно, взрослеют и умнеют, в чем-то спорят с тобой, в чем-то тебя

повторяют. То есть так или иначе становятся частью тебя, словно твои родные дети.

После шести лет работы во Дворце пионеров Католиков почувствовал, что, если не уйдет, никогда не станет тем настоящим педагогом, каким ему всегда хотелось стать.

Он опять выбрал самую запущенную, самую «неблагополучную», как говорят работники просвещения, школу-интернат. Откуда появилась в нем уверенность, что он, переживший ту страшную аварию, сумеет на новом месте начать все сначала?

Возможно, она была частью происходивших в нем перемен. Он ощущал, что в годы работы во Дворце пионеров настоящая жизнь была повернута к нему какой-то неглубокой, обыденной, мелкохозяйственной своей стороной. И только сейчас, с того момента, как он ступил в здание школы, где жили, учились и воспитывались дети-сироты и дети, у которых родители есть, но лишены родительских прав, она, эта жизнь, открылась ему полностью. Кто-то здесь плакал, кто-то смеялся: это была целая орава — 300 человек! — ребят со своими законами, своими бедами и радостями. Он должен был их возглавить и надолго связать свою судьбу с их судьбами.

Первое время он работал как бы на ощупь, интуитивно. В основном так же, как и во Дворце, приобретал и перестраивал. Говорил, что для воспитания необходима материальная база. Но постепенно он понял, что нужна какая-то и другая база тоже. Нужны какие-то законы, которыми ты руководствуешься и которые позволяют тебе быть последовательным. Нужно просто внутреннее убеждение, что именно так, а не иначе ты должен поступить.

Кстати, теоретизировать он склонен меньше всего. Даже на вопросы журналистов (а с ними встречаться ему приходится часто: как-никак директор одного из лучших в республике интернатов, заслуженный учитель Коми АССР, награжден орденом Трудового Красного Знамени), так вот, на вопросы журналистов о методике воспитания детей-сирот он обычно полуночно-полусерьезно отвечал: «Поговорите с моей женой, она кандидат педагогических наук, она вам все и объяснит». Но на самом деле он испытывал потребность выразить это внутреннее убеждение в какой-нибудь формуле. Ему почти сорок лет. Ведь пора уже в конце концов сесть и подумать, «что я делаю» и «каким образом». И когда родилась приблизительно такая формула: «Мы живем здесь одной семьей. Все должно быть, как дома. Не так, как было у этих ребятишек, а как должно быть в нормальной семье, большой и дружной» — он уцепился за нее. И с этих пор ему словно стало легче. Эта простая формула помогла ему объяснять и себе и другим многие поступки и подсказывать, что делать дальше.

С первых же месяцев его работы жизнь в интернате стала заметно оживленнее. Стены столовой одели в дерево. Начали строить недалеко от совхоза Межадорский, в семидесяти километрах от Сыктывкара, летнюю дачу. Рядом с будочкой, где жили охотники, рыбаки и вообще кто придется, появилось сначала деревянное здание, а потом и кирпичное. Когда кто-то из начальства через год приехал в Межадор и, удивленный, спросил, кто всем этим занимается, Католиков ответил: «Комиссамстрой». Начальство ходило вокруг построек, площадки для игр, карусели, а потом спросило: «Слушай, что это все же за трест такой, никак не припомню?» Католиков расхохотался: «Да вот же этот трест». А с молотками, гвоздями и руанками бегали рядом коротко стриженные вспомогательные мальчишки.

Каждое лето, с тех пор, как у интерната появились моторные лодки и маленький катер, старшие воспитанники отправляются в десятидневный поход по Визинге, Сысоле и Вычегде. А по рекам этим сплавляют лес. На катере, который идет впереди, прижав к глазам бинокли и подзорную трубу, стоят нескользко мальчишек, называемых «мальчишками». Они освобождены от всех работ — в их обязанности входит лишь следить за тем, чтобы ни одна из лодок не перевернулась. А

ДИРКТОР

это возможно. Поэтому каждый подобный поход стоит Католикову многих нервов и долгих разговоров в министерстве просвещения. Мы хотим видеть ребят смелыми, убеждает он, но ни один, даже самый хороший урок, ни одно обсуждение книги о мужественных людях не выработает в ребятах по-настоящему это качество. Надо создать ребятам такие условия, при которых нужно было бы бороться с опасностью, пусть даже ценой заработанного при этом здорового синяка.

Плынут лодки по реке. Капитаны предельно внимательны. Они отвечают за весь свой, пусть небольшой, экипаж. И когда они кричат рулевому: «Право руля!» — и обходят бревна, плывущие навстречу их суденышкам, они понимают, что спасают не только себя, но и всех своих матросов. Если спросить имя самого опытного капитана, то все, не задумываясь, ответят: Петька Кетов. Кстати, одна из лодок названа в его честь: «Кетыч». Интересно, что во время походов не бывает никаких нарушенных дисциплины. Правда, изредка они случаются потом, по возвращении на берег. Тут может, например, сильный наподдать слабому, но обида скоро проходит — ведь в походе он же протягивал ему руку, делал за него тяжелую работу. Там был другой ритм жизни, было напряжение физических и духовных сил, была ответственность друг за друга и опасность, которую преодолевали все вместе. И какой-то след эта другая жизнь обязательно оставит в их характерах.

После долгих разговоров в министерстве согласились: конечно, это риск... конечно, эксперимент... но цели-то благородные... А Католиков знает, что, откажись он сейчас от походов, мальчишки не простят ему этого. К тому же ему почему-то кажется, что он имеет право на этот риск. В Межадоре, в летнем лагере интерната, стали обычными ночные рыбалки. А ведь с этим тоже пыталась бороться медицинская комиссия. А также и с тем, что все поголовно воспитанники и воспитатели в лагере ходят босиком. На все упреки он отвечает: «Отец берет своего сына на рыбалку и не боится утренней росы. Он разрешает сыну купаться в холодной воде. Он сажает его с собой в лодку и везет по реке, по которой сплавляют лес. Он берет на себя ответственность за здоровье и жизнь своих детей. Так же беру и я, с той лишь разницей, что у меня их не трое, а триста».

Когда его спрашивают, почему он позволяет воспитанникам фамильярничать с собой, он отвечает, что даже самых строгих отцов боятся, но, пользуясь их хорошим настроением, иногда все же шутят над ними и даже хлопают по плечу.

До сих пор, доверяя только своему вкусу, он сам ездит на базу и выбирает одежду воспитанникам. Причем старается покупать разные фасоны и разные расцветки. То, что подороже, обычно приобретает для подарков в дни рождения. И еще учитывается мода. Как гонялся Александр Александрович за пушистыми меховыми шапками и тельняшками, когда они вдруг начали пользоваться у воспитанников особым спросом! Всем купить не удалось, поэтому такими обновками премировали лучших.

А в прошлом году в интернат набрали дошкольную группу. И Католикову пришлось трудно. Как отцу, у которого появляется младенец, а остальные дети давно уже выросли и он не помнит, ни как кормить его, ни как пеленать, ни как успокоить. Под Новый год они с женой пошли по магазинам, чтобы выбрать каждому малышу подарок и положить его под подушку. Как делают дома.

И все-таки дома им очень не хватает. До проведенной в 1978 году реорганизации школ-интернатов не было дня тяжелее субботы. Потому что суббота проводила четкую и жестокую грань между ребятами, имеющими дом и не имеющими его. Первых туда отпускали, а вторые плакали или просто заметно грустили. Хотя первые нередко возвращались с синяками и без пальто, которое отец успевал пропить за здоровье сына и с ним вместе, или говорили порой: «А ведь знаете, мы там никому не нужны».

Как раз тогда и возникла мысль у жены Католикова, Лии Васильевны Плаксиной, заведующей кафедрой педагогики Коми педагогического института, привозить по субботам в интернат студентов. И действительно, с их появлением стало как-то веселее, и скоро многие ребята не хотели идти домой, даже если за ними приходили родители. Сейчас в студенческом педагогическом отряде семьдесят человек. Одни ведут кружки, другие работают с отставшими в умственном развитии детьми. В каждом интернате есть дети, которые не говорят до семи лет. Поэтому любая первая их фраза — большая радость. Даже такая: «У меня нет одного папки. Сначала мамка жила с дядей Петей, потом с дядей Сашей».

После реорганизации в интернате практически не осталось «домашних» детей. Многие попадают сюда из детского дома и, значит, вообще не помнят, что такое жить в своей квартире, иметь свою, детскую, комнату. И тем острее воспринимаются ими случайно увиденные на улице окна, за которыми вечером собирается семья. И тем праздничнее для них, особенно малышей, тот день, когда они с гордостью говорят: «Мы были дома» — это когда побывают или у завуча Зинаиды Викторовны Егоровой, или у самого директора.

Долгое время, может быть, просто оправдывая отсутствие возможности селить ребят в маленькие комнаты, говорили, что им нужны как раз большие спальни: так, мол, дружнее они растут. А в интернате Католикова шла перестройка верхнего этажа. Когда появлялся кто-нибудь из ответственных сотрудников министерства, его наверх не пускали под разными предлогами. А повели только тогда, когда смогли убедить, что дома дети не живут по двадцать человек, что им нужен уют. Больше того, долгое время существовало правило, согласно которому мальчики и девочки должны жить на разных этажах. Но ведь в семье-то они живут рядом. Пусть и здесь, в интернате, мальчики учатся у девочек аккуратности, пусть чувствуют, что они сильнее, и в общих гостиных, где стоят телевизоры, уступают девочкам кресла. Это важно еще и потому, что в семьях, где росли эти мальчишки, они не могли получить урока хорошего отношения к женщине — пусть получат здесь.

И еще есть у Католикова два простых правила, которыми он постоянно руководствуется: это воспитание у подростков любви к природе и желания трудиться, работать сознательно для себя и для того, кто рядом с тобой.

Работать его ребята любят. Лета все ждут с нетерпением, потому что интернат выезжает в Межадор, на дачу, где каждого ждет его дело. Ребята пашут землю на тракторах, не только выращивают около двадцати сортов картофеля и трехсот сортов цветов, но и ведут наблюдения за ними, а потом посыпают результаты на ВДНХ. Пятьдесят воспитанников уже награждены медалями «Юный участник ВДНХ». Секрет этих успехов прост: ребята ощущают свою самостоятельность и потому работают заинтересованно и осознанно. Труд каждой бригады из пяти-шести человек — частица общего труда всего коллектива. Если у Кати Безносиковой, главного цветовода, вдруг начинают чахнуть гладиолусы, она не пойдет жаловаться Александру Александровичу, она знает, что гладиолусы плохо полили, а виноват в этом бригадир поливальщиков, или та бригада, которая устанавливала оросительную систему, или, может быть, даже кладовщица, которая дала дырявые шланги.

И не случайно у выпускников интерната не возникает вопроса, куда пойти учиться — они знают об этом задолго до окончания школы. Та же Катя хочет заниматься цветоводством и дальше. Любители походов на моторных лодках пойдут в речное училище. Петька Кетов метит в капитаны. Кто-то видит себя механизатором. А Таня Михайлук и еще несколько девочек поступили в 1979 году в Нарьян-Марский зоотехнический институт.

Дело в том, что у интерната уже несколько лет есть свой зоопарк, и в нем живут сто зверей пятнадцати видов. Это кролики, куры, овцы, лошади, лоси, орел. Был даже когда-то медведь. У многих из этих животных сложные судьбы. Лошадь Смугланка, которую отдал интернату совхоз Межадорский, — круглая сирота. Лосиху Майку полугодовалым младенцем нашел на затопленном острове охотник. Как она попала туда и где ее родители, узнать не удалось. Орел Гордый сидел почему-то на железнодорожном полотне, когда его увидел машинист электровоза. Он взял орла с собой в поездку, а потом принес ребятам. Так и неизвестно, почему сильная, здоровая, как выяснилось, птица не улетела туда, увидев огни поезда.

Живут в зоопарке птицы и звери с загадочными и вполне обычными судьбами, и за каждым животным ухаживает тот из ребят, кому удалось найти с ним «общий язык». Все остальные ребята то хлеб притащат своим питомцам из столовой, то конфету. И еще удовольствие получают оттого, что трят свою ласку и заботу на «братьев наших меньших».

Вот так живут и растут католиковские дети. Как в большой дружной семье. И есть им о ком заботиться. И есть у них любимые занятия. И профессии они себе выбирают не случайно. А Католикову хочется заглянуть поглубже им в души и понять, что они все-таки чувствуют и думают, насколько настоящи их увлечения и заботы, какие люди из них вырастают. Ведь как-никак, а семь лет уже работает он в интернате, и пора уже, думает он, что-то итожить, делать какие-то обобщения.

Кто-то из друзей-педагогов рассказал ему однажды о своей поездке в Павловск, в школу, где несколько лет назад директорствовал В. А. Сухомлинский. Поехал туда для того, чтобы самому понять, в чем же заключались педагогические секреты замечательного учителя и воспитателя юношества. Он очень обрадовался, когда случайно оказался в автобусе с бывшими учениками павловской школы. Те возвращались с работы, о чем-то весело беседовали и с удовольствием познакомились с приезжим. Когда они вышли, педагог задумался: «А что же в них особенно, в этих веселых и остроумных парнях?» И только спустя много времени его осенило: «Господи, да они же простые трактористы. А разве я видел когда-нибудь таких трактористов?»

Так вот в чем смысл работы педагога, подумал Католиков: Чтобы твоих учеников узнавали. Чтобы они, обыкновенные в общем-то люди, все же чем-то отличались: может быть, были бы немного добрее, жизнерадостней, трудолюбивее, чем другие. Чтобы никогда не забывали тех людей, которые вывели их в люди.

Они уже и сегодня перестали отделять его от своей жизни. Вот он выходит из кабинета неторопливо, как всегда (не потому, что некуда спешить, а потому, что авария все же не прошла бесследно), прощается с ребятами. А они спрашивают: «Разве вы уже уходите?» Он непроизвольно смотрит на часы: без четверти девять. «Но ведь отбоя-то, Александр Александрович, еще не было».

Он крепко связан с ними. И давно уже нет в его жизни ничего другого, кроме интерната, его воспитанников и забот о них. Даже вечером, уже дома, когда Католиков пьет виноградный сок, он обязательно спрашивает жену, где она его купила и сколько он стоит — надо бы таким соком малышей напоить. Потом он вспоминает, что рядом со школой планируется возвести высотные жилые дома, а у школы совсем нет территории, и намечает, что завтра обязательно пойдет к главному архитектору города и разобъется, а докажет, что детям нужен и просторный школьный двор, и спортплощадка, и зеленый уголок.

И дома действительно отдохнут, потому что знают, что он, Католиков, силен, но не сам по себе, а именно с ними. Не от природы, а от мысли, от убеждения, что есть у него то, во имя чего стоит жертвовать собой, бороться и побеждать.

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В ОПЛАТУ ДОЛГОВ— ЖИЗНЬ

Тошико Кобаяши нашли в пригородном парке Токио: он был избит, на теле следы пыток. Врачи спасли его, но, прия в сознание, он отказался сообщить, кто его мучил. Боялся...

На третий сутки неизвестные лица похитили его ночью из больницы, и полиция вскоре обнаружила труп.

Вначале предполагали, что Тошико стал жертвой какой-либо молодежной гангстерской банды. Лишь позднее выяснилось, что он являлся членомтайной организации ростовщиков, боссы которой—очевидно, в назидание другим—его «наказали».

Предполагается, что в Японии свыше 170 000 человек «одолживают» деньги под ростовщические проценты (до 3 процентов в день). Объединены ростовщики в полутайные организации. Для «обработки» неплатящих должников они имеют специальных людей, одним из которых и был двадцатилетний Тошико. Он получал от своих боссов адреса должников, посещал их и предлагал как можно поспешнее уплатить долг, если они не хотят, чтобы с их детьми произошел какой-нибудь несчастный случай, или чтобы у них «случайно» сгорел дом... А если платить было нечем, то угрозы сменялись соответствующими действиями.

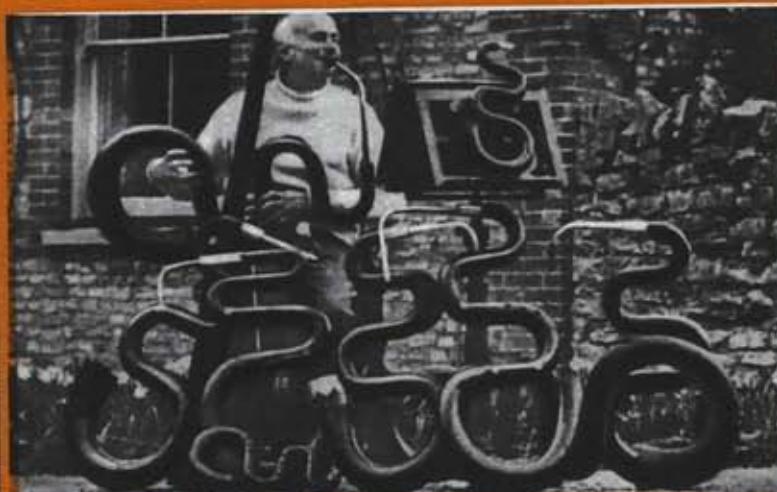
Тошико провел более года на этой страшной «работе», но потом его нервы не выдержали, и он решил покинуть организацию. Кобаяши заплатил за это жизнью. Полиция не разыскала его убийц, как не выяснила подоплеку сотен самоубийств, убийств и исчезновений «маленьких» людей, которые заплатили за неоплаченные долги жизнью...

«МАДЬЯР ИФЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

УКРОТИТЕЛЬ «МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗМЕЙ»

Кристофер Монк, английский историк, исследуя культуру европейского барокко, открыл весьма любопытный, основательно забытый музыкальный инструмент, напоминающий внешним видом извивающуюся змею. Инструмент этот изготавливался из глины и использовался в королевских и кафедральных капеллах. Монк соорудил вариант этого инструмента и исполнил на нем музыку к нескольким фильмам. «Музыкальная змея» имела успех: сегодня у Монка ее наперебой заказывают оркестры, в репертуаре которых произведения эпохи барокко. Около пятидесяти «змей» в год рассыпает заказчикам созданная Монком мастерская.

«ШТЕРН», ФРГ

ОСТОРОЖНО: ПИРАТЫ!

Оживление пиратства в Юго-Восточной Азии явилось побочным результатом многолетней американской интервенции во Вьетнаме. В районе Индокитая в ту пору «забыт» источник приобретения сравнительно дешевого оружия американского производства. Отсутствие в местах рыбной ловли вьетнамских судов привело к увеличению спроса на рыбу и повышению цен на нее на рынках. Едва только цены на рыбу возросли на 300 процентов, как рыбаки этого бассейна превратились в объект пиратских налетов: грабя и рыбаков и продавая уже пойманную рыбу, легче сколотить состояние, чем добывая ее из моря.

В Малаккском проливе пираты с Суматры захватывают суда рыболовного и каботажного флота. Грабители из Малайзии (а также Кампучии в пору хозяйствичанья «красных кхмеров») нападали на вьетнамские джонки в Сиамском заливе. Иные японские судовладельцы сочли ак-

ваторию к югу от Филиппин настолько опасной, что приказали своим капитанам, следующим в Индонезию, огибать эти воды с запада. Недавно заход в Целебесское море был запрещен также и туристским судам, совершающим рейсы из Гонконга и Таиланда на «райский остров» Бали.

Сабли и прочие атрибуты пиратов прежних времен канули в вечность. В распоряжении азиатских пиратов нашего времени — американские автоматические винтовки, гранатометы, противотанковые снаряды и быстрые моторные лодки.

Бывает, что пираты нападают и на крупные грузовые суда. В море Сулу две небольшие вооруженные лодки подошли к либерийскому торговому судну «Рио Колорадо». Огнем автоматических винтовок и гранатами пираты проложили дорогу к трюму и разграбили груз.

В начале этого года судно под флагом Панамы село на мель у

В государстве— сто человек...

Это мини-государство (иначе его, право же, не назовешь) расположено в западной части австралийского континента. Возникло оно довольно странным путем. В 1969 году правительство Австралии, озабоченное проблемой перепроизводства продуктов питания, установило для большой категории фермеров значительно более низкий лимит производства пшеницы, чем в предшествующие годы. А вот фермер Леонард Кэсли получил в тот год урожай настолько высокий, что создавшееся положение показалось ему абсурдным. В запальчивости он публично заявил о своем категорическом несогласии с решением правительства и пригрозил выходом из Австралийского Союза. Сказано — сделано: Власти были послан соответствующий документ, удостоверявший возникновение нового независимого государства.

Итак, фермера Леонарда Кэсли больше не стало: в на свет божий появился «Его королевское высочество князь Леонард, правитель земли, защитник веры и традиций земли Хатт-ривер». Его королевское высочество тут же пустилось в судебные тяжбы с правительством, искусно пользуясь лабиринтами сложного и запутанного британского права, доныне действующего в Австралии. После затяжных пятилетних процессов власти маюнули рукой на строптивого фермера и оставили его в покое, признав (чтобы отвязаться!) суверенные права новоявленного «княжества Хатт-ривер».

Вначале в «княжестве» жило 30 человек, впоследствии же население возросло до сотни. Было создано собственное правительство, состоящее из трех мини-

стров — иностранных дел, финансов и почт (точнее — почты; ибо налицо лишь одно почтовое отделение). Министерство иностранных дел ведет процессы и переговоры с центральным правительством, а также наблюдает за деятельностью своих почетных консулов в двадцати странах

мира. Правда, почетные консулы никогда не бывали в Хатт-ривер, но зато пользуются правом украсить свою визитную карточку замысловатым титулом (для представительства в обществе сnobов это деталь немаловажная!).

Вначале «князь Леонард» намеревался построить пограничную заставу, но население начало роптать так как, несмотря на неважные дороги, сюда ежегодно наезжает до сорока тысяч туристов со всей Австралии. Поэтому правитель распорядился заставу не строить, а поставить еще один киоск с сувенирами. К услугам туристов здесь сейчас имеются отель, универмаг, цирков и даже аэропорт, на который дважды в неделю прилетает рейсовый самолет из расположенного в шестикилометрах Перта.

«МАГАЗИН ПРО КАЖДЕГО»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЛИНКОРЫ на металлом

Более 127 тысяч тонн высококачественного металла стоимостью около 16 миллионов долларов ржалево в течение шестидесяти лет на дне морского залива Скал-Флоу на Оркнейских островах, возле восточных берегов Шотландии. Это останки боевых кораблей кайзеровской Германии, затопленных в 1919 году спустя семь месяцев после окончания первой мировой войны и капитуляции Германии. Среди кораблей — тяжелые линкоры «Кёниг», «Маркграф» и «Кронпринц Вильгельм», каждый водоизмещением в 25 тысяч тонн.

Сейчас в заливе начались работы по подъему этих кораблей со дна моря — для использования в качестве металлолома. Вся операция, даже при самых современных методах спасательных работ, обойдется минимум в 5 миллионов долларов. Водолазам часто придется вести работы на глубине более 50 метров. Поскольку огромные бронированные морские чудища невозможно целиком поднять на поверхность, их будут разрезать с помощью сварочных аппаратов или рвать на части взрывами.

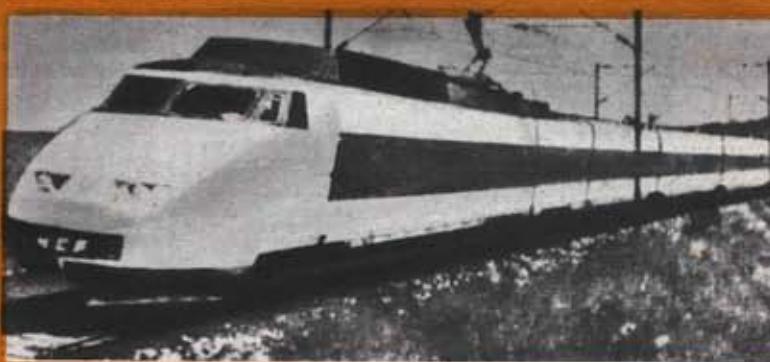
«МОЖЕ», ПОЛЬША

«ТАЙМ», США

РЕКОРД ПО РАСПИСАНИЮ

Франция стала обладательницей самого быстрого пассажирского поезда в Европе, движущегося с рекордной скоростью 280 км в час. Электропоезд будет курсировать между Парижем и Лионом, расстояние между которыми составляет 429 км. Время в пути — меньше двух часов...

— ЮМАНИТЕ, ФРАНЦИЯ

Футбольный марафон

В Новой Горице (Югославия) состоялся «футбольный матч века». Местные футболисты привлекли соперников из соседнего городка и провели с ними поистине марафонскую встречу. По первоначальному плану она должна была продолжаться «лишь» сто часов, но футболисты так увлеклись игрой, что встреча продолжалась 101 час, то есть 6060 минут. Играли они беспрерывно и днем и ночью, забивались великолепные голы. Конечный результат был 1286:731 в пользу футбольистов Новой Горицы. Разумеется, играли не одни и те же двадцать два футболиста, спортсмены постоянно менялись, всего выступили 64 игрока, которые после 90 минут, проведенных на поле, отдыхали. Участники марафонской встречи в перерывах съели 170 килограммов фруктов и выпили 700 литров чая. Марафонский матч наблюдало 1500 зрителей, но они не были столь выносливы, как игроки, — почти все на ночь отправлялись домой спать и возвращались на стадион утром. Лишь несколько самых стойких болельщиков постанили около поля палатки...

— ХОРИОНТ, ГДР

СПЕКТАКЛЬ В БАССЕЙНЕ

В Майами (штат Флорида, США) гвоздем летнего сезона явилось выступление 22-летней Эн Руджеро в компании акулы. Затаив дыхание, наблюдали тысячи зрителей за рискованным спектаклем. Он разыгрывался в большом застекленном бассейне с Эн и акулой по кличке Майк в главных ролях. Акула послушно выполняла вместе с дрессировщицей серию захватывающих номеров.

— МАГАЗИН, РУМЫНИЯ

ТЕАТР ПИНИККИ

В нескольких километрах от центра финского города Тампере, в парке Пинникки, находится один из самых примечательных театров мира. Популярностью он обязан не своим размерам — он вмещает всего несколько сот зрителей, и на его сцене никогда не выступала какая-нибудь из признанных звезд европейского театра. Просто в Пинникки — единственный театр в мире с врачающимся зрительным залом. Декорации — расставленные по кругу несколько макетов деревянных домиков и хозяйственных построек, а «рамка» — сосновый лес и крутой берег озера Пихаярви. По мере надобности «блудце» со

зрителями поворачивается вокруг собственной оси и останавливается перед необходимым макетом. У театра Пинникки нет крыши, это летний театр. Здесь играются традиционно популярные в Финляндии народные пьесы. О натуральных эффектах, таких, как ветер или дождь, заботится природа, гардеробы артистов и гримерные размещаются в скромном домике. Единственной уступкой в пользу техники, кроме самого врачающегося зала — механизма, являются прожекторы — благодаря им становятся возможными вечерние спектакли.

— ЕУРОПЕО, ИТАЛИЯ

ГАЛЕРЕЯ КАМЕННОГО ВЕКА

На территории штата Квинсленд в северной части Австралии, недалеко от населенного пункта с назначением Лора, на скале обнаружена огромная картичная галерея. Ряд наскальных изображений общей длиной 33 и высотой 3 метра располагается так, что заметить их можно только с высоты птичьего полета, с теми же же видно лишь с небольшого расстояния. Пилот, открывший галерею, много лет пролетал над этим районом, не разглядев картины на скале.

Точное место находки не предавалосьгласности, чтобы защитить картины от туристов. «Галерея» представляет собой 400 отдельных изображений: фигуры людей и животных (бенгальскую, эму, змеи), а также длинноруких духов. У подножия скалы обнаружены каменные орудия и минеральная краска — охра. Несомненно, что частично покрывающие друг друга наскальные картины относятся к различным периодам. Самые древние из них — не менее 12 тысяч лет (согласно последним исследованиям, переселенцы появились на австралийском континенте 35 тысяч лет назад). Самые поздние рисунки около столетия. На них отсутствуют изображения белых иммигрантов (белые люди живут в этой местности с 1870 года). Считают, что прибытие золотоискателей привело к изгнаниюaborигенов. Обнаруженная наскальная картина галерея значительно превосходит по своим размерам известные наскальные галереи в Европе, Африке и Америке.

— ОРБИТА, БОЛГАРИЯ

КОГДА ПЕШЕХОД — ЛОСЬ

Каждое десятое транспортное происшествие на лесных дорогах Северной Норвегии вызывают лоси. Сейчас здесь ввели интересную новинку: установили специальные сигнальные устройства. Когда лоси подходят к дороге, чувствительный кабель, зарытый в землю, немедленно зажигает для водителей красный свет. Автомобили останавливаются, и лоси могут безопасно перейти через шоссе.

Уже первые недели показали: в местах с сигнальным устройством было вдвое меньше транспортных происшествий — по вине лосей.

— ТЕХНИЧЕСКАЯ НОВИНА,
ЮГОСЛАВИЯ

КАК БРОСИТЬ КУРИТЬ

Ученые из университета штата Небраска (США) нашли, как утверждают, новый биохимический метод помочь людям избавиться от пристрастия к курению. Они предложили в качестве лекарства... обыкновенную двухгексисную (пищевую) соду. Еще до этого психолог Стили Шехтер из Колумбийского университета установил, что лица, имеющие высокий уровень кислотности, обычно курят больше по сравнению с теми, у кого он ниже. Прием соды снижает кислотность. Для проверки гипотезы были отобраны 88 добровольцев, которых разделили на три группы по полу, возрасту и количеству выкуриваемых сигарет. Первая группа принимала ежедневно четыре грамма соды, вторая — полтора грамма витамина С, в третью не принимала ничего. Результаты такие: первая группа — «содовая» — уменьшила потребление табака до 0,14 сигареты в день, в то время как другие группы остановились на 7,8 сигаретах в день.

Хотя проведенные опыты еще не доказывают, что двухгексисная сода полностью излечивает злостных курильщиков от их пагубной привычки, однако она может помочь им бросить курить — при желании, разумеется. Важно иметь в виду: прием соды вреден для лиц, страдающих гипертонией, для остальных же совершенно безобиден.

— РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ,
США

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

РОМАН

Во время завтрака Женис изучил дорожную карту. Он мог подъехать к Гийозу с севера, насткнуться на менее строгих жандармов.

У последнего перекрестка, не доехав поселка, он опять увидел надписи, чуть подальше—еще одного дорожного рабочего, который его пропустил, однако внимательно посмотрел на номер его машины. Но перед самой деревней выстроились десятки машин. Группа с местного телевидения, должно быть, тоже находилась здесь, потому что у бывшей прачечной стоял специальный грузовик. Жандармы держались в стороне. А по улице, все еще загороженной обгоревшей цистерной, человек сорок ходили взад-вперед, спорили, фотографировали. На Жениса никто не обратил внимания. Он бросал взгляд на развалины каждого дома, пока не заметил среди разного мусора жалкие остатки грузовичка «рено».

Он расчищал заднюю часть кузова, чтобы разобрать номер, когда почувствовал чье-то присутствие у себя за спиной. Это был элегантный мужчина в пальто из вигона.

— Вы что-нибудь ищете?
— Пытаюсь прочесть номер этой машины.

— Вы чей-нибудь родственник?

— Нет, никоим образом. Но эта машина, если это та самая, была продана в кредит, а общество не получило за нее последний взнос...

— Вам нечего здесь делать,— сказал незнакомец.

Женис Монтель вздохнул:

— Я прекрасно это знаю, но как только мне удастся прочесть номер, я уйду. Не принимайте меня за мародера... Впрочем, здесь и грабить-то нечего.

Он принял молчание мужчины за разрешение продолжать свое занятие, ногами скинув штукатурку, вытер табличку с номером. Краска на цифрах слегка расплылась, однако это был тот самый грузовичок «рено». Женис разочарованно вздохнул.

— Вы закончили?

— Теперь речь пойдет о страховке. Кто будет платить? Нефтяная компания должна нести ответственность, а?

— Автосистема была украдена.

— Украдена? Вот те на!

Следуя за незнакомцем, Женис вышел из развалин.

— Воры, вероятно, сбежали?

— Кто сказал «воры»? Возможно, вор был всего один.

— Да, разумеется.

Женис закурил, глядя на почерневшие и еще дымящиеся останки дома, пошел взглянуть на цистерну—виновницу драмы. Он отметил, что она принадлежит Лионской нефтяной компании. Понесет ли она ответственность, несмотря на кражу? Бродя по поселку, Женис почерпнул кое-какие сведения. Он узнал, например, что вдова Пьера Давьеца отказалась лечь в больницу и вернулась домой. Потом, заметив, что несколько человек наблюдают за ним, следят за каждым его жестом, он предпочел вернуться в машину. Здесь он достал из портфеля папку с делом Давьеца.

— Черт возьми!

Давьец уже год как расстался с женой. Она работала учительницей в пригороде Лиона.

— Расстался, но не развелся... Если только с тех пор...

У него оставался шанс... В любом случае грузовичок был наверняка застрахован на случай кражи и пожара. Таковы были условия кредитного договора. Возможно, хитростью ему удастся получить назад несколько взносов и добиться передачи прав на получение компенсации за убытки от пожара. Финансирующее общество наверняка заплатит ему неплохие комиссионные.

В 16 часов Женис вошел в служебное здание В. Р. Н. и направился прямо к электронной картотеке. Но вдова Пьера Давьеца никаких сведений не было. Учитывая, что они не жили вместе, она не давала поручительства по кредитному договору. Автомобиль стоил 12 000 франков. Давьец внес 3000

и взял кредит на 18 месяцев для погашения оставшейся суммы. Каждый месячный взнос равнялся 600 франкам, а он заплатил всего за два месяца. Женис подсчитал, что, если вести дело с умом, он сможет получить две или три тысячи франков; стоило попытаться. Не жаль потратить на это несколько часов. Тем хуже, если ничего не получится.

Женис зашел к Мирей, одной из секретарш; у нее непременно был какой-нибудь знакомый в каждом учреждении. Мирей согласилась позвонить в учебный округ, чтобы уточнить сведения о мадам Давье. Не стесняясь, Женис взял отводную трубку. Мадам Давье носила теперь свою девичью фамилию—Руссе и работала в школе в Крепье-ла-Пап. Но собеседник на другом конце провода отказался сообщить ее домашний адрес.

— Тем хуже,— сказал Женис,— придется съездить в эту школу.

— А про рождественские каникулы вы забыли?
— Ну кто-нибудь там будет,— предположил Женис, полный оптимизма.

Он разыскал привратницу, которая вначале решительно отказалась ему.

— Я не имею права давать адреса. Напишите записку, а я передам, когда начнутся занятия.

— Будет слишком поздно,— сказал Монтель.

Быть может, кредитка убедила бы ее, но Женис не хотел трястись зря. Он предпочел сорвать.

— Вы знаете об этой ужасной драме, о поселке, сгоревшем в департаменте Эн? Среди жертв был ее муж. Я должен как можно скорее повидаться с ней.

— Ее муж? Бедняжка. Они не жили вместе, но все равно. Что вы, в сущности, от нее хотите?

— Компания, которой принадлежит цистерна, обязана будет выплатить крупную сумму за понесенный ущерб. Но вдова должна срочно предпринять кое-какие действия.

— Вы представляете семьи пострадавших?

Он скорбно наклонил голову, и привратница отправилась на кухню искать адрес.

— Спасибо,— сказал Женис,— вы оказываете ей огромную услугу.

Клер Руссе жила в муниципальном доме через две улицы от школы. Но Женис тщетно звонил у ее дверей. Он позвонил в соседнюю квартиру. Дверь открыла маленькая девочка, и тут же вышла ее мать.

— Она, наверное, у своей матери, бедняжка... Сегодня утром она забежала на минутку, оставила мне ключ от квартиры. У меня где-то должен быть точный адрес ее матери.

Женщина с трудом его разыскала, и, наконец, адрес оказался у Жениса. Уже стемнело, когда он вновь сел за руль своей машины. Туман затруднял движение, и Женис потратил три четверти часа, чтобы добраться до бульвара Круа-Рус.

Крупная женщина с расстроенным лицом открыла ему дверь.

— Вы не можете зайти в другой раз? Моя дочь не в состоянии принять вас сегодня.

— Позвольте себе быть настойчивым. Было бы лучше побыстрей урегулировать это дело... Знаете, эти кредитные общества не церемонятся, и у вашей дочери могут быть неприятности.

— Но она рассталась с мужем.

— Лишь фактически, но она отвечает за его долги.

Это замечание, кажется, вызвало раздражение толстой женщины. Она ввела Жениса в мрачноватую столовую. Когда появилась Клер Руссе, он был поражен ее свежей красотой. У нее были светлые волосы необычного редкого цвета с каким-то бежевым оттенком и с таким же оттенком глаза.

Она молча выслушала Жениса, и у него создалось впечатление, будто она сразу же заподозрила его в желании смошениничать.

— Что вы, в сущности, хотите?

— Получить задолженность и взнос за этот месяц.

— Когда срок платежа?

— 20-го,— уныло ответил Женис.

— Сегодня еще только 21-е.

— Я знаю, но если вы меня не послушаете, вам придется платить, пока страховая компания не возместит стоимость машины... Кредитному обще-

ству. Вы выложите деньги, которые вам будет трудно получить назад.

— Но я вам заплачу за два месяца,— сказала Клер.

Он должен был сообразить, что, расставшись с мужем год назад, она не испытывала безумного горя и была не в таком отчалии, как он предполагал. Психологический просчет.

— На какую сумму каждый взнос?

— Шестьсот франков.

— Значит, это составит 1200 франков? Я предполагаю подождать.

— Вы делаете ошибку. Кредитное общество немедленно примет соответствующие меры, и вы будете вынуждены заплатить, включая расходы, которые это повлечет за собой.

— Что вы мне предлагаете?

— Вы заплатите два взноса и откажетесь от страховой премии. Через некоторое время вы получите назад эти 1200 франков.

— Но мой муж уже заплатил несколько взносов, не так ли?

Хотя Женису это и так было известно, он поклонился в портфеле, прежде чем объявить:

— Он внес деньги за два месяца.

— Этую сумму мне тоже возместят?

— Этого я не знаю, но предполагаю, что да,— произнес он со всей возможной уверенностью.— В любом случае не забывайте, что страховая компания учитывает лишь расценку «Аргус». Я вам предлагаю очень выгодный вариант.

— Я подумаю,— сказала она.

Будучи человеком проницательным, Женис понял, что настаивать бесполезно, это было бы ошибкой и вызвало бы у нее недоверие.

— Отлично понимаю. Сожалею, что досаждую вам в такой момент, и прошу вас меня извинить. Я оставил вам свою визитную карточку. Вы можете мне позвонить.

Клер взглянула на карточку, и выражение ее лица изменилось. Женису показалось даже, что ее полные губы сложились в презрительную гримасу.

— Вы работаете в В. Р. Н.?

— Да,— ответил он, чувствуя неловкость.

— Я знаю людей, которые имели дело со следователями из этого общества,— произнесла она сухо.

Он хотел бы объясняться, оправдаться, но вдруг понял, что лишь усугубит свое положение. Он не использовал в работе грубые методы, подобно некоторым своим коллегам, но тем не менее прибегал к угрозам, чтобы заставить людей платить.

— Я делаю вам честное предложение,— с трудом выговорил Женис,— вы вольны согласиться или же отказаться.

Очутившись на улице, он испытал одновременно чувство облегчения и недовольства. Он хотел бы произвести совсем другое впечатление на эту молодую женщину. У Жениса не было никакого желания обедать в городе, и он вернулся к себе. Он попивал виски, когда зазвонил телефон. Женис сразу узнал хриплый голос Дардье, своего патрона.

— Монтель? Я хотел вас видеть в конце дня...

— Я не успел привести в порядок отчеты, но завтра утром...

— Бросьте дело Давье...

— Но можно получить...

— Нет... Не при этих обстоятельствах!

Женис Монтель отвел трубку в сторону и с удивлением взглянул на нее, будто подозревал, что телефонный аппарат мог самочинно преобразить обычный образ мышления Дардье.

— Считайте попросту, что дело закрыто.

— Но кредитное общество...

— Не вмешивайтесь вы в это. У меня есть его согласие.

— Вдове выплатят страховку за машину, и она получит неплохую прибыль.

— Это нас больше не касается,— сказал Дардье раздраженно.— У вас и так достаточно работы, чтобы не отравлять себе жизнь этим делом.

— Отправлять себе жизнь?

— Если вы беспокоитесь о своих обычных комиссионных, то можете не волноваться: я начислю их, как если бы вы урегулировали это дело.

— Черт побери, это рождественская атмосфера наполняет ваше сердце такой добротой?

— А почему бы и нет?— ответил Дардье.

— Отлично, больше я этим не занимаюсь.

Женис в задумчивости повесил трубку и, устроившись в кресле, отпил глоток виски. Если вдруг Клер Руссе примет его предложение, он найдет способ получить страховку. Даже если «подарят» ей два неуплаченных взноса. Над этим стоит подумать.

Но почему Дардье проявил такое великолодущие? Они не раз терзали вдовца или вдову задолжавшего клиента. Но это был единственный случай, когда шеф В. Р. Н. требовал, чтобы он закрыл дело.

Женис налил себе виски и задумался над вновь создавшейся ситуацией. Что крылось за этим необычным бескорыстием?

Глава IV

На следующий день рано утром Клер Руссе позвонил некий Антуан Пиццо. Это имя показалось ей смутно знакомым, а когда мужчина представился подробней, она вспомнила, где его слышала.

— Мой отец погиб во время пожара в поселке Гийоз, как и ваш муж. Я работаю бухгалтером в Лионе. Думаю, что мы должны организовать союз родственников погибших или что-нибудь в этом роде. Знаете, у меня создалось впечатление, что компания хочет ускользнуть от ответственности, поскольку автоцистерна была украдена, когда стояла на их складе.

— Нефтяная компания?

— Совершенно верно. Я с трудом разыскал вас... Мне сказали, что вы у вашей матери. Дети других погибших согласны на такой союз... Я знаю, что вы собирались разводиться, но вы должны подумать о своем сыне.

Клер молчала. Старик Пиццо в течение целого года вынужден был жить в одиночестве, а теперь вот его сын старается получить какую-то выгоду от его смерти. Быть может, это и омерзительно, но Клер пока не хотела делать окончательных выводов.

— Я оставлю вам свой номер телефона... Вы уже начали хлопотать?

— Мой муж еще не похоронен,—сказала она с вызовом.

— Мы хотели организовать коллективные похороны, но я только что узнал, что родители вашего мужа распорядились забрать его тело из Шаламона.

Родители Пьера позвонили накануне, чтобы спросить ее согласия: они хотели похоронить его у себя в деревне в департаменте Сона и Луара.

— Я позвоню вам,—пообещала Клер.

— Позвольте себе быть настойчивым, мадам... Эти люди проявляют такую беззастенчивость, что нельзя молчать.

После этого разговора Клер сообщила матери, что уезжает.

— Отправляясь в Сону и Луару, тебе следовало бы одеться по-другому... Вы не были разведены...

— Я еду не в Сону и Луару, а в Гийоз. Пьера я больше не нужна, и ни к чему лицемерно носить траур.

Перед уходом Клер подошла к кроватке сына и подцепила его. По дороге она заехала к себе за почтой, но подниматься в квартиру не стала. Сидя в машине, она распечатала письмо, в котором инспекция учебного округа просила ее явиться в тот же день в 14 часов на медицинское обследование в больницу «Гранж-Бланш».

«Какая чепуха,—подумала Клер,—ведь я уже делала рентген в начале года...»

Прикинув время, она увидела, что не успеет съездить в Гийоз и вернуться к 14 часам. Но в любом случае надо выяснить, в чем дело. Она хотела позвонить директору школы, но потом подумала, что он, наверное, уехал на каникулы. К тому же это был малосимпатичный человек. Клер решила, что лучше поехать в инспекцию, но здесь едва не потеряла всякое терпение: ее посыпали из одного кабинета в другой, пока одна служащая не соблаговолила объяснить, что медицинская карточка Клер, наверное, утеряна и этим вызвано повторное обследование.

— Я ничего не буду делать без одобрения профсоюза,— заявила Клер.

Но служащей это было глубоко безразлично. А Клер знала, что до конца каникул она не сможет связаться с представителем профсоюза.

Сев в машину, Клер решила неходить на обследование. Она посмотрела, когда письмо отправлено,—21 декабря. В конце концов она могла уехать на каникулы и не получить его. А о том, что она приходила в инспекцию, никто и не вспомнит. Лучше она подождет. Ведь Клер подписалась под петицией, требовавшей ограничения рентгенологических обследований, пагубно влияющих на здоровье.

Она направилась к Гийозу окольными путями, подумав, что иначе не сможет подъехали к дому Пьера, если цистерну еще не убрали. Предупредительные надписи не удивили Клер, однако присутствие жандармов перед въездом в деревню ее смутило. Желающие поглязеть на место пожара приехали из окрестных мест на машинах, но им не позволили приближаться к руинам.

Клер пришлось предъявить удостоверение личности, чтобы преодолеть полицейский кордон. Цистерна все еще была на месте, но рабочие резали ее автогеном, чтобы потом отбуксировать. Клер разрешили пройти к дому. Зачем она приехала сюда? Ничего не осталось, кроме развалин. Крыша частично провалилась, только комната Пьера висела в воздухе. Клер расчистила проход в мастерской, чтобы подойти к дверце, ведущей в сад, обернулась и увидела обуглившуюся кровать. Должно быть,

здесь пожарные подобрали тело ее мужа. Накануне она в последний момент отказалась присутствовать, когда тело клади в гроб.

— Мадам Руссе?

Толстый мужчина в пальто и черной шляпе звал ее с улицы. Он явно боялся запачкаться среди развалин. Клер хотелось бы еще взглянуть на огород, посмотреть, уцелели ли овощи Пьера. Она не собиралась их брать, просто ей было бы приятно, если бы они не пострадали от огня.

— Антуан Пиццо,—представилась женщина, ceremonio снимая шляпу.—Я звонил вам утром.

Клер овладела собой, шагая рядом с этим слегка запыхавшимся человеком, который говорил с ней по телефону о деньгах и сохранении прав. Он протянул ей вялую, будто без костей, руку.

— Никто не выжил?—спросила Клер.

— Нет, увы, нет... Под обломками найдено девять трупов. Как и следовало.

Он, кажется, бухгалтер?

— Вечером, то есть этой ночью, я видела какую-то фигуру... Белую... Я подумала, что пожилой человек мог так одеться: рубашка с длинным рукавом, длинные кальсоны...

— Мой отец спал в таком виде,—прощептал Пиццо,—но, увы, я его опознал. Он умер в своей кровати... Он носил два обручальных кольца на безымянном пальце левой руки: свое и кольцо моей матери... Мать была крупной женщиной, я в нее, а отец—худенький, поэтому он и мог надеть ее кольцо на свой палец.

— Он не обращался к врачу в последнее время?—вдруг спросила Клер.

Пиццо повернулся к ней. У него были исчезавшие в складках жирного лица глубоко посаженные глаза. Они выглядели бы неживыми, если бы не блестящие зрачки.

— К врачу? Не думаю... Он редко писал мне.

— Вы знаете его лечащего врача?

— Да, это доктор Рэйно, тоже старик. Он смотрел отца два раза в год: тот был еще очень крепок для своего возраста.

— Позавчера вечером мой муж жаловался на сильные боли в желудке... его без конца рвало... Вы не думаете, что вода в поселке могла быть непригодной для питья?

— Не знаю.

Пиццо был явно обескуражен и рассержен, что она говорит о какой-то воде, тогда как он уже выработал целую тактику, чтобы заставить страховую компанию платить.

— Простите,—переспросила Клер,—что вы сказали?

Делая вид, что слушает, она смотрела на рабочих, которые разрезали цистерну автогеном и относили куски металла к развалинам. Капитан жандармерии сказал ей, что автоцистерна взорвалась, но была ли экспертиза?

Она вновь прервала напыщенные объяснения Пиццо.

— Экспертиза?—спросил он.—Разумеется... Цистерна взорвалась, и вспыхнувший бензин брызнул во все стороны и так высоко, что попал на крыши.

Клер покачала головой:

— Нет, месье.

Он покернулся:

— Нет?

— Я не спала... Я слышала, будто идет дождь. Еще до того, как все загорелось. Я думаю, что цистерна прорыпалась в нескольких местах и облила дома. Да, именно так, словно их поливали довольно сильными струями.

— Послушайте, мадам Руссе, вы не должны говорить подобные вещи. Вы не представляете, как коварны страховые компании... Надо, чтобы все было совершенно ясно, понимаете?

— При мне цистерна не взрывалась, и я уже сказала об этом жандармам. Возможно, она взорвалась потом, когда я ехала в машине. Повторяю, я слышала, будто идет дождь. Затем сильно запахло бензином. Наконец, я успела спуститься в мастерскую мужа и опять подняться, прежде чем все вспыхнуло.

Пиццо чуть заметно надул губы. Ему все это явно не нравилось.

— Ваш муж мертв, мадам Руссе. И вы не воскресите его, потребовав, чтобы следствие учло ваши... ваши впечатления... В те мгновения вы, должно быть, обманулись.

— Я была полуслонная, конечно, но у меня не было никаких причин паниковать или ошибаться. Я подумала: «Вот те на, дождь идет». Но, поскольку туман держался всю ночь, я вынуждена была предположить, что что-то другое потоком лилось на крыши. И, судя по тому, как распространился огонь, я склонна думать, что это был бензин.

— Хорошо, хорошо,—сказал Пиццо примирительно.—Вы наш единственный свидетель, понимаете? Там, видите, это мадам Ронди с мужем. Ее родители погибли—старики Гийоме.

— У них был телефон?

— Да, был,—ответил он радостно.—Вы, наверное, звонили к нам иногда?

Клер, не отвечая, направилась к супругам Ронди. Жена, маленькая круглая женщина с покрасневшими глазами, смотрела вокруг с потерянным видом, будто ее внезапно перенесли на другой край света, в какое-то мертвое пространство. Муж со смущенным видом потирал мозолистые руки.

— Я мадам Давьер,—представилась Клер, чтобы упростить знакомство.—Мой муж часто звонил от ваших родителей.

Мадам Ронди кивнула и разрыдалась. Позднее она узнала, что ее мать нашли с телефонной трубкой в руке! Старая женщина, наверно, хотела вызвать пожарных до того, как ее захватило пламя.

— Извините мой вопрос,—проговорила Клер нетерпеливо,—но не болели ли ваши родители в последние дни?

Муж кивнул, хотел дать жене возможность высказаться, но она не смогла говорить.

— Да,—подтвердил он.—У них было какое-то желудочное заболевание... Доктор Рэйно заходил к ним, но он уже стар и лечил их древними средствами, вискумтом, еще чем-то... моя теща была очень обеспокоена, так как ее рвало кровью... Мы как раз собирались приехать с детьми на рождество... Она волновалась, выздоровеет ли.

— Отчего, по ее мнению, она заболела?

— Они думали, что съели что-нибудь неподходящее...

— Они ничего не говорили о воде?

— Нет, ничего.

— А пили они воду из-под крана?

Мужчина чуть улыбнулся:

— Минеральная вода была для них как лекарство...

Приединившийся к ним Пиццо терял терпение:

— Главное, чтобы мы проявили единодушие и твердость, отвечая на предложения страховой компании. Знаете, что они сделают? Они будут вступать в контакт с каждым по отдельности. Надо, чтобы они приняли нас всех вместе и никого не сбили с толку.

Клер достала сигареты, перехватила возмущенный взгляд мадам Ронди, но все же закурила.

— Вы были здесь в эту ночь?—робко спросил месье Ронди.

— Да...

В очередной раз Клер начала свой рассказ: больной муж, шум мотора, а потом дождя, затем пожар. Она говорила о корове, бежавшей за ней:

— Огненный шар. Она могла меня догнать, сбить с ног и упасть на меня.

— У Сегнов было еще три коровы. Летом их пасла старая тетка Сегнов, которая жила вместе с ними. Все погибло, скорело, все...

— Спрашивается, что им понадобилось здесь с этой огромной цистерной?—крикнула вдруг мадам Ронди.—Да, спрашивается. Разве нет другой дороги? А грузовики Бортелли, думаете, шли в объезд? Никогда! Они отравляли жизнь моим родителям.

— Ну, полно,—сказал ее муж,—и грузовики грохнули. Говорят, пожар устроили экологи...

— Правильно сделали,—сказала жена.—Он наказан...

— В этой трагедии он ни при чем,—заговорил Пиццо.—Знаете, нам придется иметь дело с сильным противником. Нефтяная компания утверждает, что автоцистерна была украдена... Вот если эту ужасную оплошность совершил бы ее шофер... Но страховая компания начнет к этому придраться, и нам трудно будет отстоять свои права. Надо нанять адвоката.

— Да,—сказал месье Ронди,—надо.

— А этих похитителей никто не ловит!—возмущалась его жена.—Теперь за ними уже не охотятся. Это преступники... Да, преступники, и им следовало бы отрубить голову!

— Ну-ну,—сказал муж,—не волнуйся так...

Пиццо заговорил о похоронах, которые должны состояться на следующий день. Будет восемь катафалков, сказал он. И наверняка много народа. Он, казалось, сожалел, что родные Пьера увезли его гроб.

Клер пожала всем руки, вернулась к машине. Неподалеку остановился «пежо-504», из него вышел молодой мужчина.

— Мадам Давьер, я Фарные из «Дофина»... Вы единственный свидетель этой трагедии. Я вчера звонил вам и вашей матери...

— Я была не в состоянии принять вас,—сказала Клер.

— Я только что из жандармерии. Они ждут вас, чтобы записать ваши показания...

Клер не отвечала, и он перехватил ее взгляд, устремленный на жандармов.

— Вы удивлены?

— Да, удивлена,—ответила она.

— Я думаю, не видят ли они связи между обоими пожарами: на лесопильне и этим...

Клер перевела взгляд на него.

— Вы думаете, что этот бензин предназначался лесопильне?

— Не я, а, возможно, они. Я ничего об этом не знаю. Тут в районе было несколько лесацких вылазок.

— Ваша газета не слишком нежно с ними обходитя, — сказала Клер. В тоне ее не было извинительности.

Репортер, казалось, не рассердился на нее за это замечание.

— Я помню статьи, опубликованные во время Мальвии в июле прошлого года... Я находилась там, и мне было не совсем понятно то, как вы интерпретировали факты.

— Согласен, — произнес он с полуулыбкой. — Но, может, вы мне расскажете о том, что пережили.

— Ищете сенсацию? Я еду в жандармерию.

— Я подожду вас... Вы ведь расскажете мне об этой ужасной ночи?

Клер не ответила и направилась к своей машине, но, сев за руль, не сразу включила мотор. Она чувствовала себя очень усталой. Обернувшись, она увидела, что Фарные, журналист, наблюдает за ней из своей машины. Рядом с ним сидел какой-то усач, наверняка фотограф.

Нервничая, Клер с грехом пополам развернула машину и выехала на дорогу. Меньше чем через километр с правой стороны она совершенно случайно обнаружила водоем, из которого снабжался поселок. Если бы туман был таким же густым, как в прошлые дни, она бы его, конечно, не заметила. Клер остановилась на обочине и вышла из машины. «Пеко» журналиста обогнал ее, и усач обернулся.

Резервуар находился внизу в углублении склона, по которому проходила дорога, делающая в этом месте крутой поворот. Клер спустилась и увидела, что водоем совершенно пуст. Труба, которая выходила из каменной кладки, наверное, прямо из источника, замерзла. Очевидно кто-то из жителей должен был регулярно чистить ее отверстие. Но почему водоем опустел? Может быть, оттого, что все коммуникации поселка были разрушены? Рядом находился фруктовый сад, о котором говорил Пьер. Сад был огромный. Но Пьер забыл, что в декабре за деревьями не ухаживают. Разве что я успел проникнуть через землю в источник.

Клер поднялась по склону, заметила неподалеку машину журналистов. Они, должно быть, гадают, чем она занимается. Эта слежка привела ее в ярость. Но «пеко» удалился до того, как Клер приблизилась к нему.

В жандармерии ее провели в кабинет начальника, и тот сразу же явился, застегивая ремень.

— Благодарю вас за то, что вы пришли добровольно...

Клер страшно не понравилась эта формулировка. Как будто она была преступницей, которую разыскивали.

— Вы дадите показания, а кто-нибудь из моих людей отпечатает их на машинке.

Когда Клер заговорила о дожде из бензина, они удивились, однако ничего не сказали. Выходя, она заметила журналиста, но прошла мимо и села в машину.

Глава V

Стефан бросился в объятия Клер, а мать сообщила:

— Звонили из больницы.

— Из больницы?

— Гранж-Бланш... По поводу обследования, которое ты должна была сегодня пройти... Я объяснила им ситуацию. Они пришлют еще вызов.

— Но как они узнали, что я у тебя? — спросила Клер в изумлении.

Надеясь, что застанет еще кого-нибудь из администрации, она позвонила в больницу и попросила объяснений.

— Мне неясно, как могли позвонить к моей матери, — повторила она каждый раз, как ее соединяли с новым служащим. — Вы не должны были знать номер ее телефона.

После четверти часа различных переговоров она была наполовину убеждена, что из больницы ей никто не звонил. Однако осмотр был действительно назначен на этот день на 14 часов. Спросили, не назначить ли ей другой день, но Клер отказалась. Пока об этом не могло быть и речи.

— Что все это значит? — спросила мать.

— Если б я знала.

— Может быть, в школе эпидемия? Возможно, она началась перед самыми каникулами?

— Насколько мне известно, нет.

— Еще звонили родители твоего мужа: не приедешь ли ты провести последнюю ночь у его гроба?

— Нет, — сказала Клер. — Я поеду завтра рано утром. Пьер оставался для меня только другом.

Имя мужа сорвалось у нее с языка, но Стефан дразнил кошку и не обратил на это внимания. Клер

спрашивала себя, как объяснить ему исчезновение отца. Мать перехватила ее взгляд и возвела очи к небу.

— Не устраивай драмы, — проговорила Клер.

— Когда я думаю, что и ты могла умереть там... Ты представляешь, если б я осталась с ним одна? Я уже не молода...

Клер сожалела, что решила укрыться в Круа-Рус, лучше бы она осталась в своей квартире. С тех пор, как она рассталась с Пьером, ее мать считала, что вновь обрела маленькую дочь. Порой это было весьма неприятно. Надо было во всем ей отчитываться.

— Все же тебе следовало бы поехать туда на эту ночь.

Клер села в кресло, закурила. Ей надо было подумать, разъяснить для себя некоторые вещи, но мадам Руссе хотела отвлечь ее от забот и рассказывала разную ерунду.

Значит, Гийом тоже болели, и у них были те же симптомы, что у Пьера. Впрочем, ведь сказал же ей муж, что поселок опустел в последние дни. Он не смог позвонить ей от Гийома, а должен был отправиться в Шаламон. Клер подумала, что могла бы посетить доктора Рэйно. Но он, возможно, сошлеется на профессиональную тайну.

Лучше всего записать все, что произошло с того самого вечера, как она приехала к Пьери. Клер встала.

— Пойду на минутку к себе в комнату... мне надо поработать.

— Поработать? Но у тебя еще масса времени... Разве ты не имеешь права отдохнуть, сама знаешь от чего.

Из-за Стефана мать говорила с осторожностью.

— Я недолго.

Клер начала заполнять листок школьной тетрадки. Пьер был болен, винил воду из водопровода. Он тщетно стучал в дверь к Гийоме и в течение нескольких дней не видел папашу Пишио. Он сам это сказал или она так поняла? Какие еще детали позволяли установить, что всех жителей поселка поразила одна и та же болезнь?

Клер закурила, задумалась и вдруг подскочила:

— «Мясник... Тщетно в этот день мясник сигнализировал из своей машины...»

Она быстро записала ясно вспомнившийся факт.

Затем Клер тщательно описала болезнь Пьера, как его рвало, следы крови в камине и на раковине, неприятный запах у него изо рта, как будто его желудок был заполнен испорченной кровью. Что еще? Пьер говорил о машинах, неосторожно въезжавших на узкую уличку. Довольно поздно проехал грузовик лесопильни Бортелли. Как будто все.

Нет. Въезжая в поселок, она не заметила ни одного огня, подумала, что люди в темноте смотрят телевизор. А что, если все лежали в постелях больные?

Она сунула, встала, чтобы взглянуть на Пьера, опять легла. Тогда все еще стоял туман. Она посмотрела в окно. Нет, это было в другой раз, когда она открыла заслонку в печи. Затем она услышала зум глухонущего мотора.

Наконец, дождь, во всяком случае, что-то, что походило на дождь и стучало по крыше. Сначала над ее кроватью, потом смешалось. Эта деталь — если только речь шла действительно об одной детали — удивляла всех. Жандармов, капитана, Пишио, журналиста. Они готовы были думать, что ей это приснилось. Однако она хорошо все слышала, потом ощутила запах бензина, успела посмотреть в мастерской, не опрокинулась ли канистра.

— Да не приснилось мне! — воскликнула Клер.

Когда она нагнулась, чтобы завязать шнурки на ботинках, она увидела сотни капель на полу, потом ей капнуло на лицо.

Клер стала лихорадочно описывать гостиную: крыша над ней была не слишком добротной, бензин мог проникнуть в щели, а затем стечь с потолка.

— Клер, — сказала мать, открывая дверь, — к тебе гости, мадемузель Вивиан.

Клер закрыла тетрадь, вложила ее в папку и встала.

— Пусть войдет.

— Ну не в твою же комнату — в гостиную.

Мать считала, что комната, где спят, должна служить только для этой цели. Клер пришлось выйти в гостиную. Она поцеловала гостью. Колетт Вивиан работала в почтово-телефонном ведомстве. Они познакомились с Клер на собрании противников ядерных испытаний и прониклись друг к другу симпатией.

— Я принесу вино, — сказала мадам Руссе.

— Я узнала о вашем муже, — проговорила Колетт. — Это просто страшно... Я купила все газеты... Вам пришло пережить ужасные минуты.

— Не знаю, как мне удалось спастись... Если бы Пьер не был болен, может быть...

В жандармерии ей пришлось уточнить, что она

спала не в той комнате, где муж. Судя по их виду, этот факт показался им любопытным.

— Возьмите соленое печенье, — сказала мадам Руссе.

Клер скоро поняла, что подруга пришла не из простой вежливости, а хочет сказать ей нечто важное. Но ей не удалось удалить мать и пришлось проявить терпение. У Колетт, однако, был очень смущенный вид.

— На чем вы приехали?

— На автобусе.

— Я провожу вас, мне это не повредит.

— Как, ты опять уходишь? — простонала мать.

— И я с тобой! — крикнул Стефан; у него был чуткий слух, и он все слышал из своей комнаты.

Клер одела его потеплей, чтобы он не замерз на улице. На лестнице она придержала Колетт за плечо.

— Вы хотите что-то сказать мне?

— Да, но сначала сядем в машину.

Машина Клер оказалась тесно зажатой между двумя другими.

— Не знаю, смогу ли я выехать.

— Неважно, поеду на автобусе. Но все-таки сядем в машину.

Устроившись на заднем сиденье, Стефан спрашивал, почему же они не едут на прогулку.

— Один коллега по профсоюзу сказал мне об этом, — объясняла Вивиан. — Мы всегда так поступаем... Когда речь идет о ком-нибудь из наших, его всегда предупреждают.

Она понизила голос.

— Со вчерашнего утра ваш телефон прослушивается... То есть телефон вашей матери.

Глава VI

В этот день, 22 декабря, Женис проснулся с тяжелой головой. Накануне он выпил немало виски, размыслил о деле Давье-Руссе. Он смутно чувствовал, что есть какая-то возможность получить назад деньги за эту горевшую машину, но лег спать, так и не найдя решения.

Женис жил один в темной и не слишком уютной квартире в квартале Сен-Жан. Одно время некая Мишель жила с ним вместе около года, а потом исчезла. Он понятия не имел, где она находится в настоящий момент. Время от времени он приводил девок, с которыми знакомился в барах и ресторанах. Но не часто.

Самым приятным моментом в процедуре туалета было для него бритье. Он проделывал эту операцию чрезвычайно тщательно, регулярно менял лезвия, употреблял дорогой одеколон, ни в коем случае не оставлял на лице ни одной щетинки. Обычно он готовился к предстоящему дню, воображая себе ситуации, с которыми может столкнуться. Средняя норма — шесть дел в день, но иногда ему удавалось, солидно поработав, уладить и целый десяток. Тогда на следующее утро он мог поспать подольше.

Итак, несмотря на тяжесть в голове, Женис поднялся в 7 часов, взглянув в окно, обнаружил, что туман превратился наконец в изморозь. Прежде чем отправиться на работу, он заехал в главный филиал кредитного общества, где всех знал. Ему случалось обращаться сюда за дополнительными сведениями о должниках и даже сдавать досье с законченными делами.

Женис принял Жюйе, одногорий инвалид, который по сю пору пользовался деревянной ногой, поскольку так и не смог привыкнуть к протезу. Ему уже было 60 лет, однако не создавалось впечатления, будто он с нетерпением ждет пенсии.

— Вы стали делать подарки?

Жюйе поднял одну бровь — брови у него были очень густые — и ждал продолжения, подрезая ногти перочинным ножом.

— Я имею в виду дело Пьера Давье-Русса, кустаря из поселка Гийоз в департаменте Эн.

Жюйе прекратил орудовать ножом и закрыл его резким движением.

— Это тот, что погиб в пожаре?

Он взял папку с письменного стола.

— Задолженность уплачена 21-го, так же, как и взнос за декабрь.

— Кем уплачена? — спросил Женис Монтелье, не веря своим ушам.

— Профессиональная тайна, старина.

— Вы шутите?

— Совсем нет. Какая вам разница? Все улажено. Вы потеряете лишь какие-то 50 франков комиссии... Не стоит быть таким формалистом.

Женис Монтелье уселился поглубже в кресле, давая таким образом понять, что не собирается заканчивать разговор, взглянув на потолок. Его всегда интересовало, из какого материала были сделаны украшающие его завитки; наверняка не из дерева. Женис закурил.

— Автомобиль уничтожен полностью. Страховка будет выплачена.

— Ну, значит, расчет простой. Количество взносов, умноженное на сумму. Затем произведут вычитание, и, возможно, наследники получат разницу.

— Они ничего не получат. Давьер, помимо этих двух, уплатил всего два взноса.

— Вы выступаете в защиту вдовы и сироты?

— Можно поговорить в страховой компании... Я там кой-кого знаю. Фифти-фифти, если хотите.

— Стоит пачкаться?

— По тысяче на каждого — всегда стоит. Это можно в минуту уладить... И кувшинчик божоле или два.

Жюлье любил деньги. Они с женой — владелицей парикмахерской — постоянно скапали старые квартиры, ремонтировали их и сдавали потом по очень высоким ценам. Они всегда боялись нищенской старости, и страх от такой перспективы вот уже многие годы отравлял им жизнь.

— Это верно.

— Итак, кто внес деньги? Чтобы не было недоразумений.

— Некая мадам Руссе.

— Ну да! Чек еще у вас?

Жюлье наклонился и прочел что-то в документах:

— Чека нет, внесено наличными в нашу кассу...

Датировано вчерашним числом.

— В котором часу?

— Вы слишком много требуете.

Однако он снял телефонную трубку, навел справки в кассе, поблагодарил.

— В 14 часов после открытия. Женщина средних лет.

Мать Клер Руссе? Нет, в это трудно поверить.

— Таким образом, В.Р.Н. не придется вмешиваться.

Женис Монтелье встал, пожал руку Жюлье и решил, что у него как раз хватит времени заглянуть в страховую компанию. Он действительно кое-кого там знал — человека из отдела, занимающегося такого рода делами. Но ничто не позволяло думать, что тот сможет вмешаться. Пока Женис преодолевал «пробки» в уличном движении, у него было время поразмыслить, и он решил немного подождать. Вся эта история была непонятной, а за вмешательством Дарьи, который потребовал закрыть дело, что-то кралось. Не в первый раз требовали от Жениса приостановить дело, но на этот раз Дарьи не дал никакого объяснения.

Секретарша Мирей поздоровалась с ним тоном, полным упрека, что его удивило.

— Вы сердитесь?

— Патрон отругал меня из-за вас. Вчера, когда вы заходили, я должна была задержать вас. Он хотел вас видеть, а я забыла... Вернее, я думала, что вы его видели... Поскольку вы просили меня позвонить в учебный округ... Я имела глупость сказать ему об этом после вашего ухода... Я просто никогда не видела его в таком состоянии. Я подумала, что он вышвырнет меня за дверь... Так что теперь попрошу не впутывать меня в сомнительные дела.

— Но тут не было ничего такого, — запротестовал Женис. — Я всего лишь наводил справки по работе... Черт!.. Столько шума из ничего.

Он забрал дела, предназначенные на этот день, и понес их в кабинет, который делил еще с двумя коллегами. Но они, видимо, уже отправились выполнять задания или у них был выходной, так как Женис оказался в комнате один.

В принципе он занимался департаментом Эн, но мог в случае чего работать и в Лионе. Из четырехдел, которые ему предстояло уладить, два как раз касались города. Женис пришелся навести справки в электронной картотеке, где он узнал, что один из клиентов был злостным неплатильщиком и уже получил три напоминания. На телезеркне появились более конкретные сведения о бармене Шарле Бароне. Он был замешан в кое-какие темные дела и осужден за незаконное ношение оружия. Барон купил «порш», за который каждый месяц платил очень большие взносы. Женис застыл в задумчивости перед экраном, на котором возникали строчки информации. Когда запись была окончена, он вырвал листок и захватил его в кабинет, чтобы изучить повнимательней. В настоящее время Барон работал в маленьком баре в центре города. Он начинал свой день лишь в 16 часов. До этого времени Женис мог заняться другими делами.

Первое привело его в Бург, но оно оказалось на чудо легким. Простая ошибка в бухгалтерии кредитного общества. Супружеская пара, к которой он явился, доказала благодаря почтовой квитанции, что обе задолженности погашены.

— Достаточно снять фотокопию, — сказал Женис.

Он сделал это у ближайшего фотографа. На обратном пути Женис уладил второе дело на ферме недалеко от Виллара. Крестьянин попросту забыл уплатить взнос, тут же отдал деньги и даже предложил Женису аперитив.

В 17 часов Женис появился в баре «Хоккей». Бармен, черноволосый крепкий парень с недоверчивым взглядом черных, как уголь, глаз, был на

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

месте. Женис усился, сделал заказ, достал свою визитную карточку и бумаги. Он не ожидал, что Барон так быстро поймет.

— Да, я знаю... У меня были неприятности... Но я могу заплатить... У меня даже есть с собой деньги.

Барон вытащил четыре купюры по 500 франков, выложил их на стойку.

— Я должен вам 15 франков 50 сантимов, — сказал Женис Монтелье. — И квитанцию.

— Все в порядке... Божоле за мой счет.

— Тогда повторить, и закажите, что вы хотите. Бармен облокотился на стойку, поставив перед собой апельсиновый сок.

— Кое-кто из моих приятелей служит у вас охранниками, — сказал он и назвал несколько имен. Женису все они были знакомы.

— У двоих из них будут большие неприятности, а?

— Почему?

— У Жаки и Жерара... Вы ведь знаете, они работают в нефтяной компании.

Женис слушал краем уха, потягивая божоле. Он был так доволен, что с Бароном все уладилось, что четверть часа мог послушать любую болтовню.

— Нефтяная компания, — повторил Барон. — Где укради автоцистерну, из-за которой был пожар в Гизозе... Вы что, не читаете газеты?

— Ну, конечно, нефтяная компания. Значит, Жаки и Жерар?

— Они там были, кажется, уже два дня... Временно, потому что ночные сторожа компании отсутствовали: один — в больнице, второй — в отпуске... Ну и история! Как вы думаете, у них будут неприятности?

— Возможно... Женис вдруг заторопился. — Погодите.

Барон протянул ему сдачу.

— Если вдруг В.Р.Н. понадобятся люди... Я не прочь поменять работу... Ловкости мне не занимать. В драке я не боюсь никого и...

Он понизил голос:

— В кой-каких делах на меня можно рассчитывать... Впрочем, Жаки и Жерар да и другие могут подтвердить вашему патрону, что это так.

— Подайте заявление, — сказал Женис Монтелье, пожимая Барону руку. — Наша контора все время берет кого-нибудь на работу, а вы из тех парней, которые нравятся Дарьи.

В его словах не было ни тени иронии.

Несмотря на поздний час, Женис отправился на склады нефтяной компании в порт Эдуард-Эрио. В застекленной проходной он увидел Жаки. Тот узнал его и вышел.

— Привет, Женис. Гуляешь?

На нем была голубая униформа, фуражка и на поясе крупнокалиберный пистолет в кобуре.

— Не думал, что застану тебя на месте... Я только что видел некоего Барона...

Женис рассказал, в чем дело.

— У вас будут неприятности?

— Это мило с твоей стороны, Женис, что ты

волнувшись за нас. Жерар уже делает первый обход. Шоферы как раз разъезжаются... За ними нужен глаз да глаз... А ты знал, что мы здесь? Барон все треплетесь, — заметил Жаки, явно недовольный.

— У вас действительно увели из-под носа цистерну, полную бензина? — спросил Женис, смеясь.

Но Жаки не смеялся, он смотрел на Жениса подозрительным взглядом.

— Слушай, Монтелье...

Обычно все его звали Женис. Его фамилия была довольно редкой, и ее запоминали с трудом. Обращаясь к нему так, Жаки давал понять, что он лезет не в свое дело.

— Это наше дело, а не твое...

— Не сердись. Я проезжал мимо и просто хотел узнать, не грозят ли вам неприятности... Вот и все. Ну, а если тут какая-нибудь махинация, извини, я не нарочно.

Тридцать тысяч литров, проданные даже за полцены, — это кругленькая сумма. Около 4 миллионов старых франков. Такие случаи уже были. Достаточно знать служащего на какой-нибудь уединенной бензоколонке, чье молчание полностью гарантировано. Если постараться, можно достать бензин «Эссо» на колонке фирмы «Шелл». Мелкие делишки. А потом брошенную цистерну находят где-нибудь в поле.

— Ты пришел за своей долей? — усмехнулся Жаки.

Женис изобразил огорчение.

— По чистой дружбе... Я беспокоился за вас. Но забудь это, старина. Я не из тех, кто хочет урвать кусок.

Жаки догнал его у машины.

— Ты что, рехнулся? Думаешь, мы с Жераром стали бы так пачкаться?

— Но я же ничего не сказал.

— Ты намекнул.

— Ничего подобного. Недоразумение, вот и все. Мне только интересно было знать, как могли вас одурачить... Вас обоих... Вы ведь знаете свое дело, а? Я знаю, что вы проработали здесь всего два дня, когда стибрили цистерну, но все-таки...

Женис открыл дверцу машины, но Жаки не дал ему ее захлопнуть:

— Если будешь продолжать в том же духе, с тобой может что-нибудь случиться. Есть ребята, которым это не понравится. Мы друзья. Мне хочется верить, что ты пришел без всяких задних мыслей... А если хочешь встретиться с нами Новый год, то намечается маленькая вечеринка. Мы уже закончим здесь работу.

— Я подумаю, старина, — сказал Женис, широко улыбаясь. — И пойми правильно...

— У тебя профессиональная деформация... Всюду рыщешь, везде видишь махинации... Ты должен все-таки время от времени забывать о работе.

— Отличная мысль. ЧАО.

Рисунок Александра КОВАЛЕНКО

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА

Рисунок Геннадия СВИДИЧЕНКО

Рисунок Льва ГУЛЬКИНА и Александра СОИФЕРА

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ!

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ!

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

(Продолжение.
Начало см.
в № 1 журнала).

ВТОРОЙ ТУР

1

КАК БЫ ВЫ
СЫГРАЛИ?

Какая комбинация ведет черных к успеху? (3 балла).

II
ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

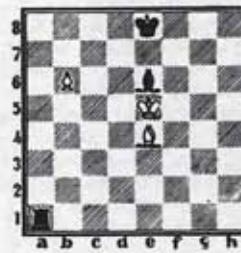
Ответы на каждое из четырех заданий второго тура надо посыпать на отдельной открытке. На ее

лицевой стороне вы аккуратно пишете адреса редакции и свой собственный, а слева вверху делаете пометку «22-я шахматная олимпиада «Смены», тур второй». На обороте открытки указывается решение (ответ), а справа вверху обязательно — олимпиадный регистрационный номер отправителя. Эти номера жюри сообщит участникам в течение января—марта сего года после получения их писем на первый тур (ответы, отправленные в конвертах, написанные неразборчиво, а также без олимпиадного номера, рассматриваться не будут).

Запомните, пожалуйста, что открытки на второй тур можно посыпать до 31 марта 1980 года.

***
III

ЭТЮД—
ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые выигрывают (2 балла).

IV НАША ВИКТОРИНА

Назовите имена первых пяти чемпионов мира и годы владения ими шахматной короной. (1 балл).

НОВАЯ ПОБЕДА АНТОНИЯ КАРПОВА

Свои международные шахматные выступления в минувшем году чемпион мира завершил убедительной победой на турнире 12 гроссмейстеров в голландском городе Тилбурге. Трудное состязание Анатолий Карпов провел без единого поражения и набрал в 11 партиях 7,5 очка.

Отличным примером изобретательной игры нашего чемпиона на баталиях в Тилбурге служит его поединок со знаменитым датчанином Бентом Ларсеном.

Перед вами, читатель, сложная позиция, которая возникла после 16-го хода черных. Карпов, игравший белыми, смелоожертвовал качество (ладью за коня) и развернул наступательные действия на королевском фланге.

17. Le1:e6! f7:f6 18. Fc4:e6+ Kpg8-h8 19. La1-e1 Fb6-b4 20. h3-h4! Fb4-d6 21. Fb6-h3 e7-e6 22. h4-h5 g6:h5 23. Le1-e5 Le8-e7 24. Fh3-h4 Ld8-f8.

Ларсен упорно обороняется, однако в обстановке взаимного цейтнота (недостатка времени на обдумывание) он недооценил шансов атакующего соперника.

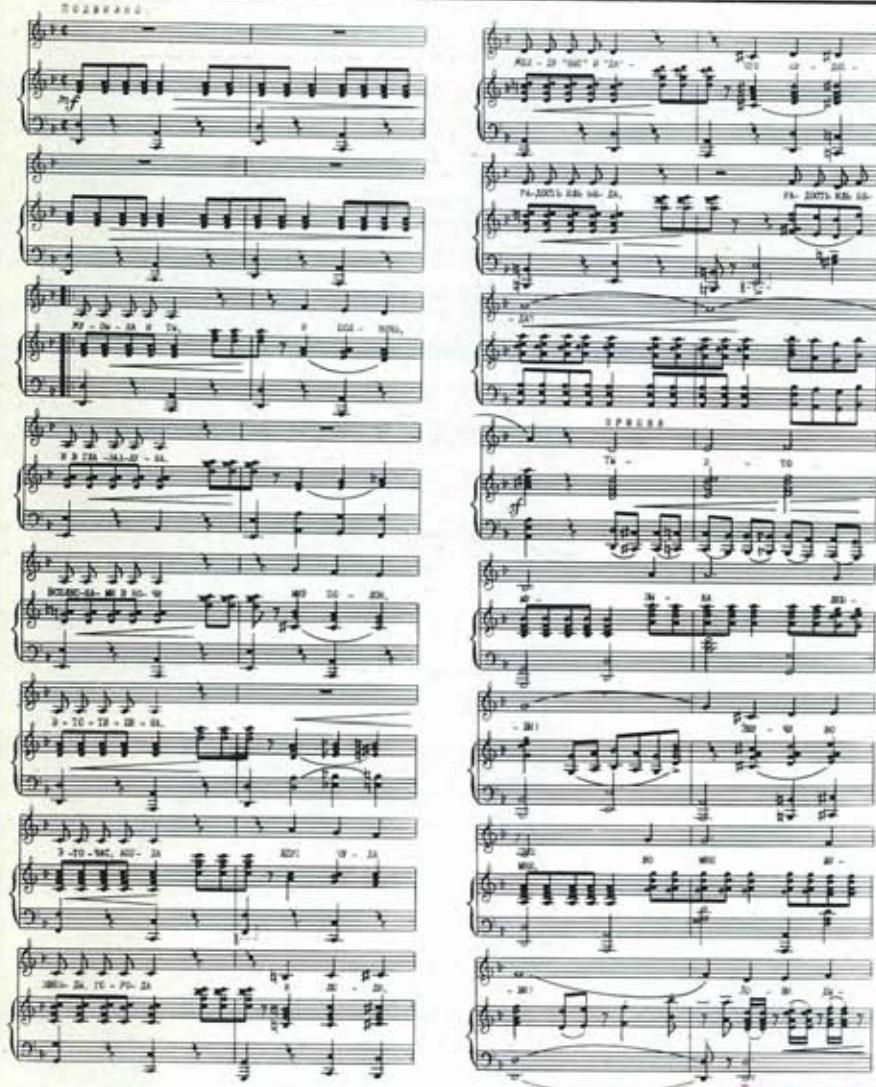
25. Kg3:h5 Kf5:h5 26. Le5-h5 Cg7-f6 27. Fh4-e4 Lf8-d8 28. Lh5-e5 Cf6-d4 29. Cb2-c1! Le7-f7 30. La5-h5 Cd4-f6 31. Cc1-e3 Cf6-d4?

Неудачный маневр, позволяющий белым создать опасные угрозы.

32. Ce3-g5! Ld8-g8 33. Kpg1-f1 cb-c5 34. Cg5-c1 Fd6-a6+ 35. Kp1-g1 b6-b5 36. Cc1-f4 b5:a4 37. Cf4-e5+ Cd4:e5 38. Fe4:e5+ Lg8-g7 39. Lh5-g5! a4:b3? 40. Fb5-b8+, и черные ввиду неотвратимого матта капитулировали.

МУЗЫКА ЛЮБВИ

Музыка Алексея МАЖУКОВА.
Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

Музыка, и ты,
и полночь,
И в глазах—луна.
Всплесками в ночи
мир полон,
Это—тишина.
Это—час, когда
ждут чуда
Звезды, города
и люди.
Между «нет» и «да»—
что будет:
Радость или беда,
Радость или беда?!

Музыка и ты—
и в мире
Вновь цветут сады.
Весны и цветы
не милы,
Если смолкнешь ты.

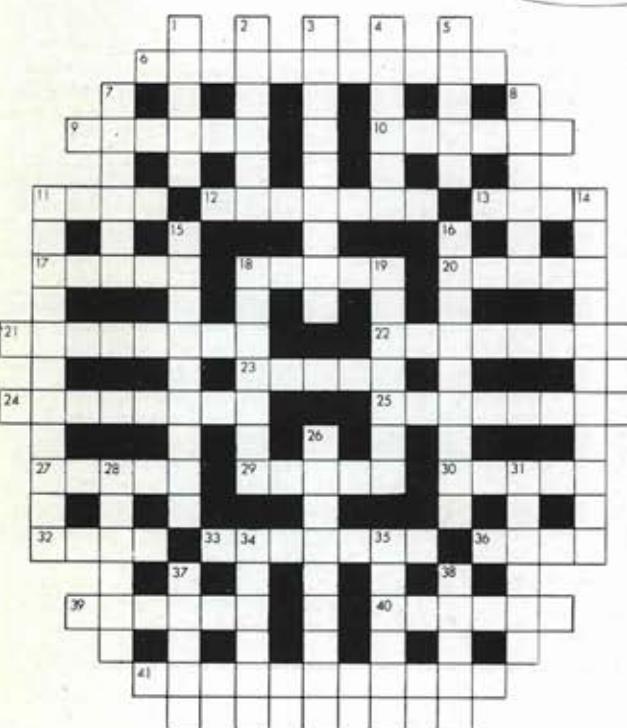
Только грянет час,
как чудо!
Музыка вдруг в нас
разбудит
Звездный час любви.
Он будет
Музыкой для нас,
Музыкой для нас!

Припев:

Ты—это музыка любви!
Звуки во мне, во мне живи.
Лови дыхание весны,
В снегах подснежником звени!
А тишина на то дана,
Чтоб ты во мне была слышана,
Как шелест трав, как шум листвы,—
Музыка любви,
Музыка любви,
Музыка любви.

КРОССВОРД

Составил В. ЯХНО,
Ташкент

По горизонтали:

6. Утверждение высшим органом государственной власти международного договора. 9. Город в Молдавии. 10. Чешский писатель. 11. Лошадь малорослой породы. 12. Ударный музикальный инструмент. 13. Зодиакальное созвездие. 17. Длинная узкая шлюпка. 18. Лососевая рыба. 20. Река в Венесуэле. 21. Металлический стержень, эталон высоты музыкального звука. 22. Спортсмен-конькобежец. 23. Русский сатирический журнал XIX века. 24. Ручное огнестрельное оружие. 25. Основная рабочая часть прядильной машины. 27. Река в западной части СССР. 29. Автомат, выполняющий в производственных процессах функции человека. 30. Герой повести А. П. Гайдара. 32. Кондитерское изделие. 33. Офицерское звание. 36. Пьеса А. Н. Арбузова. 39. Разговор между несколькими лицами. 40. Спутник планеты Нептун. 41. Геодезическая съемка земной поверхности.

По вертикали:

1. Химический радиоактивный элемент. 2. Басня И. А. Крылова. 3. Графическое изображение соотношения различных величин. 4. Ягодный кустарник семейства жимолостных. 5. Роман Т. Драйзера. 7. Писательница, автор романа «Овод». 8. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 11. Военнослужащий, охраняющий государственные рубежи. 14. Шахматистка, неоднократная чемпионка Советского Союза. 15. Певчая, плавная мелодия. 16. Персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст». 18. Медицинский работник. 19. Азбука. 26. Вид ценных бумаг. 28. Герой кинотрилогии, посвященной революционному движению в России. 31. Кристаллическая горная порода, употребляемая для архитектурных и скульптурных работ. 34. Приток Сырдарьи. 35. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 37. Советский детский писатель. 38. Мореплаватель, один из основателей Русского географического общества.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1

По горизонтали:

5. Чудаков. 6. «Муравей». 10. Прутков. 11. Прицеп. 13. Эпитет. 14. Амнерис. 16. Сувенир. 17. Трике. 18. «Предложение». 22. Ниязи. 25. Фальцет. 26. Триолет. 27. Феерия. 30. Тюлька. 31. Соколов. 32. «Телефон». 33. Корейко.

По вертикали:

1. Дульцинея. 2. Дойра. 3. Дуров. 4. Черничник. 7. Чардаш. 8. Атбаси. 9. Эфедра. 12. Пертурбация. 13. Эквалибрест. 15. «Студент». 16. Селенит. 19. Калорифер. 20. Балалайка. 21. Эффель. 23. Языков. 24. Этикет. 28. Носов. 29. Сопот.

**ПОСЛЕ ПОБОИЩА
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВОВИЧА
С ПОЛОВЦАМИ.**

"Я ТОЛЬКО РУСЬЮ ЖИЛ"

Начало на 20-й стр.

обаяния. Эта щедрая декоративность, логическая слитность облика Ивана Грозного с древней столицей привносят в картину нечто от народных песен и сказов о грозном царе. Глядя на лицо васнецковского Грозного, невольно вспоминаешь другой образ, созданный Шалапиным в «Псковитянке». О непостижимой многогранности, достигнутой великим артистом в этой роли, Куприн писал: «И странен был вид легендарного тирана... с узкоглазым, подозрительным, изжеванным татарским лицом, снедаемый сотнями хронических болезней, развратник, кровопийца, женолюб и женоненавистник, интриган, трус, умница, ханжа и безбожник».

Недаром Васнецов утверждал, в свою очередь, что в психологическом углублении портрета царя ему помогло паразитальное перевоплощение Шалапина, заставившего увидеть на сцене подлинного Ивана Грозного.

Почти все годы своего зрелого творческого пути Васнецов посвятил созданию «Богатырей». Первый небольшой набросок в карандаше был сделан еще совсем юным художником в 1871 году, и лишь в 1898 году монументальное полотно заняло свое почетное место в собрании Третьякова.

Глубоко патриотический замысел картины — представить богатырскую заставу у границ родной земли, изобразить бесстрашных защитников своего народа, зорко выискивающих, «нет ли где ворога, не обижают ли где кого», — определил особую масштабность образов и художественный строй всего произведения.

В картине нет явного действия, но все здесь пронизано внутренней динамикой, скрытой, уверенной силой.

Линейный ритм картины строг и монолитен, он объединяет изображение в единое, нерасторжимое целое. В этом поистине монументальном, эпическом творении все величественно, грандиозно: и всадники-исполны, словно выросшие из-под земли, и по-сказочному прекрасные чудо-коны, словно литье из чугуна, которых, кажется, не в силах сдвинуть с родных рубежей никакая сила, и степь, подобная океану, с набегающими волнами холмов, и светлый простор неба без конца и края, где вольно гуляет ветер, то сносящ облака в тяжелые грозные тучи, то разрывая их в клочья.

Чистота палитры, звучная и выразительная контрастность алого, черного, синего, белого, зеленого цветов рождает живописный строй «Богатырей» с искусством народных мастеров, с их радостным, чуть наивным любованием красками, органичным чутьем к декоративности.

Мужественные и непреклонные, вдохновленные своей великой миссией — неотступно стоять на страже родной земли, — такими предстают перед нами «Богатыри» Васнецова. Это замечательное творение художника-гражданина, мощное по духу,

совершенное по своим идеяным и художественным достоинствам, ставшее национальной гордостью русской культуры.

Вклад Виктора Михайловича Васнецова в отечественную сокровищницу искусства был вкладом особым — это был вклад первооткрывателя. Он проложил дорогу, по существу, новому, сказочно-былинному жанру. Вслед за Васнецовым сказочные образы обрели жизнь на полотнах и в керамике Врубеля, в иллюстрациях Елены Поленовой и Билибина, в произведениях Рериха, Малютина, Мавриной. Все эти очень разные по своему творческому мировосприятию мастера в той или иной мере испытывали влияние Васнецова.

Помимо станковых работ, Васнецовыми были исполнены великолепные росписи в Московском Историческом музее. По проекту Васнецова был создан фасад Государственной Третьяковской галереи. Поистине титанический труд вложен Васнецовым в роспись Владимирского собора в Киеве. По свидетельству Н. А. Прахова, руководившего этими

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ.

ГУСЛИРЫ.

ЗАРЕЧНАЯ СЛОБОДКА БЕРЕНДЕЕВЫ.

работами, собственноручно художником была сделана роспись, которая заняла «четыре тысячи квадратных аршин, включивших пятнадцать огромных композиций и тридцать отдельных фигур, не считая мелких изображений».

В конце своей жизни Васнецов уже не брался за новые значительные полотна, но по-прежнему почти все свое время проводил в мастерской, поправляя и совершенствуя прежние картины. Силы иссякали. Позади остался долгий и прекрасный путь, путь, пройденный художником-гражданином, чье творчество невозможно представить вне родной почвы, русской природы, русского народа с его преданиями, песнями, былинами...

Васнецов был истинно национальным художником. Он без остатка отдал свое дарование Родине, которую любил беззаветно. Передать в своих творениях величие Отечества, духовную красоту и мудрость родного народа он считал творческим долгом: «Я только Русью и жил».

И долг этот отдал сполна.